

Россия и Европа
глазами
Орудж-Бека Баята –
Дон Жуана

Персидского

ИСТОЧНИКИ

АЗИАТИКА

ПУТЕШЕСТВИЕ
ОРУДЖ-БЕКА БАЙАТА
ДОН-ЖУАНА ПЕРСИДСКОГО
С 1599 ПО 1601 Г.Г.

Серия
«АЗИАТИКА»

РОССИЯ И ЕВРОПА
ГЛАЗАМИ
ОРУДЖ-БЕКА БАЯТА —
ДОН ЖУАНА ПЕРСИДСКОГО

*Перевод с английского,
введение, комментарии и указатели
Октяя Эфендиева и Акифа Фарзалиева*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
2007

ББК 63.3(54)

Р76

Р76 **Россия** и Европа глазами Орудж-бека Баята — Дон Жуана Персидского / Пер. с англ., введ., коммент. и указ. О. Эфендиева, А. Фарзалиева. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. — 211 с. — (Азиатика).

ISBN 5-8465-0405-1 (Филол. фак-т СПбГУ)

ISBN 5-288-04139-3 (Изд-во С.-Петербур. ун-та)

Книга является вторым изданием перевода на русский язык труда азербайджанца Орудж-бека из племени баят, впервые вышедшего в свет в 1604 г. и посвящена описанию его путешествия в составе персидского посольства в Испанию. Написанная для европейского читателя, мало знакомого с жизнью Востока, книга содержит обширный материал по истории и географии России, Европы, Азербайджана, Персии и Турции, много места уделено в ней описанию обычаев народов этих стран. Являясь ценнейшим историческим источником, книга Орудж-бека представляет собой живое, увлекательное повествование.

ББК 63.3(54)

ISBN 5-8465-0405-1

ISBN 5-288-04139-3

© О. Эфендиев, А. Фарзалиев,
пер., введ., коммент., указ., 2007

© Филологический факультет СПбГУ, 2007

© С. В. Лебединский, оформление, 2007

Предисловие к первому изданию

Предлагаемая вниманию читателей книга во многих отношениях необычна. Необычно сложилась и судьба автора.

В Европе и России наш автор до последнего времени был известен как *Дон Хуан Персидский*, или *Дон Жуан Персидский* («*Дон Хуан де Персия*» — у академика В. В. Бартольда)¹. «Так прозвали азербайджанца Орудж-бека из кызылбашского племени баят, прибывшего в Испанию в 1599 г. (1601 г. — *О. Э. и А. Ф.*) в качестве секретаря иранского (сефевидского) посольства. Он принял христианство и пожелал навсегда остаться в Испании», — писал выдающийся советский историк-востоковед И. П. Петрушевский².

Книга Орудж-бека вышла в свет в 1604 г. на испанском языке³ в Вальядолиде — тогдашней столице Испанского королевства, за год до того, как в набор пошла первая часть знаменитого «Дон Кихота» Сервантеса.

Примечательно, что в ту пору, когда книгопечатание только-только начинало развиваться в Европе, книга Орудж-бека (Дон Жуана) была одной из немногочисленных книг по истории Востока, изданных в Испании, и одним из первых образцов мемуарной литературы. В эпоху буржуазных революций и укрепления капитализма велик был интерес европейцев к «сказочно богатым» странам Востока, к проживавшим там племенам и народам. Но не только этим объясняется повышенный интерес к аналогичным сочинениям. Дело в том, что европейское общество в тот период было охвачено тревогой и беспокойством относительно дальнейших шагов Османской империи, все еще представлявшей серьезную угрозу для Западной Европы. Борьба с этой опасностью, ликвидация этой угрозы стали первейшей задачей европейской политики.

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М., 1977. С. 307.

² Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Белецкий Л. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 271 (далее — История Ирана).

³ Relaciones de Don Ivan de Persia. Dirigidas a la Magestad catholica de Don Philippe III. Año 1604, Valladolid.

Сефевидское государство, с которым воевала тогда Османская Турция, было естественным союзником государств Европы. Отсюда и жгучий интерес европейского читателя к Сефевидской державе, к ее истории и населению, ее военному и экономическому потенциалу.

Проходили годы, шли века, а книга Дон Жуана не переиздавалась и не переводилась на другие языки. И только в 1926 г. она была переведена на английский язык и издана в Лондоне известным ориенталистом Г. Ле Стренджем⁴. Ввиду того, что старое испанское издание сохранилось в считанных экземплярах и труднодоступно, исследователи пользовались в основном английским изданием Ле Стренджа, получившим широкое одобрение специалистов-востоковедов. Английский текст вместе с введением и примечаниями Ле Стренджа был переведен на персидский язык и опубликован в 1959 г. в Иране под названием «Дон Жуани Ирани».

В 1946 г. в Мадриде было осуществлено второе издание испанского оригинала «Relaciones», предпринятое известным испанским ученым Нарсисо Алонсо Кортесом⁵.

Книга Дон Жуана неизвестна читателям нашей страны, на русском языке она издается впервые. Перевод осуществлен с вышеуказанного английского текста. Мы сочли необходимым предпослать переводу небольшую статью со сведениями об эпохе и жизни Орудж-бека Баята, раскрыть содержание труда и определить его место среди многих известных источников по истории Сефевидского государства.

Ле Стрендж указывал, что в испанском оригинале сочинения допущено много неточностей и неясностей в написании имен собственных и географических названий. Часть их не поддается расшифровке и идентификации. Мы также оставили эти имена и названия в том виде, в каком они даны в тексте в латинской графике.

При переводе на русский язык мы стремились строго придерживаться английского текста, избегая «отсебятины». Но это нам не всегда удавалось: увлеченные содержанием, мы позволили себе чуть-чуть заполнить «пустоты», которые и у вас, дорогой читатель, оставь мы их «зирать», вызвали б недоумение. И все же... первым всегда трудно, а ведь мы — первые переводчики на русский этого весьма интересного, но вместе с тем сложного по содержанию труда. При передаче восточных имен собственных и географических названий, а также специальной терминологии мы руководствовались современной научной литературой.

Выражаем признательность М. И. Мамедалиеву за перевод текста с латинского.

⁴ Don Juan of Persia a shi'ah catholic. 1560–1604 / Transl. and ed. with an introduction by +G. Le Strange. London, 1926.

⁵ Relaciones de Don Ivan de Persia / Prologo y notas de D. Narciso Alonso Cortes. Madrid, 1946 (далее — *Кортес Н. А.*).

Предисловие ко второму изданию

Со времени выхода в свет первого издания книги Орудж-бека в переводе на русский язык (Баку, 1988) прошло около 20 лет. За эти годы книга получила широкое признание — об этом свидетельствуют не только ссылки на нее в научных трудах, но и включение ее отдельных глав в популярные сборники. Однако сегодня эта книга стала библиографической редкостью, поэтому ее новое издание представляется весьма своевременным.

В предлагаемое читателю переиздание труда Орудж-бека внесены некоторые изменения: расширен указатель; приведены в соответствие с современным написанием географические названия и имена; для удобства читателей комментарий дается в виде подстрочных примечаний.

Введение

В истории каждого народа были личности, жизнь и деятельность которых привлекали внимание современников, имена которых были популярны в свое время, произведениями коих зачитывались. Но проходили годы, проходили века, предавая их забвению, и даже память о них не дошла до нас.

Были и такие, кто попадал в историю не под своим подлинным именем. По тем или иным причинам оказавшись вдали от родины, своими произведениями они получили широкую известность на чужбине. Важная задача исследователей и состоит в том, чтобы «открыть» этих деятелей, освободить их от завалов веков, представить современникам, сделать их жизнь и творчество достоянием их же народов. Одной из таких личностей был азербайджанец Орудж-бек из племени баят, вошедший в историю под именем Дон Хуана (Жуана Персидского)¹.

Биографические сведения о нашем авторе чрезвычайно скудны и отрывочны. Мы знаем о нем в основном только то, что он сам сообщает о себе. Мы не знаем даже точно его настоящего имени, так как оно дошло до нас в искаженной испанской графике *Uruch bec*. Ле Стрендж предлагает читать это как *Ulugh*, считая его широко популярным в то время. В. В. Бартольд и И. П. Петрушевский читают это имя как *Урудж*. Более правильным мы считаем *Орудж*, ибо в этой форме оно существовало тогда и бытует ныне в азербайджанском языке.

Орудж-бек — Дон Жуан был сыном Султанали-бека, принадлежавшего к знати азербайджанского кызылбашского племени баят. Отец

¹ Национальная принадлежность Дон Жуана не вызывает сомнений. Выдающийся советский историк-востоковед и кавказовед И. П. Петрушевский называет его «азербайджанцем из кызылбашского племени Баят», «обыспанившимся азербайджанцем из племени Баят» (см.: *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949. С. 92. История Ирана. С. 271). Имеется специальная работа О. А. Эфендиева «Дон Хуан Персидский или Орудж-бек Баят?» (Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права. 1966. № 2. С. 62–70).

Орудж-бека был видной фигурой при дворе сефевидского шаха Мухаммеда Худабенде (1578–1587), он выполнял ответственные поручения как самого шаха, так и его сына Хамза-мирзы. Деятельность последнего была направлена на усиление центральной власти и усмирение кызылбашской знати. Это было тяжелое время для азербайджанского государства Сефевидов. Почти весь Азербайджан был захвачен Османской Турцией, а внутри страны в этот опасный момент вспыхнули мятежи кызылбашских племен. Отец Орудж-бека был направлен для переговоров к Амир-хану, вождю племени *туркман* и правителю Тебриза. Ему удалось убедить мятежника подчиниться шаху, после чего Амир-хан был арестован, заключен в крепость Кахкаха и казнен.

Орудж-бек получил боевое крещение, приняв вместе с отцом участие в битве с отрядами Осман-паши в окрестностях Тебриза.

Султанали-бек погиб в 1585 г. во время одной из отчаянных попыток кызылбашей овладеть османской крепостью в Тебризе, где заперся турецкий гарнизон. По словам нашего автора, его отец получил приказ Хамза-мирзы проникнуть в османскую крепость во главе своих трехсот всадников, «которых он вооружил за свой собственный счет и привел их в шахскую армию». В этой операции принял участие и Орудж-бек. Однако эта попытка штурма вражеской крепости, как и многие предыдущие, окончилась неудачей: в битве с турками на глазах у сына погиб отец. Командование отрядом баятцев было поручено молодому Орудж-беку.

Ле Стрендж предполагает, что в момент смерти отца Орудж-беку было около 25 лет, следовательно, он должен был родиться около 1560 г. Между тем испанский исследователь Нарсисо Алонсо Кортес считает датой его рождения 1567 г., а значит, во время описанных событий ему было 18 лет, что представляется нам более правдоподобным².

Весной того же 1585 г. Орудж-бек участвовал в походе Хамза-мирзы против восставших племен туркман и *текели*, занявших новую столицу Казвин. Орудж-бек верно служил принцу Хамза-мирзе, сопровождая его в походах, вплоть до убийства последнего у Гянджи. После восшествия на престол шаха Аббаса I (1587–1629) новый сефевидский правитель в течение семи с половиной лет предпринял, как говорит Орудж-бек, более пятидесяти военных кампаний; во многих принимал личное участие и Орудж-бек. Он сопровождал шаха в его победоносном походе 1589 г. против узбеков в Герат и за услуги был выдвинут на высокий военный пост (вместе с Аликули-беком, его другом и секретарем сефевидского посольства, о котором речь пойдет ниже).

Шах Аббас I застал страну в тяжелом положении. Сефевидское государство было вынуждено пойти на унижительный мир 1590 г. с Османской империей, уступив ей Восточную Грузию, Армению, Курдистан и почти весь Азербайджан. Но правительство шаха Аббаса I не отказа-

² Кортес Н. А. Указ. соч. С. 15.

лось от мысли вернуть эти территории и использовало мирную передышку для подготовки к новой войне с Турцией.

К этому времени в Исфahan прибыли знаменитые английские авантюристы — братья Шерли, уговорившие шаха Аббаса I, в связи с возобновлением османско-сефевидской войны, направить в Европу посольство, в состав которого был включен и Орудж-бек.

Чтобы понять судьбу Орудж-бека и его товарищей по посольству, решившихся на отчаянный шаг — принять христианство и остаться на чужбине, надо, как нам представляется, сделать экскурс в историю возникновения и развития азербайджанского государства Сефевидов. Это тем более необходимо, что сам Орудж-бек, судя по соответствующим разделам его труда, имел довольно смутное и неполное представление о событиях, связанных с историей первых Сефевидов.

Сефевидское государство возникло на развалинах государства Ак-Коюнлу, которое к концу XV в. раздиралось социальными противоречиями. Положение народа, доведенного нещадной эксплуатацией до нищеты, было отчаянным. Народ искал выхода и нашел его в широко распространившихся шиитских верованиях в пришествие имама-мессии. Ардебильские шейхи из династии Сефевидов давно стремились к установлению политического господства в Азербайджане и сопредельных странах, созданию крупного шиитского государства под своей эгидой. Таким образом, широкое народное движение сомкнулось с неумным желанием ардебильских феодалов к политической власти и одержало победу. Но от этого выиграли только феодальные круги.

В качестве своей ударной силы Сефевиды использовали азербайджанские племена *шамлу, устаджлу, румлу, текели, зультадар, афшар, каджар, варсак*, а также *суфиев Карадага* (в Азербайджане).

Летом 1499 г. тринадцатилетний Исмаил выступил из Гиляна со свитой в семь человек. За короткое время он оказался во главе семитысячного отряда хорошо вооруженных *муридов*, готовых умереть за своего шейха. Вскоре этот отряд разгромил многократно превосходящие силы ширваншаха Фарруха Ясара, а затем правителей Ак-Коюнлу. В конце 1501 г. кызылбаши заняли столицу государства Ак-Коюнлу — Тебриз. Так было основано Азербайджанское государство во главе с шахом Исмаилом I. Первоначально носившее характер феодального объединения, движение кызылбашей позднее переросло в завоевательные походы, в ходе которых Сефевиды оказались во главе огромного государства. К 1510 г. в его составе были уже Армения, восточная часть Малой Азии и весь Иран. Но несмотря на это, метрополией и центральной областью государства в течение почти всего XVI в. оставался Азербайджан, а столицей государства — Тебриз (до 1555 г.), а затем Казвин (до 1598 г.).

Как внутренняя, так и внешняя политика основателя Сефевидского государства шаха Исмаила I и его ближайших преемников осуществля-

лась в интересах господствующего класса феодалов, и в первую очередь азербайджанской кызылбашской знати. Почти до самого конца XVI в. азербайджанская знать пользовалась исключительными привилегиями: только из ее рядов назначались главные придворные сановники, правители областей, военачальники; войско состояло исключительно из ополчений (*кошун*) этих племен. Азербайджанский язык был господствующим при дворе и армии, так как он был родным языком правящей династии и кызылбашских племен. Впервые этот язык стал также языком государственной и дипломатической переписки.

С самого начала политическая власть в Сефевидском государстве носила теократический оттенок. Шиизм — одно из двух главных течений ислама — был объявлен государственной религией, обязательной для всех мусульман. Сефевиды приступили к преследованию суннитов, которых рассматривали как своих политических противников и, в первую очередь, как сторонников Османской Турции. В Османской державе гонения на шиитов в ту эпоху проводились с еще большей жестокостью. Элемент теократии сказывался в том, что шахи Сефевиды, как и их предки, продолжали носить звание главного ардебильского шейха ордена *Сефевийе*. Кызылбашские эмиры и рядовые воины считали себя по-прежнему *суфиями*, *мюридами*, *дервишами* своего шаха-шейха. Поэтому европейские дипломаты и путешественники обычно называли сефевидского шаха «великий суфи». Это была удобная идеологическая субординация, которой шахи очень дорожили, так как она укрепляла отношения сюзерена и вассалов, хотя по образу жизни сефевидские правители мало походили на своих далеких предков.

После смерти шаха Исмаила I (1524 г.) центральная власть в государстве ослабла вследствие вспыхнувших междоусобиц кызылбашской племенной знати. Период этот длился до 1534 г., когда достигший совершеннолетия шах Тахмасиб (1524–1576) взял в свои руки государственные дела. Неурядицами Сефевидов немедленно воспользовался османский султан Сулейман I, который в течение 20 лет четыре раза бросал свои полчища на Азербайджан. В ту эпоху Османская империя находилась в зените своего могущества. Стремление Турции завоевать Азербайджан и выйти к Каспийскому морю диктовалось прежде всего тем, что страна являлась крупным производителем шелка-сырца, была богата природными ресурсами; здесь проходили доходные пути транзитной торговли между Азией и Европой.

Но притязания Османской империи натолкнулись на упорное сопротивление азербайджанского государства Сефевидов, стремившегося распространить свое влияние на Западное Закавказье, Грузию. И все же превосходство было на стороне Османской империи, располагавшей неисчислимыми людскими и материальными ресурсами оккупированных ею стран. По мирному договору 1555 г. Сефевиды были вынуждены признать Западную Грузию сферой турецкого влияния, но сохранили

за собой сердцевину государства — Азербайджан, а также Восточную Грузию и Армению.

Сын шаха Исмаила I — Тахмасиб I сумел отстоять целостность государства в борьбе с внешними врагами. Внутри страны им были проведены некоторые социально-экономические реформы, укрепившие центральную власть. Была отменена *тамга* — налог с городского населения и торговли, размеры которого были высоки, облегчено налоговое бремя некоторых областей, введена система штрафов для пресечения злоупотреблений, реализованы меры в области монетного дела и т. д. Но все эти меры не принесли существенных улучшений в положение народа, о чем свидетельствуют восстание городской бедноты в Тебризе в 1571–1573 гг. и другие охватившие страну волнения.

После смерти шаха Тахмасиба I государство Сефевидов было вновь ослаблено междоусобицами кызылбашской знати. Пришедший к власти в результате кровавой борьбы шах Исмаил II (1576–1577) попытался укрепить власть, но пал жертвой феодального заговора. К концу 70-х гг. XVI в. государство было фактически поделено между кызылбашскими эмирами. Центральная власть в лице слабовольного шаха Мухаммеда Худабенде (1578–1587) была парализована и фактически бездействовала.

Внутренними раздорами в Сефевидском государстве вновь воспользовалась Османская держава, которая, нарушив мирный договор 1555 г., бросила свои армии в Закавказье. Началась новая полоса войн, длившаяся с 1578 по 1590 г. Османский султан Мурад III настойчиво и планомерно добивался оккупации стран Закавказья. Этим странам был нанесен колоссальный урон. Особенно пострадал Азербайджан, ставший ареной кровопролитных сражений. В выжженную землю был превращен Ширван, куда, помимо турок, неоднократно вторгались грабительские орды крымского хана³.

Охваченное внутренней борьбой и раздираемое острыми противоречиями государство Сефевидов оказалось неспособным противостоять натиску турецких армий и вынуждено было заключить мир. Сефевиды признали оккупацию султаном Грузии, Армении и почти всего Азербайджана.

Оккупация Азербайджана Османской империей, продолжавшаяся до начала XVII в., положила конец существованию азербайджанского государства Сефевидов, основанного шахом Исмаилом I. Почти двадцатилетнее господство в стране османских феодалов привело к расхищению ее богатств, развалу экономики. Поэтому Азербайджан не смог сохранить свое былое значение в системе Сефевидского государства и в дальнейшем уступил его иранским областям. К тому же азербайджанская кызылбашская знать и племена в ходе внутренних и внешних войн сильно ослабли, потеряв значительную часть людей. Они были посте-

³ См.: *Фарзалиев А. М.* Сочинение Али-эфенди как источник по османо-сефевидским отношениям конца XVI в. // В сокровищнице рукописей. Т. 7. Баку, 1986. С. 59–63.

ленно оттеснены иранскими, курдскими и другими этническими элементами, чему в значительной степени способствовали реформы шаха Аббаса I⁴.

Орудж-бек покинул свою страну в 1599 г. Это было время, когда шах Аббас I уже приступил к проведению своих далеко идущих военно-административных реформ, которые ударили, в первую очередь, по кызылбашским племенам, к которым принадлежал и наш автор. Создание постоянного войска постепенно уменьшило значение кызылбашских племенных ополчений и роль азербайджанского элемента в армии.

Как известно, дипломатические контакты азербайджанских государств с Европой укрепились во второй половине XV в., в период правления Узун Хасана Ак-Коюнлу. В Европе в азербайджанском государстве Ак-Коюнлу видели могущественного союзника против турецкого султана Мухаммеда II Фатиха (Завоевателя), проводившего экспансионистскую политику в юго-восточной Европе. Угроза османского нашествия в XVI в. для стран Западной Европы стала реальной. Непосредственная опасность вторжения нависла над Италией, Польшей. Османские армии дошли до Вены. Большую активность в создании антитурецкого союза проявлял, как и прежде, Папа Римский. Строились планы создания союза христианских государств с привлечением к нему враждебных Турции азиатских стран, в числе которых главная роль отводилась теперь азербайджанскому государству Сефевидов. При этом расчет делался на расчленение сил Османской державы на два фронта — западный и восточный. Письмами на этот счет обменивались шах Исмаил I и император Священной Римской империи Карл V⁵. Дипломатические отношения Сефевидов с европейскими монархами не прерывались и позже, однако этот союз не стал эффективным из-за противоречивости интересов его участников. Всячески толкая Сефевидов на войну с Турцией, государи Запада отнюдь не помышляли сами принимать в ней серьезное участие. Они стремились только отвлечь внимание султана на азиатский театр войны, уменьшая тем самым опасность для себя и своих владений.

Когда Османская Турция развернула крупномасштабную войну против Сефевидского государства в 1578 г., европейские державы придерживались политики невмешательства, несмотря на призывы шаха Мухаммеда Худабенде о помощи. Но интересы европейских стран и Сефевидов объективно совпадали, и это отразилось в инициативе шаха Аббаса I, направившего в европейские дворы новое посольство, с тем чтобы заручиться их поддержкой.

⁴ Об истории государства Сефевидов, правлении шаха Исмаила и Тахмасиба подробно см.: *Петрушевский И. П.* 1) Государства Азербайджана в XV в.; 2) Азербайджан в XVI–XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949; *Эфендиев О. А.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку, 1961; Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку, 1981.

⁵ См.: *Эфендиев О. А.* Образование азербайджанского государства... С. 140–142.

Во главе посольства был некий Хусейнали-бек, при нем были четыре секретаря и пятнадцать слуг; одним из секретарей посла был его племянник Аликули-бек, а первым секретарем — Орудж-бек.

Антоний Шерли, сумевший втереться в доверие к шаху Аббасу I, получил задание сопровождать сефевидского посла и содействовать ему в переговорах с европейскими монархами. С ним также было пять переводчиков и пятнадцать англичан. К посольству присоединились и два португальских священника, направлявшиеся на родину.

Дипломатическая миссия Хусейнали-бека была уполномочена посетить восемь европейских государств: Германию, Рим, Испанию, Францию, Польшу, Венецию, Англию и Шотландию.

Сефевидское посольство оставило Исфахан 9 июля 1599 г. и направилось к Каспийскому побережью в Гилян по маршруту: Кашан — Кум — Саве — Казвин. Здесь члены посольства сели на корабль и взяли курс на Астрахань. По пути они чуть было не потерпели кораблекрушение: их даже прибило к восточному берегу Каспия — к полуострову Мангышлак. К началу октября путники с трудом добрались до устья Волги. Здесь они пересели на галеры и прибыли в Астрахань.

В Астрахани их дождался другой кызылбашский посол с огромной свитой в 300 человек. Он должен был присоединиться к Хусейнали-беку и сопровождать его до Москвы, где ему было предписано быть аккредитованным в качестве представителя шаха Аббаса I при дворе царя Бориса Годунова. Из Астрахани путешественники поднялись вверх по Волге и через Царицын и Самару два месяца спустя достигли Казани. Выше Казани река замерзла: путники пересели на сани и с остановками в Чебоксарах, Нижнем Новгороде, Муроме и Владимире в начале ноября добрались до Москвы.

В качестве гостей царя Бориса Годунова представительство провело в русской столице первую зиму путешествия. В начале 1600 г. посольство Хусейнали-бека продолжило свой путь. Специальный кызылбашский посол Пиркули-бек остался со своей свитой при дворе московского царя.

По суше пройдя через Переяславль, путешественники достигли Ярославля, где вновь пересели на галеры и поднялись до Рыбинска. Их следующей целью был город Прага в Богемии. Но вместо того, чтобы избрать прямой сухопутный путь на запад, им посоветовали достичь Архангельска и далее морем доехать до цели. Через Холмогоры путешественники достигли берегов Белого моря. В Архангельске они вновь сели на корабль, обогнули Скандинавский полуостров и вошли в устье Эльбы. В городе Эмден посольство сошло на берег и было гостеприимно принято герцогом Ольденбургским, после чего двинулось в Кассель, где также воспользовалось вниманием местного ландграфа. Последующий маршрут из Касселя в Прагу не поддается уточнению из-за искаженности немецких наименований, упоминаемых в рассказе Орудж-бека.

Как полагает Ле Стрендж, путешественники шли по маршруту Кассель — Веймар — Галле — Лейпциг и далее вверх по Эльбе через Саксонскую Швейцарию. Осенью 1600 г. они пересекли границу Саксонии и вступили в пределы Германской империи. В Праге они были роскошно приняты императором Рудольфом II (1576–1612), внуком Фердинанда I, брата короля Карла V. Здесь путешественники перезимовали, а весной 1601 г. отправились в путь, следуя через Нюрнберг и Аугсбург. В Мюнхене им был оказан радушный прием баварским герцогом Вильгельмом II Благочестивым. Затем путники направились в Италию, чтобы добраться до Венеции. В Мантуе герцог Гонзага принял их с большими почестями. Отсюда посольство двинулось на северо-восток и, согласно Оруджбеку, прибыло в город Верона уже на территории Венецианской республики. Здесь сефевидскому послу пришлось дожидаться ответа на свое письмо дожу Венеции с просьбой о приеме. Однако венецианский правитель отказался от встречи, ссылаясь на то, что в настоящее время у него гостит турецкий посол и поэтому, мол, он не может принять одновременно послов двух враждующих между собой стран.

Посольство проследовало через Мантую на юг, во Флоренцию. Далее путники прибыли в Сиену, направляясь для встречи с Папой Римским. Но здесь сефевидский посол Хусейнали-бек крупно поссорился с Антониом Шерли, которого обвинил, не без основания, в краже посольских ценностей, предназначенных для подношения Папе. Они были раздельно приняты папой Климентом VIII (1592–1604), после чего упоминание о Шерли и его англичанах исчезает из повествования Оруджбека. После этого скандала Шерли оставил своих коллег по посольству и отправился в Венецию. В Риме трое мусульман из свиты посла, воспользовавшись замешательством, остались в Ватикане, приняв католичество.

Из Рима Хусейнали-бек с оставшимися членами посольства двинулся по направлению к Испании. По суше путники прибыли в Геную, а затем морским путем — в Савону, где пересели на коней и, следуя по южной части Франции, добрались до Авиньона. Здесь их принял папский легат, оказавший помощь в дальнейшем движении к Перпиньяну через Монпелье — Нарбон. Эскортируемые отрядом французских солдат путешественники с большими трудностями пересекли опасные теснины Пиренеев, очутились в Испании и прибыли в Барселону. Отсюда они направились на запад и через Сарагосу достигли цели путешествия — города Вальядолид, бывшего в то время резиденцией испанского короля.

В течение двух месяцев посольство гостило при дворе короля Филиппа III (1598–1621). Вручив испанскому монарху послание шаха Аббаса I, сефевидский посол собрался в обратный путь. Завершив свою миссию только в трех странах — Германии, Риме и Испании, Хусейнали-бек был вынужден отказаться от посещения остальных пяти стран. Чтобы избежать лишней утомительного пути через Европу и Россию, посол, по видимому, намеревался вернуться на родину морским путем вокруг Аф-

рики до Ормуза. Поэтому посольство двинулось к атлантическому берегу, посетив по пути города Сеговию, Мадрид, Аранхуэс, Толедо, Трухильо, Мериду; через Бадахос вступило в Португалию и прибыло в Лиссабон.

Однако в Мериде один из членов посольства был убит неизвестным испанцем. Несмотря на все старания местных властей, убийцу найти не удалось. По указанию посла, занятого в Лиссабоне подготовкой к отплытию, Орудж-бек отправился назад в Вальядолид, чтобы потребовать от короля возмездия за убийство.

Перед отплытием Хусейнали-бека из Лиссабона с ним произошла еще одна неприятность: трое из четырех его секретарей изменили исламу и приняли христианство. Один из них — Аликули-бек — был, как упоминалось выше, племянником самого посла. Филипп III стал его крестным отцом, дав ему свое имя: он получил имя дона Филиппа Персидского. Вторым крещеным был Буньяд-бек, ставший доном Диего Персидским. Наконец, последним вероотступником стал Орудж-бек, Дон Хуан (Дон Жуан) Персидский, крестной матерью которого стала Маргарита Австрийская, королева Испании.

Любопытно, что в сочинениях историографов Сефевидского периода не встречается упоминаний о кызылбашском посольстве 1599–1601 гг. в Европу (посольство Хусейнали-бека). По-видимому, мы имеем дело с явным игнорированием этого позорного, с точки зрения фанатичных шиитских кругов, факта: посольство, среди членов которого оказалось много вероотступников, было, мол, осуждено правящими верхами. Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы только Хусейнали-бек добрался до своей родины, его не постигла бы суровая кара шаха Аббаса I.

До недавнего времени считалось, что Орудж-бек был убит 15 мая 1605 г. в Вальядолиде⁶. Эта версия Ле Стренджа опиралась на сообщение Эмилио Котарело, написавшего предисловие к изданию сочинений Саласо Барбадильо, известного драматурга и поэта того времени, судившегося с Буньяд-беком.

Однако в свете последних данных это сообщение, видимо, не соответствует истине. Об этом недвусмысленно пишет Нарсисо Алонсо Кортес в предисловии к новому изданию сочинения Дон Жуана. Прочитав это место: «*Дон Хуан*, дон Диего и дон Филипп Персидские остались в Вальядолиде при дворе Филиппа III. В течение долгого времени говорили, что *дон Хуан* трагически погиб в этом городе, но это совершенно неверно. Эта ошибка распространилась с того момента, когда дон Паскуаль де Гаянгос опубликовал в журнале “Испания” некоторые фрагменты “Фастигинии”, очень интересной книги, в которой португалец Пинеиро де Вейга описал свои впечатления о пребывании в Вальядолиде во время правления Филиппа III; из рассказов о *доне Хуане Персидском* следует, что после одного из инцидентов, происшедшего

⁶ Ле Стрендж. Указ. соч. С. 10.

15 мая 1605 г. между *доном Хуаном Персидским* и послом Персии, последний убил первого шпагой; хотя все эти утверждения противоречивы, возникает также сомнение в правильности копии Британского музея, которой пользовался Гаянгос. Но несколько лет спустя после публикации этой версии появилось в свет полное издание “*Фастигинии*”, предпринятое Хосе Перейра де Сампайо, директором муниципальной библиотеки в Опорто, у которого в наличии были четыре рукописи. Тогда стало ясно, что Пинеиро де Вейга, говоря о случившемся, утверждает обратное высказанному Гаянгосом: не посол убил *дона Хуана Персидского*, а наоборот, последний убил посла⁷.

Далее Н. А. Кортес приводит текст донесения алькальда Мельхиора де Тейеса герцогу Лерме на следующий день после инцидента, т. е. 16 мая 1605 года⁸. На основании этих сообщений испанский исследователь считает, что в марте 1606 г., когда двор Филиппа III переехал в Мадрид, *дон Хуан*, дон Филипп и дон Диго Персидские, которым монарх выделил высокую годовую ренту, также переехали вместе со двором. О дальнейшей жизни Дон Жуана Орудж-бека мы ничего определенного не знаем. Кортес полагает, что после издания своего труда Дон Жуан, «возможно пользуясь официальной протекцией, стал одним из праздных придворных»⁹. Дон Филипп Аликули-бек женился на уроженке Вальядолида донье Луисе де Кирос еще до переезда двора в Мадрид 25 января 1606 г. Приводится копия метрической записи о помолвке¹⁰. Дон Диго Буньяд-бек вернулся в Мадрид вместе со двором, общался с поэтами и артистами и вел разгульную жизнь. В 1609 г. произошла серьезная стычка между ним и знаменитым испанским писателем Алонсо Херонимо де Саласо Барбадильо. Кортес пишет, что они были большими друзьями, но однажды «после очень веселого ужина с другими друзьями и подругами» они поссорились, пустили в ход шпаги и были ранены. Через некоторое время они вновь подружились¹¹.

⁷ Кортес Н. А. Указ. соч. С. 27–28.

⁸ Там же. С. 30–31.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Приводим перевод свидетельства: «Я, доктор Мигель Гомес, священник прихода Сан-Педро города Вальядолид, свидетельствую, что в течение трех дней было обдумывание между *доном Филиппом Персидским* по национальности турок (т. е. азербайджанец. — О. Э. и А. Ф.), крещеный, прихожанин моего прихода, и *доньей Луисой де Кирос*, также моей прихожанкой, уроженкой города Вальядолида, дочерью *Хуана де Кирос* и *доньи Марии де Арсе*, на основе разрешения, подписанного нотариусом Филиппом де Вега, в котором говорится о его прежней женитьбе на его родине; так как брак заключается с католичкой, нет никаких противопоказаний к заключению брака; брак заключен в моем присутствии святым отцом Тридентино, при свидетелях *Хуане де Олабе* и *Хуане де Роблес*, моих прихожанах, и *Габриеле Санчес*, прихожанине Сан-Мартина, и подписано 25 числа января месяца года 1606, помолвка — доктор Мигель Гомес» (Приходская архив Сан-Педро, Вальядолид. Книга записей о браке от начала 1603 года, законченной в 1655 году. Т. 3. С. 63) (цит. по: Кортес Н. А. Указ. соч. С. 34–35).

¹¹ Кортес Н. А. Указ. соч. С. 34.

В свете исследований, проведенных испанским ученым, большим знатоком архивов и истории Испании того времени, следует также внести уточнения в вопрос о написании издаваемого труда. В отличие от Ле Стренджа, приписывающего значительную роль в создании испанского текста другу Дон Жуана лиценциату Алонсо Ремону, Кортес считает, что роль последнего ограничивалась редактированием испанского текста, написанного самим Дон Жуаном. Ученый полагает, что Дон Жуан Персидский говорил на испанском языке до приезда в Вальядолид, уже тогда, когда посольство выехало из Рима вместе с испанским каноником Франсиско Гуаске, неотлучно сопровождавшим их. Он считает, что Дон Жуан мог писать не только кастильскую прозу, но также и стихи. В книге, по мнению Кортеса, нет разности стиля, но присутствует личность автора, часто рассказывающего о пережитых событиях¹².

Свои наблюдения Н. А. Кортес заключает так: «Из всего ранее сказанного следует, что *дон Жуан Персидский* написал на персидском языке свои “Рассказы” и затем перевел их на наш язык и что Алонсо Ремон помог ему в сборе дат и в той или иной степени отредактировал его кастильский текст»¹³.

Теперь рассмотрим содержание труда Дон Жуана, который разделен на три книги. Во вступительной части **первой книги**, состоящей из 13 глав, автор не скрывает своей гордости за совершенное им путешествие, сравнимое, по его мнению, только с путешествиями Марко Поло и Магеллана. В своем сочинении он обещает внести поправки в географический трактат Ботеро и в «Историю войн между турками и персами» Минадои. Во II главе дано описание различных провинций Персии. III и IV главы посвящены сефевидским дворцовым учреждениям, приведены названия 32 знатных племен, т. е. представителей кызылбашской знати, занимавших главные должности при дворе и провинциях и состоявших в родственных отношениях с правящей династией. Интересен рассказ о нравах и обычаях, похоронных и свадебных обрядах, об армии и вооружении, занятиях и верованиях населения.

С V главы начинается изложение истории Персии со дней библейского Нимрода до сасанидских царей (главы V–VII). Здесь легенда и быль трудно отличимы. Как патриот своей «бывшей» родины Оруджбек стремится показать, что государство Сефевидов было якобы наследником Вавилонского и Ассирийского царств. Сасанидам посвящены VIII и IX главы. Последние X–XIII главы содержат рассказ о времени мусульманских династий вплоть до начала XVI в.

Изложение Орудж-беком досефевидского периода истории Персии представляет несколько наивный рассказ, основанный на средневековых европейских компиляциях типа «Всемирных рассказов» Бенеса

¹² Кортес Н. А. Указ. соч. С. 11–15.

¹³ Там же. С. 15.

Ботеро, «Всеобщей истории» Хуана Пинеды и т. п. К тому времени в Европе не было еще издано ни одного сочинения арабского или персидского историка, а в библиотеках Вальядолида вряд ли можно было найти какие-либо восточные манускрипты, иначе автор использовал бы их в своем труде, а ведь в ту пору они были уже известны на Ближнем Востоке в виде рукописей. Дон Жуан, гордясь своей новой верой, мимоходом говорит о пророке Мухаммеде и ссылается на «отвратительные» догматы Корана. В рассказе о первых четырех халифах — Абубакре, Омаре, Османе и Али проявляется явная симпатия к шиизму, который исповедовал до того сам автор. История Омейядов и Аббасидов изложена как прелюдия к победе последователей Али и шиитской веры, триумфу шаха Исмаила I Сефевиды. По утверждению Орудж-бека, Мухтар, отомстивший за смерть сына Али — Хусейна, и мятежник Абу Муслим в Хорасане были среди предков шаха Исмаила I, что ничего общего с исторической действительностью не имеет.

После истории Багдадского халифата мимоходом упоминается о турках-сельджуках и татарах (монголах) и о возвышении в Малой Азии османских султанов, которые впоследствии стали главными врагами сефевидских шахов. Здесь автор пользовался трудами византийских историков, что видно из странного написания многих мусульманских, в частности сельджукских, имен собственных. Так, сельджукид Тогрул выглядит как *Транголипикс*. Имена *Алфagalо* и *Белсефо* трудно идентифицировать.

Автор ошибочно считает Тамерлана (Тимура) «одним из царей Персии», между тем в Иране и Закавказье последний выступал как жестокий тиран и завоеватель, столица которого находилась в Средней Азии — Самарканде. Касаясь причин вражды между турками и персами, выразившейся в расколе суннизма и шиизма, автор переходит затем к истории Узун Хасана. Этот выдающийся правитель династии Ак-Коюнлу был на равных с турецким султаном Мехмедом II, покорителем Константинополя. Узун Хасан был весьма примечательной личностью, недаром он главный герой сочинений ряда венецианских дипломатов и путешественников. Да это и вполне понятно, ибо Венеция и другие страны Европы, которым угрожала в ту пору Османская держава, видели в Узун Хасане самого сильного союзника, способного уничтожить султана. Катерино Дзено (посол Венеции в Иране) называет его *Узун Гассано*, а анонимный купец — *Ассамбеем*. Дон Жуан утверждает, что Узун Хасан происходил от некоего *Хасан-бека*, одного из турецких вождей, правивших в Малой Азии во второй половине XIV в. Но в генеалогии Ак-Коюнлу такого имени нет. Ближайшими предками его были Али-бек, Осман-бек, Кутлу-бек, Турали-бек и Пехлеван-бек (последний сражался с войском монгола Хулагу в середине XIV в.).

Сестра Узун Хасана была матерью шейха Хейдара, и ему, своему племяннику, Узун Хасан дал в жены дочь, ставшую матерью шаха

Исмаила I. Бабушкой шаха Исмаила I была Деспине (Катерина), дочь последнего византийского императора Трапезунда Кало Иоанна IV. Таким образом, через свою мать и бабушку с материнской стороны шах Исмаил I происходил от греческих императоров Комнинов. Со стороны же дедушки (Узун Хасана) он был законным наследником падишахов Ак-Коюнлу.

Вторая книга, разделенная на 12 глав, посвящена политической истории государства Сефевидов с начала его образования и до конца XVI в., т. е. до того времени, когда Орудж-бек навсегда расстался со своей родиной (1599 г.). При написании этого раздела Дон Жуан и его редактор имели перед собой достаточно полную историю османо-сефевидских войн последней четверти века, составленную упомянутым Минадои, а также сочинение об османских султанах француза Буассара на латыни.

В начале раздела Дон Жуан пытается разъяснить европейскому читателю, в чем состоит суть закона Али (т. е. шиизма), а также генеалогию шаха Исмаила I. Будучи вероотступником, он дает очень нелестную характеристику исламской религии и объясняет, как на этой почве произошел раскол между турками и персами. И в самом деле, войны Османской державы с государством Сефевидов проходили в форме религиозных войн суннитов с шиитами. Это была эпоха, не отличавшаяся веротерпимостью ни на Востоке, ни на Западе. Вспомним хотя бы многолетние войны между католиками и гугенотами, кровавую резню гугенотов — устроенную католиками знаменитую Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. в Париже... Во всех этих столкновениях религиозные расхождения были только внешней формой, за которой скрывались политические интересы и противоречия.

Какая родословная шаха Исмаила I, Дон Жуан утверждает, что его отец шейх Хейдар был якобы из рода Али, потомком седьмого имама Мусы Казима, иначе говоря, имел арабское происхождение. Теперь в науке неопровержимо доказано, что шах Исмаил I и Сефевиды никакого отношения к арабам не имели. Эта поздняя легенда, приписывающая Сефевидам сейидское (т. е. пророческое) происхождение, сложилась не ранее середины XV в. Когда династия Сефевидов утвердилась на престоле, она и в самом деле стала приписывать себе происхождение от пророка Мухаммеда. По официальной родословной шейх Сефи ад-Дин (родоначальник династии) происходит от седьмого имама Мусы Казима в 21-м поколении и является потомком Али и Фатимы (дочери пророка) в 26-м поколении. Конечно, эта выдуманная родословная нужна была династии для освящения своей власти в глазах народных масс.

Как известно, сторонников шаха Исмаила I стали называть кызылбашами по цвету головного убора (тюרבана) с двенадцатью красными полосками в честь двенадцати шиитских имамов. По имени кызылбашских племен государство Сефевидов получило название Кызылбашско-

го государства (*довлети Кызылбаши, мемлекети Кызылбаши*). Дон Жуан передает легенду о том, что этот головной убор был якобы введен зятем Мухаммеда — Али. Между тем хорошо известно, что этот отличительный знак был введен отцом Исмаила I шейхом Хейдаром «по указанию Али», полученном им в вещем сновидении. Именно при Хейдаре (1460–1488) отряды мюридов и дервишей ардебильских шейхов получили четкую военную организацию для выполнения политических задач, сокрушения своих врагов и создания государства.

Это хорошо видно из дивана (сборника стихов) шаха Исмаила (подписывавшего свои произведения именем Хатаи), где он претендует на «происхождение» от Али и Фатимы, объявляя себя «Богом в человеческом одеянии», «Ведущим Имамом», «Совершенным Руководителем», «Абсолютной Истиной» и т. д. Как известно, мессианская вера в пришествие двенадцатого «исчезнувшего» имама Махди была сильна в среде народных масс в ту эпоху, когда шиизм получил всеобщее распространение. По этому поводу известный востоковед-историк И. П. Петрушевский писал: «Шиизм стал идеологической формой выражения социальных чаяний народных масс, а вера в возвращение имама Махди, получившая религиозную форму, — идеей социального переворота. Воображению народных масс имам Махди рисовался как преобразователь общественного строя, избавитель от нужды, горя и угнетения. Мессианская идея явления имама Махди, преобразователя социального строя, и культ мученичества — вот что казалось наиболее привлекательным в шиизме, гонимой вере, для народных масс, вся жизнь которых в феодальном обществе была сплошным мученичеством»¹⁴. Шаха Исмаила I кызылбаши любили и даже боготворили. Огромной популярностью он пользовался и в народной среде, о чем сообщают, например, итальянские путешественники и дипломаты. Это обожание в значительной степени объяснялось тем, что появление Исмаила I на политической арене выдавалось за «пришествие имама Махди», борца за народные интересы, который покончит с социальным неравенством и эксплуатацией. Характерно, что перед вступлением в битву кызылбаши издавали воинский клич на родном языке: *«Гурбан олдугум, садага олдугум, пирим, муришидим»* (О мой пир, о мой мюришид, да буду я жертвой его).

Подробно рассказывает Дон Жуан о восстании в Анатолии шиитов-кызылбашей под руководством Шахкули из племени текели. Восстание приняло такой размах, что повстанческая армия приблизилась к берегам Босфора и стала угрожать самому Константинополю. Ценой огромных усилий султану Баязиду II удалось подавить это восстание. Достаточно сказать, что, по сведениям венецианцев, на рубеже XV и XVI вв. четыре пятых территории Малой Азии были населены шиитами. Часть их участвовала в создании Сефевидского государства. В Османском го-

¹⁴ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966. С. 267–268.

сударстве, как и в Ак-Коюнлу, шиизм был религиозной формой социального протеста низов против феодального государства.

Османский султан Селим Явуз (Грозный) (1512–1520), прежде чем начать войну с шахом Исмаилом I, решил обезопасить себя со стороны внутренней оппозиции — малоазиатских шиитов. Для этого по его приказу была проведена «варфоломеевская ночь» — массовая резня шиитов. Экзекуция была возложена на местных правителей (*бейлербеев* и *санджакбеев*), которые составили списки явных и тайных шиитов от 7 до 70 лет. Число убитых доходило до сорока тысяч человек. Война с кызылбаши была объявлена *джихадом* — священным долгом всех мусульман. Дон Жуан сильно преувеличивает количество войск султана Селима и шаха Исмаила I, принявших участие в знаменитой Чалдыранской битве 1514 г. Хотя кызылбаши и потерпели поражение в этом сражении, но оно не имело тяжких последствий для государства Сефевидов. Дон Жуан знал в молодости живших в Исфахане стариков, которые рассказывали ему о своих доблестных деяниях в ту войну. Шах Исмаил I с разбитой армией оставил Тебриз и отступил на запад. Султан Селим всего неделю оставался в сефевидской столице, так как была получена весть о возвращении Исмаила I с новым войском. Победа при Чалдыране позволила Селиму выступить против султана Египта Кансу Гури, союзника Исмаила. 78-летний мамлюкский султан потерпел жестокое поражение около Алеппо в 1516 г. Селим занял Сирию, Палестину, Египет и Хиджаз (с городами Меккой и Мединой).

Первые 3 главы второй книги посвящены периоду правления шаха Исмаила I и его битвам. А вот 52-летнее, богатое событиями царствование его сына — шаха Тахмасиба (1524–1576) почти не нашло отражения в сочинении Дон Жуана. Между тем именно в этот период сын Селима, султан Сулейман I (1520–1566), четыре раза с огромной армией вторгался в Азербайджан (в 1534, 1535, 1548 и 1554 гг.). Имея перед собой подавляющее превосходство вражеских сил, шах Тахмасиб придерживался в основном оборонительной тактики и тактики «выжженной земли». Только однажды — в 1552 г. — он предпринял ответное вторжение в Малую Азию. Убедившись в безрезультатности своих попыток закрепиться в Азербайджане, Сулейман пошел на заключение мира с Тахмасибом 29 мая 1555 г. в г. Амасье. В IV главе автор повествует о междоусобной борьбе за престол после смерти шаха Тахмасиба. Старший сын его Мухаммед, будучи полуслепым, был вытеснен своим братом Исмаилом, которого привели прямо из заключения (где он томился около 20 лет) и посадили на престол. Шах Исмаил II за полуторагодовичное царствование пролил много крови, уничтожив почти всех своих братьев и их мужское потомство. Его красивая и умная, но коварная сестра Перихан-ханум сначала помогла ему прийти к власти, но затем стала душой заговора против него. В результате Исмаил II был убит и на некоторое время подлинной правительницей стала сама Перихан-

ханум. Но вскоре по соглашению придворной знати шахом был объявлен Мухаммед Худабенде («Раб божий»). Принцесса Перихан-ханум была казнена по указанию шаха, а ее голова, насаженная на конец копья, выставлена на воротах Казвина. Это было ужасающее зрелище, порицаемое Орудж-беком. Возможно даже, что он сам был свидетелем этого события, так как оно описано весьма колоритно. Затем управление государственными делами с одобрения Мухаммеда Худабенде сосредоточилось в руках его умного и рассудительного сына Хамза-мирзы, а также перса Мирзы Салмана.

В главах V–VII подробно излагаются политические события, связанные с началом новой османско-сефевидской войны. В 1578 г. турецкий султан Мурад III (1574–1595), нарушив Амасийский мир, двинул свои полчища в Закавказье. Основной удар он обрушил на Грузию, распавшуюся к этому времени на шесть полунезависимых царств. Грузинские цари лавировали между султаном и шахом, пытаясь сохранить целостность своих владений. Они по необходимости становились ренегатами, суннитами или шиитами, в соответствии с требованиями текущего момента. Во время вражеских нашествий страдало в основном трудовое население Грузии, а феодальные правители часто откупались данью или поступали на службу к завоевателям, принимая ислам. Обстоятельно описано Чылдырское сражение (у оз. Чылдыр в районе Карса), открывшее армии Мустафа-паши ворота в Грузию, а затем в Азербайджан. Орудж-бек рассказывает о военных действиях в Ширване между турецким наместником Осман-пашой и кызылбашскими войсками Хамза-мирзы, разгроме войск татарского хана Адиль-Гирея и захвате его в плен кызылбашами. Изложение этих событий, как указывает автор, основано на сочинении Минадои. Но Орудж-бек в ряде случаев дает и свою версию событий, как, например, в рассказе об убийстве Адиль-Гирея. Немало интересного содержится в рассказе о борьбе грузинского царя Симона в союзе с кызылбашами Имамкули-хана Каджара против турецких завоевателей.

Затем, оставляя дела на грузинском фронте, автор переходит к событиям в государстве Сефевидов (глава VIII). Орудж-бек указывает, что изложение последующих событий опирается на рассказ, который он услышал от своего отца Султанали-бека Баята, служившего в Герате у принца Аббаса, сына Мухаммеда Худабенде. Ведется подробный рассказ о походе шаха и Хамза-мирзы против мятежного Хорасана, где номинальным правителем был Аббас-мирза, а фактическим — Аликули-хан Шамлу. Несмотря на длительную осаду, шахским войскам не удалось взять Герат. Везир Мирза Салман был обвинен в интригах и антигосударственной деятельности и казнен кызылбашскими эмирами. В это же время турецкий султан двинул в Закавказье новую армию под командой Фархад-паши, которая захватила Ереван. Как и в других захваченных городах, здесь была возведена крепость и оставлен османский гар-

низон. И тут мы вплотную подходим к описанию событий, связанных с походом Осман-паши на Тебриз в 1585 г. (конец главы VIII).

Изложение событий, имевших место с этого времени, носит оригинальный характер, так как основано исключительно на воспоминаниях самого Орудж-бека, очевидца и активного их участника. В последних главах (IX, X) излагаются военно-политические события второй половины 80-х гг., завершившиеся оккупацией Грузии, Армении и Азербайджана армиями турецкого султана.

Летом 1585 г. огромная турецкая армия под командованием Осман-паши выступила из Эрзурума, направляясь в Тебриз. В этот грозный час, как указывает автор, Сефевидское государство раздиралось острыми междоусобицами. По необоснованному подозрению в антигосударственном мятеже был казнен правитель Тебриза «большой воин» Амир-хан Туркман. Это и явилось, по мнению Орудж-бека, главной причиной падения Тебриза. Племя туркманов, проживавшее вокруг столицы, славилось доблестью и воинственностью, и убийство их вождя заставило всех подняться на мятеж. Поэтому вместо того, чтобы выполнить свой прямой долг — защитить Тебриз от наступающего врага, оно выступило против своих, угрожая правительственным войскам с тыла. Сын шаха Хамза-мирза, располагая небольшим войском, вынужден был избегать встречи с главными силами противника. Военный губернатор Тебриза Аликули-хан также оставил город на произвол судьбы, укрывшись со своим отрядом в горах. Однако население Тебриза решило иначе. Будучи «доблестным народом», оно проявило подлинный героизм, приняв бой, но силы были слишком неравны, и исход был предрешен. Вскоре турки ушли из захваченного города, но построили, по своему обычаю, крепость и оставили гарнизон.

После этого взбунтовавшееся племя туркманов похитило одного из сыновей шаха — юношу Тахмасиб-мирзу и объявило его шахом в столице Казвине. В это время шах и Хамза-мирза были заняты осадой османской крепости в Тебризе, которая сильно затянулась. Весной 1586 г. Хамза-мирза оставил отца в Тебризе, а сам двинулся против мятежников в Казвин и разбил их наголову. Тахмасиб-мирза был ослеплен и заключен в крепость Аламут. Вернувшись в Тебриз, Хамза-мирза получил сведения о приближении новой большой вражеской армии Джигал-паши. Поэтому он решил снять осаду и отступить. Гражданское население города, указывает автор, вместе с необходимым имуществом и провиантом было выведено в безопасные места. Шах с сыном Хамза-мирзой двинулись на север в Карабах. Во время возвращения из Гянджи, недалеко от города, Хамза-мирза был зарезан ночью своим цирюльником. Орудж-бек находился в лагере в момент убийства: в книге это трагическое событие рассказано им обстоятельно. Он указывает, что царевич стал жертвой политического заговора феодалов племени шамлу, которые собирались объявить его малолетнего сына Исмаила регентом

при слепом шахе, чтобы управлять от его имени. Но события развернулись по-иному, приведя на сефевидский престол другого сына шаха — Аббаса I (глава XI).

Положение Сефевидского государства в момент воцарения шаха Аббаса I (1587–1629) было критическим. На западе османские армии оккупировали обширные районы, на северо-востоке возникла угроза новых узбекских вторжений. Во многих районах Ирана происходили восстания и мятежи. Шах Аббас I пошел на унижительный мир с султаном Мурадом III, уступив ему Азербайджан с Тебризом. Это дало ему возможность собрать силы для усмирения восставших Гиляна, Луристана и Мазендерана. Затем у Герата были разбиты занявшие Хорасан узбеки. Последняя (XII) глава кончается рассказом о перенесении шахом столицы из Казвина в Исфахан и приезде в Иран братьев Шерли. Здесь Орудж-бек вплотную подходит к описанию своего путешествия в Россию и Европу — тема последней, **третьей книги**, содержание которой было нами изложено вначале.

Необходимо отметить, что не все части труда равноценны по содержанию. Однако в целом труд Орудж-бека является интересным источником сведений по истории Азербайджана и Закавказья, а также сопредельных стран — Малой Азии и Ирана. При критическом рассмотрении и сопоставлении с другими письменными памятниками это сочинение может дать много нового и интересного.

Кроме того, данный труд может быть использован и для изучения истории России и стран Европы, которые лежали на пути посольства. В нем имеется немало живых и колоритных подробностей по этнографии, географии и архитектурным памятникам.

Характерной особенностью изложения является то, что автором был мусульманин-шиит, принявший католичество. В момент же написания труда автор выступает как христианин, критически относящийся к своей «бывшей религии и ее носителям». На все он стремится смотреть глазами европейца. Да это и понятно, так как труд написан для европейских читателей и разрешен к изданию самим королем Испании.

Наряду с ценными сведениями в описаниях Орудж-бека встречаются и явные ошибки и неточности как в содержании, так и в именах собственных и географических названиях. Дело в том, что в момент написания своего труда автор не имел под рукой даже самых необходимых историко-географических сочинений своих современников. Он вынужден был писать о многом по памяти и поэтому допустил немало неточностей и ошибок, а подчас прибегал и к домыслам. В своих примечаниях мы стремились по мере возможности все это оговорить и прокомментировать для современного читателя.

В заключение мы хотим сказать несколько слов о палеографических данных книги Орудж-бека издания 1604 г., с которой сделал перевод Ле Стрендж.

Общий объем книги составляет 12+176+14 листов. Размер 20×16 см. Строки разные. На первых 12 листах пагинация отсутствует и имеются кустоды.

Не переведены и не вошли в английское издание и, следовательно, в наше следующие листы испанского текста:

на титульном листе напечатано название книги, дата издания (1604), и затем следуют слова: «С привилегией для Хуана де Бостильо с улицы Самано города Вальядолида». На следующем листе приводится перечень некоторых ошибок, встречающихся в тексте. На обратной стороне — одобрение иезуита Франсиско де Галарца от 20 октября 1603 г. и такса в 3,5 мараведи за каждый печатный лист от 20 февраля 1604 г. Следующий лист содержит разрешение короля Филиппа III на печатание, обращенное к Дон Жуану Персидскому, далее посвящение Дон Жуана его католическому величеству. Пятый лист содержит короткое обращение Дон Жуана к читателю. На следующем листе (справа) напечатан сонет в честь Дон Жуана, написанный доктором Максимилиано де Сеспедесом, и за ним (слева) следует другой сонет, вышедший из-под пера донны Анны де Эспиноса Ледесмы. Последующие две страницы содержат весьма интересное письмо, написанное лиценциатом Ремоном дону Альваро де Каравахалю, придворному капеллану короля и королевы, в котором Ремон объясняет, как он помог Дон Жуану при составлении его труда. На последних нумерованных страницах содержится еще 7 сонетов, написанных разными друзьями Дон Жуана в его честь. В конце книги, на страницах 174–176, Орудж-беком приводится десять образцов изречений, предлагаемых им своим испаноязычным читателям как верх восточного остроумия и мудрости. Эти примеры напечатаны в форме четверостиший. Далее на 12 страницах дано подробное содержание книги. И в самом конце на двух страницах помещен краткий словарь турецких (азербайджанских) и персидских слов, встречающихся в испанском тексте.

*Октай Эфендиев
Акиф Фарзалиев*

КНИГА ОРУДЖ-БЕКА БАЯТА — ДОН ЖУАНА ПЕРСИДСКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

*Сообщение Дон Жуана Персидского
о персидских провинциях и великом суффи
Персии. Здесь же приложен
хронологический перечень
персидских царей и правителей
со дней Нимрода*

Глава первая,

в которой автор, ставший христианином, составляет краткую историю Персии и далее рассказывает о событиях, случившихся во время его путешествия в Испанию. — Об ошибках в трудах Джованни Ботеро и Томаса Минагои. — Путешествия автора можно сравнить с путешествиями Марко Поло и Магеллана

Да будет мне позволено начать с цитаты из апостола Павла: «Gratias ago Ei, qui me confortavit in Christo Jesu Domino nostro, qui fidelem me existimavit ponens in ministerio, qui prius blasphemus fui, et persecutor, et contumeliosus, sed misericordiam Dei consecutus sum, quia ignorans feci in incredulitate, et cetera»¹.

Да будет благословенна милость Господня за то, что приводит заблудшие души с безлюдных дорог в свою церковь. В послании к Тимофею прав апостол, произносящий следующие слова: «Я благодарю Его за то, что Он укрепил меня, благодарю Господа нашего Иисуса Христа за то,

¹ Благосклонности Его усилили меня в служении Господу Иисусу Христу и раньше, хотя я был богохульствующим, и искореняющим, и позорящим, но милосердием Бога ныне являюсь последователем, потому что в неверии своем был в неведении (лат.). В русском переводе Библии эти стихи звучат так: «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению» (1 Тим., 1, 12).

что Он посчитал меня достойным; Он вывел меня из ложной секты идо­лопоклонников и иудаизма и привел к истинному евангельскому учению, вооружив щитом веры, и внушил мне непреборимую стойкость католи­ческого учения», — именно это подразумевается под словами послания: «*Me confortavit in Christo Jesu*»². Ибо до этого я и в самом деле был хули­телем и гонителем церкви, недоброжелательным к верующим и, в общем, *зяуром*. Но Бог овладел моей душой. Не потому, что я добивался этого, а потому, что ему так захотелось в его милостивейшем изволении и в его Божественном провидении и чтобы я впоследствии был причислен к ве­рующим и принял участие в несказанной мистерии его святейших стра­даний. Итак, я стал его верным слугой, так как я думаю, что Царь Небес­ный, соизволивший оказать мне эту высшую милость, увидел полнейшее невежество, в котором я погрязал до сих пор, будучи рожденным в лож­ной вере, и пожалел меня. Так это случилось Божьей милостью.

До сих пор мы следовали за святым Павлом, хотя, конечно, многое из его слов я не должен относить к себе, будучи таким большим греш­ником, и все же некоторые из них в самом деле можно оценить как вели­чайшую Божью милость, снизошедшую на меня. Ибо мои деды и пра­деды были приверженцами ложной веры, и я рос в том же состоянии, принадле­жа к ложной секте Мухаммеда, и жил в стране под властью неверного хана, в стране, расположенной далеко-далеко, более чем в трех тысячах лье от Испании, где я сейчас пишу эту книгу в городе Вальядо­лиде³. Но Бог в самом деле оказал мне особую милость, воспользовав­шись тем, что я был выбран одним из секретарей посольства, отпра­вленного персидским царем в королевство Испанию, чтобы таким обра­зом открылась мне истина Евангелия, ибо, как сказано в божественной мудрости: «*Qiasi myrrha dedi suavitatem odoris, vef odorem suavitatis*»⁴, которая является сладким нектаром для моей души.

И то же самое аллегорическое толкование мы можем применить в практическом смысле, так как поистине это и есть понимание вещей, которое дается опытом благоразумному человеку, и поистине это знак, запечатленный на наших лбах, как говорит Давид. Так мне был дарован сладкий аромат образа жизни христианского народа; и сияние евангель­ского учения, войдя в меня через эти врата, побудило с той минуты пре­данно стремиться уверовать в эти догмы, которые, хотя я, может быть, до сих пор не совсем их понимаю, являются ортодоксальными для этой веры; а именно: в таинства веры. Так я, наконец, пришел к желанию, как это было даже со святым Петром, чтобы меня омыли не только в водах и свежести учения Иисуса Христа: «*Non tantum manus et caput*»⁵,

² Усилили веру мою в Иисуса Христа (*лат.*).

³ Вальядолид — город в Испании, центр провинции Вальядолид в Старой Кастилии. Расположен в низовьях реки Писуэрга.

⁴ Словно мировое дерево благоухает (*лат.*).

⁵ Не только силу и разум (*лат.*).

но и саму душу в водах крещения. Однако что касается моего обращения и того, как оно свершилось, я не буду упоминать здесь, но при случае не премину описать его подробно.

Путешествие, которое мы совершили из Персии в Испанию, было очень длинным и проходило через отдаленнейшие страны и по разным морям, и проходило по маршруту, отличавшемуся от того, по которому следуют сейчас португальцы, отправляясь в Индию или Ормуз, находящийся на границе Персидского царства; мы видели много странных вещей во время нашего путешествия. Далее мне стало ясно, что не следует медлить с благодарностью Господу за милостивую доброту, которой он удостоил меня и двух моих спутников, — несравненна милость, за которую человек не в силах отплатить, — побудив нас стать христианами. Нам также следует быть благодарными за великую терпимость, проявленную к нам августейшей дланью его католического величества, который поистине обошелся с нами и обходится по сей день чрезвычайно благородно и по-христиански.

Поэтому сейчас я, получивший образование на турецком и арабском языках, а также изучивший принципы Корана, опишу западным королевствам то, что наши глаза видели во время этого путешествия, для того чтобы здесь, в Испании, верующие, видя, какое множество стран и народов демон еще держит под своим влиянием, в первую очередь возблагодарили бы Господа за его особую и вечную милость, что Он приверженцев ортодоксальной веры привел в гавань, где они подчиняются закону, данному его Господней волей; также за то, что они могли бы в своих молитвах должным образом воздать Богу, моля о том, чтобы Он тотчас же обратил в христианство эти неверные народы.

Далее, вероятно, общему желанию наших читателей не будет противоречить то, что мы здесь тщательно описываем множество стран и различные расы людей, которых мы встретили, отмечая их различные ритуалы и церемонии. В то же время я торжественно заявляю и призываю Бога в свидетели — который, как мне известно, никогда не подтвердит ложное утверждение: «*Quia Deus in cal fidelis est*»⁶, — что мы описывали только то, что видели сами во время наших путешествий, ничего не прибавляя, чтобы понравиться, и ничего не убавляя, чтобы не вызвать неудовольствия, поэтому мы говорим: «*Quod vidimus testamur*»⁷. Далее, в соответствии с правилами хорошего вкуса, мы начнем эту книгу с описания Персидского царства, где мы родились и откуда отправились, и сделаем это, не ссылаясь специально на космографии древности, о чем уже писало так много авторов. Мы дадим краткое, но точное описание нашей страны в ее нынешнем виде, употребляя родные персидские названия, которые можно будет сравнить и сверить с названиями, данными древними и современными специалистами, быть может, писавшими или

⁶ Ведь Бог в небе надежный (*лат.*).

⁷ Что видим, торжественно утверждается (*лат.*).

в будущем напишущими понаслышке. Ибо в этом случае я говорю как свидетель, и поэтому, если в произведении Томаса Минадои⁸ и Джованни Ботеро⁹ названия будут отличаться от тех, которые я здесь употребляю, читатели должны знать, что мои названия — настоящие персидские названия, так их произносят на языке моей родной страны, в то время как их названия — лишь ошибочные версии, на самом деле являющиеся непонятными или неправильно произнесенными словами.

И наконец, я думаю, что не было путешествия, которое можно было бы сравнить с нашим путешествием из Персии в Испанию, хотя бы со времен путешествий, описанных в печати Марко Поло¹⁰, венецианцем, и недавнего сообщения об открытиях, приписываемых инфанту португальскому (принцу Энрико Навигатору)¹¹, и кругосветного путешествия, проделанного кораблем под названием «Виктория»¹². Итак, я надеюсь, что мое сообщение будет сочтено приемлемым.

Глава вторая,

в которой дано описание Персии и подвластных ей стран

Согласно Страбону¹³, Персия — это страна, расположенная к югу от Парфии¹⁴ и Кармании¹⁵ между Мидией¹⁶ на западе и Гирканией¹⁷ на востоке, имея Аравию на юге, если верить Петру Апиану¹⁸. Но Джованни

⁸ *Томас Минадои* (Томмазо Джованни, 1540–1615) — родился в городе Ровиго в Италии. После завершения медицинского образования в Падуанском университете он работал врачом в лечебнице венецианского консульства в Сирии (Османская империя). Он находился там с 1579 по 1586 г. и, вероятно, хорошо овладел турецким языком. Совершая по долгу службы поездки по османским владениям, часто посещая Константинополь, Минадои собрал сведения о войнах, которые велись тогда между Османской империей и государством Сефевидов. Вскоре после своего возвращения в Италию он опубликовал «Историю войн между турками и персами». С 1596 г. и до конца своих дней Минадои жил в Падуе, был профессором медицины в местном университете.

⁹ *Джованни Ботеро* (Бенес) (1540–1617) — уроженец Бене в Пьемонте (Италия). Его труд «Всеобщая история» состоит из двух частей и содержит описание мира до 1600 г. Этот труд переведен на испанский язык и в 1603 г. издан в Вальядолиде. Именно это издание использовал Орудж-бек.

¹⁰ *Марко Поло* (1256–1323) — венецианский путешественник.

¹¹ *Принц Энрико Навигатор*, Генрих Мореплаватель (1394–1460) — португальский принц, вдохновитель и организатор португальской заморской экспансии. При Генрихе Мореплавателе было открыто и нанесено на карту около 3500 км западноафриканского побережья.

¹² «*Виктория*» — один из кораблей Магеллана, грузоподъемностью 85 тонн, на котором после смерти великого мореплавателя на острове Себу (Филиппины) было завершено первое полное кругосветное путешествие.

¹³ *Страбон* (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) — крупнейший древнегреческий географ и историк. На основании главным образом греческих источников и собственных

Ботеро в своей книге справедливо замечает, что древняя Персия на самом деле только провинция, известная сейчас как Фарс или Фарсистан, границы которой проходят по рекам Сирто и Йездри, и она простирается от границ Кармании, сейчас называемой Керман, до границы Мидии, сейчас известной как Хамадан, и эти границы отстоят друг от друга на расстоянии свыше 400 лье¹⁹.

Самым крупным городом и столицей Фарса является Шираз, который стоит на берегах реки Банд-и-Амир. Этот город в древности назывался Персеполис, тот самый, который был сожжен Александром Великим²⁰, и его население сегодня немногим меньше, чем тогда, и по числу домовладельцев в его теперешних стенах составляет 70 тысяч (или 315 тысяч) душ. Теперь Иосафат Барбаро²¹ полагает, что окружность Шираза равна 20 милям; но я, часто гулявший по городу и, так сказать, измеривший его вдоль и поперек, придерживаюсь мнения, что его предельная длина и ширина — включая сады и огороды, так как здесь нет дома, при котором не было бы сада, — равна четырем каспийским лигам. В городе процветает торговля, потому что все купцы

наблюдений во время путешествий по Греции, Малой Азии, Италии и Египту написал труд «География» в 17 книгах.

¹⁴ *Парфия*, Парфянское царство — государство, возникшее около 250 г. до н. э. на юге и юго-востоке от Каспийского моря в результате ослабления власти Селевкидов в их восточных провинциях и вторжения в Парфию сакского кочевого племени парнов (дахов); существовало до 20-х гг. III в. н. э. Первым царем был Аршак — родоначальник династии Аршакидов.

¹⁵ *Кармания* (древнеперсидская Кармана, позже Кирман, Керман) — область в центральной и юго-восточной части Ирана, названная по имени одного из древнеиранских племен персидской группы (кармании — у античных авторов, у Геродота — германии).

¹⁶ *Мидия*, Мидийское царство — возникло в 70-х гг. VII в. до н. э. Столица — Экбатана. В 550–540 гг. до н. э. была завоевана персами. Самостоятельное мидийское государство было восстановлено в конце IV в. до н. э. и только на части территории прежней Мидии, в Южном Азербайджане, который позже назывался Малой Мидией, Атропатеной. За короткое время мидяне завладели Манной, разгромили Ассирию, завоевали Урарту и другие земли.

¹⁷ *Гиркания* — античное название древнеиранской области Варкана (позднее Гурган, Джурджан, совр. Горган), расположенной к юго-востоку от Каспийского моря.

¹⁸ *Петр Ашиан* (1495–1552) — немецкий географ, картограф и издатель карт. Он впервые издал карты в овальной проекции. В этой проекции малый диаметр земного шара является средним меридианом и равен половине большого диаметра, изображающего экватор. Карты с этой проекцией были широко распространены в XVI в.

¹⁹ *Лье* — старая французская мера длины, равная 1/25 градуса меридиана = 4,445 м. Морское лье = 1/20 градуса меридиана = 5,557 м.

²⁰ *Александр Великий* — Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.), греческий полководец и государственный деятель.

²¹ *Иосафат Барбаро* (ум. 1494) — венецианский дипломат, путешественник. В 1436 г. прибыл в Тану (Азов), где пробыл 16 лет. В 1469 г. находился в Скутари и Албании в качестве поверенного Венецианской республики. С 1471 по 1479 г. был послом при дворе Узун Хасана. Оставил описание путешествия в Тану и Азербайджан. Благодаря его труду Европа впервые достоверно ознакомилась с восточными странами.

из Чагатая²² [или Татарии], едущие в Индию, должны проехать через этот город, являющийся таможней и сухопутным портом в этих краях. К Фарсу, или Фарсистану, также относится область Лур (иначе Луристан); и в Лур входит провинция Сусиана, главным городом которой является Шуштер, расположенный на реке Саймара; и климат здесь такой жаркий, что люди в самые жаркие дни по шею погружаются в воду, чтобы дневная жара не так их мучила.

К северу от провинции Фарс, как уже говорилось, расположена Парфия, которая является частью Персидского Ирака, столица которого город Исфahan, где сейчас находится двор персидских царей, откуда мы отправились в наше путешествие в Испанию. Исфahan в настоящее время так многолюден, что его называют Нисфи-Джахан, что на персидском языке значит «Полмира»; но если посчитать, то его население может составить 80 тысяч домовладельцев (или 360 тысяч душ), скорее больше, чем меньше. Стечение народа туда заметно, и о нем можно судить по количеству гостиниц, расположенных у городских ворот, числом свыше 600, называемых здесь *караван-сарай*. Имеется также 300 бань, которые называют *хамам*. Земля вокруг Исфahана низменная, несколько болотистая и не очень здоровая из-за повышенной влажности. Город расположен на берегах реки, известной как Зандаруд. Внутри его стен находится 10 тысяч лавок, так называемый *базар*, где можно купить одежду и продукты питания. И с самого его начала звезда сделала Исфahan царским двором, так, мы узнаем от Страбона, что это древний Гекатампилос, — что означает «город ста ворот». Сейчас в Исфahане все еще насчитывается сто очень примечательных зданий: по крайней мере, таково число башен, возвышающихся над частными домами города. Это сторожевые башни, и они так высоки, что не только украшают собой вид города, но из их окон вы можете видеть местность на расстоянии более 6 лье. Самая большая из них — башня, стоящая на царских конюшнях; ее верх сделан из необычного материала: сформирован из тридцати тысяч черепов оленей, убитых в облаве на однодневной охоте шаха Тахмасиба, когда он, по рассказам, взял с собой из свиты 20 тысяч одних только загонщиков. В области вокруг Исфahана разводят шелковичных червей, и здесь искусно ткут многие шелковые ткани, как и в областях вокруг городов Ардистан, Кашан и Йезд, Кум и Саве.

В сторону Каспийского моря расположена провинция Казвин, и в городе Казвине еще совсем недавно, со времен разрушения знаменитого города Тебриза, который прежде был столицей, персидские цари имели обыкновение держать свой двор. Город Казвин расположен к северо-западу от Фарса; местность вокруг него очень плодородная; там большие фруктовые сады и обширные огороды. Его население насчитывает

²² *Чагатай (Татария)* — общее название обширных среднеазиатских областей, составивших наследственный удел Джагатая, второго сына Чингисхана.

свыше 100 тысяч домовладельцев (или 450 тысяч душ), и чтобы можно было представить его величину, я, любопытства ради, много раз считал его мечети, и их больше пятисот. Царский квартал и дворец великолепны и так обширны, что вы можете идти по прямой вдоль них четверть лье. В провинции Казвин двадцать городов, обнесенных стеной, и тысяча открытых деревень. Между Казвином и Курдистаном расположена провинция Хамадан, которая может насчитывать пятьдесят лье по протяженности. Там есть пятнадцать городов и населяют их торговцы. Ближе к Каспийскому морю расположена провинция Гилян, главным городом которой является Лахиджан, население которого составляет 70 тысяч домовладельцев (или 315 тысяч душ). Местность гористая и неровная, а также очень нездоровая из-за сильной жары и влажности, а эти две причины там, где они преобладают, порождают порчу. Женщины в этой провинции очень толстые, а мужчины очень хилые. Там примерно тридцать городов, но все они немногочисленны. Дома построены из дерева, но так как они расположены на горных склонах, их хорошо можно защищать. Дальше к северу, вдоль западного берега Каспийского моря в сторону Баку, расположена провинция Ширван²³, которая простирается на 100 испанских лье и население которой живет в пятнадцати городах. Город Шемаха²⁴ — ее столица, население которой составляет 50 тысяч домовладельцев (или 225 тысяч душ). Местность очень здоровая, климат прекрасный. Производится много шелка, и в лесах много дичи, особенно оленей.

К провинции Хорасан примыкает провинция Астрабад, на севере и на западе которой расположено Каспийское море, а на востоке — Великая Татария²⁵. Протяженность провинции Астрабад едва достигает шестидесяти лье, а городов только двенадцать. Населения в Астрабаде более 50 тысяч домовладельцев (или 225 тысяч душ), и корабли приходят в него из Каспийского моря через устье реки. К Астрабаду примыкает провинция Мазендеран, протяженность которой пятьдесят лье, а городов двадцать пять. Ее столица Мазендеран, с населением 50 000 домовладельцев (или 225 000 душ). Местность холодная и очень гористая, так что здесь не зреют никакие плоды. Провинция Хорасан самая большая из провинций, подвластных персидскому шаху, так как она простирается вширь на двести лье с лишним. В ней больше тридцати пяти городов, в каждом живет много людей, и ее столица — город Герат, население которого так велико, что превышает 100 тысяч домовладельцев (или 450 тысяч душ). Вместе со своими садами и увеселительными

²³ В испанском тексте название Ширвана указано как Гербан. Ле Стрендж допустил ошибку, переводя название Гербана как Ереван.

²⁴ В испанском тексте название столицы Ширвана указано, как Айербан. Допущена ошибка, здесь под Айербаном подразумевается Шемаха, столица Ширвана, а не Ереван, как указывает Ле Стрендж.

²⁵ *Великая Татария* — здесь территория Золотой Орды.

домами, расположенными по соседству за городскими стенами, Герат в окружности составляет более шести лье. Местность вокруг него — большая равнина, и она плотно заселена. Жители городов — купцы, торгующие с Индией, Московией и двумя владениями Татари. К востоку от нее [провинции Хорасан] расположена провинция, называемая Кандагар, и ее население подчиняется пресвитеру Иоанну. Эта страна очень богата и простирается примерно на 60 лье. Главный город, именем которого названа провинция, Кандагар с 70 тысячами домовладельцев (или 315 тысячами душ). Это жаркая страна, и жители здесь купцы. К югу от Кандагара и немного к востоку расположена провинция, называемая Систан, которая насчитывает пятьдесят лье в поперечнике, и ее главный город — столица, подобно провинции, называется Систан. В ней пятнадцать городов, и население ее столицы насчитывает 50 тысяч домовладельцев (или 225 тысяч душ). Местность вокруг нее очень сырая и нездоровая, хотя и гористая, и люди очень воинственны.

На северо-западе Персии и на некотором расстоянии к югу [от провинции Ширван] находится город Гянджа, главный город округа, носящего то же имя. Протяженность округа едва составляет сорок лье, в ней семь или восемь городов, и что касается города Гянджа, число его домовладельцев может равняться примерно 50 тысячам (или 225 тысяч душ); город стоит в холодной местности, и люди очень воинственны. В Гяндже расположено примечательное здание, о котором я здесь упомяну. Это башня, возведенная от основания до вершины из черепов турок, и число их превышает 50 тысяч. Они вставлены в раствор между камнями башни, это ужасающее зрелище. Она была воздвигнута здесь неким персидским военачальником по имени Хан Сеид-оглу после того, как он победил турок в решительном сражении на этом месте²⁶.

На западной границе Персии расположена провинция Азербайджан, главный город которой — знаменитый Тебриз. Эта провинция и ее столица все еще под властью османского двора, так как турки здесь взяли верх над сефевидскими монархами Персии. В провинции больше тридцати городов, самый большой из них Тебриз, который до того, как турки захватили и разрушили его — полнее об этом будет рассказано позже, — имел население более 80 тысяч домовладельцев (или 360 тысяч душ). Это приятная страна с изобилием фруктов и стадами овец, подобными испанским, хотя здесь животные крупнее, а персидские овцы величинной с испанских телят и на четверть тяжелее их. Люди в Азербайджане очень воинственные и всегда воюют, особенно знатные люди. Провинция простирается на сто пятьдесят лье.

Далее к юго-западу идут три курдские провинции, расположенные в направлении Арабского Ирака или Вавилона. Ближайшая из трех про-

²⁶ Достоверность этого факта установить не удалось.

винций Курдистана граничит с провинцией Азербайджан, и ее основные города Хой и Салмас, общее население которых, возможно, составляет до 30 тысяч домовладельцев (или 135 тысяч душ). В отдаленных частях провинции пятнадцать других городов. Люди здесь не очень цивилизованные и, будучи воинственными, постоянно сражаются. Они живут полгода в палатках, разбитых в открытом поле по примеру мавров [из Марокко], хотя в остальных отношениях они ничуть не похожи на этот народ. Далее к юго-западу расположен округ Малага, или Марага, который является второй частью трех курдских провинций, и его главный город — Марага. А эта провинция, в свою очередь, граничит с другой, называемой Курдистан, главным городом которой является Хорремабад, но этот город обычно считают Луристаном. Провинция Вавилония, или Арабский Ирак, известный по названию своей столицы как провинция Багдад, расположена к западу от нее. Три вышеназванные провинции Курдистана насчитывают около 300 лье; они все очень густонаселенные, и их народы воинственны, так как у них всегда есть возможность сражаться против турок, их соседей по Арабскому Ираку. И Персидский залив, идущий к югу от этой точки, является границей провинции Луристан, отделяющей ее от провинции Ормуз.

Итак, мы теперь довели до конца наше описание округов и феодальных владений, подчиняющихся персидскому царю. Северную границу его государства образует Каспийское море, южную — Персидский залив. Западную границу обширной территории Персидского царства образуют Халдея, Сирия и Верхняя Месопотамия — ныне известная как Диярбакыр и расположенная между верхними течениями Евфрата и Тигра. Отсюда граница идет к северу до рубежей Гурджистана, или Малой Грузии, с северной Татарией и той частью Московии, которая граничит с рекой Эдер, общеизвестной как Волга. К югу от Персии простираются две страны — Пустынная Аравия и Счастливая Аравия. По этой причине, если мы проведем воображаемый круг по границам, начинающимся с Каспийского моря и идущим на запад, он пройдет по озеру Гёкча²⁷ и оттуда вдоль берегов Тигра к Персидскому заливу. С восточного конца этого залива мы попадем в восточную часть Персии, к северу от царства Камбая, которое находится возле Макран²⁸, и так попадем на северную границу, которая идет вдоль реки Окс²⁹, иначе называемой Абиано. Так мы сделали полный круг, включающий все провинции, подчиняющиеся сейчас персидской короне, и в этот круг входит пространство столь большое, что составляет более двадцати одного градуса долготы с востока на запад и более восемнадцати градусов широты с севера на юг.

²⁷ Гёкча — ныне оз. Севан.

²⁸ Макран (Мекран) — название области на юге Ирана.

²⁹ Окс (Абиано), Аби-Аму — ныне река Амударья.

Глава третья,

в которой описан способ правления в Персии

Так как в Персии особый образ правления, мы подробно опишем дела этого царства, чтобы все стало совершенно ясно. Персидский шах за поддержкой и руководством всегда обращается к своей знати как для службы своей особе и управления государством, так и во всех делах, относящихся к установлению справедливости и к ведению войны, а эти два предмета преобладают в Персии над всеми остальными.

Сейчас у нас тридцать два клана — благородные семьи, признанные в Персии и имеющие огромное превосходство в стране. Вот их имена, а окончание *-лу*, которое имеют многие из их имен, показывает, что данный клан принадлежит вождю с таким именем. Начнем с *Устаджлу*, главного клана, большинство их — любимые слуги шаха, и они всегда занимают высокие и почетные посты при его особе. *Шамлу* — как великие мажордомы в Испании, и человек из этой фамилии несет всегда эту службу у нас в Персии. Затем идут *Афшары*: люди с этим именем в большинстве случаев — правители и министры юстиции. Затем *Туркмены* — из их числа выходят военачальники, принцы и генералы, так как они великие солдаты, и персидские цари всегда искали союза с ними посредством брака. Так, шах Тахмасиб женился на туркманской принцессе. Семья *Баят* — благороднейший дом и родословная, и все, как мы сказали бы в Испании, герцоги; такая же семья, известная как клан *Текелу*. *Хармандалу* мы называли бы маркизами. *Зулкадарлу* — как герцоги, это клан доблестных в бою и очень храбрых людей. Семьи *Каджар* и *Караманлу* — как герцоги, то же относится и к семьям *Байбуртлу*, *Испирлу* и *Орйат*. *Чаушлу* — как герцоги, *Асайишлу* — как графы; графами также являются следующие семьи: *Чамиш-Казаклу*, *Сарузолаклу*, *Карабаджаклу*, *Бахарлу*, *Куйниорилу* (?), *Кырклу*, *Бошалу* (?), *Хаджи Факихлу*, *Хамзалу*, *Золахлу*, *Махмудлу*, *Кара-Чомахлу* и *Кара-Койунлу*. Герцогами являются *Гёзи-Байызлу* (?), *Пейклу* (?), *Иназлу* (?) и, наконец, *Кух Гилуйалу*.

Правление, как мы сказали, как правило, отдано в руки людей из этих семей, и каждый правитель, назначенный в один из различных городов, называемый у нас на персидском языке *хаким*, неизменно является человеком благородного происхождения и избирается среди людей из этих кланов. *Даруга*, или мэры городов, из того же класса, но их царь, будучи недовольным или сердитым на них, может менять их по своему усмотрению. Преступников судят и наказывают, приводя к великому везиру, который является, как говорят в Испании, государственным секретарем, состоя в совете; он дает приказы своему помощнику, или *веклю*, который является, как мы здесь говорим, председателем и после великого везира главным министром. Затем дело поступает к шаху,

но шах передал все мелкие полномочия по судопроизводству правителям и мэрам разных городов. В политических и государственных делах и во всем, что имеет отношение к войне, юрисдикцию имеют вельможи и наместники провинции, и их зовут *ханами*. Хань, хотя их служба считается наследственной, так как они считают ее своей собственностью, могут быть уволены царем по его усмотрению, если за ними будет замечена какая-то провинность, так как они всего лишь его слуги; и в самом деле, все ханы и правители, состоящие на государственной службе и занимающие важные посты, могут быть уволены произвольно, в любой момент. Великий мажордом известен как *ишик-агаси-баши*³⁰, и следующие за ним по званию, его помощники, известны, как *ишик-агаси*, так как слово «баши» значит «глава», и эти недавно упомянутые помощники подобны четырем камергерам, прислуживающим царю Персии. Служба главного привратника известна как служба *капучи-баши*³¹, и, как мы упоминали, эти два чиновника ведут уголовное судопроизводство, причём дела решаются быстро.

Что касается выездов царя Персии, это всегда делается с большой помпой, особенно когда в столице находится царский двор. Чаще всего царь выезжает верхом, чтобы поиграть копьем или пострелять из лука дичь. Он очень любит этим заниматься и во время охоты может свободно говорить с беднейшим из своих подданных и выслушать всех, имеющих до него нужду. Но и на охоту и на развлечения его всегда сопровождают не менее 12 000 всадников и 4000 пеших солдат с аркебузами. Все присутствующие при шахе вожди всегда едят вместе с ним.

Дворец шаха называется *довлат-хана*, или «дом правительства», а дворец шахини называется *гарем*. Так, вернее, называется дворец шахинь, потому что в *гареме* находятся свыше четырехсот женщин. В Турции аналогичное заведение называется *сарай*, а у нас в Испании — *сераль*. Гарем охраняют и обслуживают свыше ста евнухов и двухсот стариков семидесяти лет и старше. Молодых евнухов они называют потюркски *ахта*, старых — *гарем-ишик-агаси*³². Если какой-либо посторонний мужчина, кроме только что упомянутых, осмелится войти в гарем, он будет казнен, а тело его сожжено. Внутренние стены комнат дворца украшены картинами. Так же украшены и дома знати. Ковров на стенах нет, зато очень дорогие ковры лежат на полу. По-персидски они называются *хали*. Во время еды тарелки ставятся не на стол, а на пол — так поступают все мусульмане, и, поскольку пол используется для еды, при входе в комнату обувь полагается снимать. При входе во дворец обувь снимают у порога.

³⁰ *Ишик-агаси-баши* — эшикагасибаша (азерб. «глава начальников порога»), главный церемониймейстер двора.

³¹ *Капучи-баши* — начальник дворцовой стражи.

³² *Гарем-ишик-агаси* — служитель гарема.

Глава четвертая,

повествующая о нравах и обычаях в Персии

Образ жизни простых людей в Персии во многом похож на жизнь других мусульманских и арабских народов. Особенно это касается домашних правил и установок. Зато в вопросах религии персы придерживаются особых взглядов, потому что они утверждают, что являются единственными верными последователями пророка Мухаммеда. Среди персидской знати распространено многоженство. Фактически они могут взять столько жен, сколько захотят, зато простым людям допустимо иметь только семь жен. С другой стороны, развод является обычным явлением. По одежде знать отличается от простых людей тем, что только знатым людям разрешено носить на голове тюрбан, украшенный двенадцатью полосками. Так постановил первый суфийский шах Исмаил. Подробнее это будет описано далее. Такой тюрбан называется *тадж*, или корона. В Персии одежда всех людей сделана, в общем, из цветных материй, и почти все носят шелк, потому что он очень дешев. Так, бархат стоит меньше десяти риалов (около шести шиллингов) за ярд, а восемь ярдов цветной тафты, часто перламутрового цвета, можно купить за пять риалов (то есть три шиллинга). Цены на муслин и льняные изделия, которые в огромных количествах ввозятся из Индии, такие низкие, что двадцать ярдов любого из этих материалов можно купить за сумму, не превышающую четырех риалов, — и это при том, что эти материалы столь же тонки, как наше полотно или ткань *камбрей*.

Урожай, выращиваемые на возделываемых землях во всех провинциях Персии, настолько обильны — особенно это касается пшеницы, овса и риса, — что 100 мешков пшеницы можно купить за двенадцать риалов (семь шиллингов), а столько же овса — за четыре риала. По берегам рек стоит большое количество водяных мельниц, сделанных по принципу водяных колес и мельниц, которые мы видели в Тагусе. Мясо употребляют в основном телятину и баранину, причем последнюю дают огромные овцы, которые, как мы уже говорили, на четверть тяжелее испанской овцы. Кроликов, куропаток и прочей живности в Персии водится огромное количество, но кроликов персы не едят. Много там и оленей, мясо которых весьма ценится. В лесу дикие звери встречаются очень часто, а кроме того, их можно встретить в гористой местности, на равнинах и в песчаных пустынях, где находятся старые, ныне заброшенные селения. Там водятся львы, тигры и медведи, и путешествовать можно только большой группой на верблюдах, которые в Персии являются обычными вьючными животными.

Персы не используют никаких повозок, телег или паланкинов; нет там никаких кораблей и галер особого назначения, отличающихся от обычных, широко используемых. Лошадей там много, у них хорошая шкура, и они очень похожи на андалузских лошадей в Испании. Обычно они могут двигаться тридцать часов без еды, а во время военных походов они

могут мчаться весь день и всю ночь без передышки. Армия большей частью состоит из кавалерии. Стремя персы держат высоко, но все же не так высоко, как в Испании. Их вооружение состоит из меча и щита, они носят железные панцири, легкие кольчуги и шлемы из тонких стальных пластин, ловко скованных между собой. Такое вооружение сейчас производится по всей Персии и в таком количестве, что много его экспортируется в Московию, точно так же, как Испания ввозит те же предметы из Милана. Способ сбора войск для войны таков. Главы каждого знатного рода (их имена были даны на предыдущих страницах) созывают 8, 10 или 12 тысяч всадников из своего клана и столько же пеших солдат с аркебузами. Войны ведутся обычно либо с татарами, либо с турками, а иногда с двумя грузинскими царями, находящимися по соседству с Персией. Эти последние, правда, большей частью остаются скромными вассалами персидского царя. Грузины принадлежат к греческой ветви христианства, но стараются придерживаться дружеских отношений с персами, которые терпимо относятся к христианству грузин. Царь Персии никогда не притесняет грузин по этому поводу, в то время как турецкий султан все время склонял их отступить от своей веры. Когда царь Персии лично отправляется в поход, об этом возвещает его знамя, которое несут впереди него. Кроме того, всем видно, как над царем держат зонт, который украшен драгоценными камнями и блестит, как само солнце. Число войска точно известно по числу знамен, потому что над каждой тысячей солдат развевается свое знамя — это персы переняли у римских центурий — поэтому сколько видно их, столько имеется тысяч войска. И столь велика власть царя Персии, что он может легко собрать 200 тысяч всадников, — я это видел сам. Во многих кампаниях прошлого, в которых мне пришлось участвовать, я насчитывал двести знамен, и хотя такое же количество часто можно насчитать в любом небольшом отряде испанской пехоты, но сравнивать не стоит, потому что в Персии знамя поднимается, только если есть тысяча всадников или пеших солдат.

Персы воюют так, чтобы все решить в одном сражении. Внезапное нападение недопустимо, хотя, надо сказать, такова уж человеческая хитрость, что в прошлые времена в далеких, неизвестных, варварских землях подобные вероломные действия, столь противоречащие здоровой традиции, иногда все же встречались. Несмотря на это, можно определенно заявить, что сейчас персы сражаются только в открытую, грудь в грудь. Что же касается их артиллерии, то они прячут ее или держат в резерве — как мы увидим позднее, когда будем говорить о войнах между Персией и Османской империей. Царская охрана состоит из пеших солдат, большей частью это грузины, перешедшие в мусульманство. Их называют *туфангчи*, или мушкетерами. Они похожи на янычар у турецкого султана. Знать привержена занятиям магией, они называют ее *священной наукой*, что есть Коран на арабском языке. В большинстве городов существуют *алфакихи* (законоведы) и профессора, которые обучают желающих и получают за это деньги.

Дома в Персии в основном строятся из камня, хотя многие сделаны и из дерева, но у всех террасовидные крыши, и около многих разбиты сады, как в Италии или Фландрии. Лечатся они так же, как и другие варварские народы: используют травы и предписывают строгую диету: при тяжелой болезни, такой как ангина, плеврит и тому подобное, они пускают кровь. Народ очень суеверен, верит в предзнаменования и в то, что, помолясь в мечети, они могут повлиять на благоприятный исход всех болезней, или, по крайней мере, предсказать их. Особенно молятся в тех мечетях, где похоронены цари, великие суфии или один из великих ханов, или какой-либо другой человек, который при жизни считался святым; а лучше всего молиться в мавзолее шейха Сефи, к которому они относятся с большим благоговением.

Обычаи погребения очень странные, и они сильно отличаются от обычаев, принятых у других мусульманских народов. Если умер знатный человек, то все его слуги идут перед гробом, обнаженные по пояс, и наносят себе рану на правой руке, срезав все мясо с одной стороны руки. Сыновья умершего могут сделать то же самое. Около двухсот человек берутся за веревки и тянут похоронные дроги (носилки). Так они переносят тело, и делают это все, распевая громким голосом молитвы и религиозные стихи, обращенные к Мухаммеду. Перед всей этой процессией идут двадцать мальчиков, которые попарно, по очереди несут на плечах богато украшенное кресло, распевая при этом Коран Мухаммеда. Перед ними идут люди, несущие небольшие деревья и зеленые ветки, с которых свисают раскрашенные полосы бумаги и цветные ленты, а также те фрукты, которые успели к тому времени. Позади всей процессии идут лошади, которыми владел умерший, и каждую под уздцы ведет конюх. Все лошади полностью снаряжены, и они несут оружие, с которым покойник ходил на войну, и трофеи, завоеванные им в сражениях. Конюхи идут раздетыми по пояс, и кровь струится по их плечам из нанесенных ими себе ран. Вся эта процессия движется, пока они не приходят к одному из тех каменных корыт, которые мы в Испании используем для того, чтобы поить домашних животных. Потом они начинают омыwać тело публично в этом корыте, а после этого заворачивают в тонкое белое полотно. Потом процессия продолжает двигаться, как и прежде, и всем встречающимся беднякам они раздают еду, которая была специально куплена для этого и погружена на пять или шесть верблюдов. Все это время трубы и барабаны играют траурную музыку, причем играют негромко и сдержанно. Так они подходят к кладбищу, находящемуся за городом, и в одну из могил опускают тело, после чего все возвращаются в город в том же порядке, в каком шли на кладбище. В течение года после смерти родственники умершего должны ежедневно приходить на могилу и читать над ней молитвы.

Персы очень гордятся своими поэтами, которые слагают огромное количество стихов, хотя и без особого искусства. Много в Персии книг, написанных и на арабском языке. Писание стихов, как хорошо извест-

но, является запрещенным занятием у султана Османской империи, и оно подвергается всеобщему осуждению. В Персии же, как мы уже говорили, все пишут стихи и украшают их, и эти украшенные листки молодые люди посылают своим любимым девушкам, на которых они хотят жениться. Надо сказать, что юноша-перс, который хочет доказать свою любовь, должен вести себя очень странно, настолько странно, что это просто нельзя обойти молчанием. Влюбленный, желающий доказать искренность своей любви, должен в нескольких местах своего тела прижечь его медленно горящей спичкой, сделанной из холста. Результат получается точно такой же, как при прижигании, которым иногда пользуются наши хирурги в Испании. После этого влюбленный предстает пред очами своей избранницы, и его раны делают его похожим на прокаженного. После этого она посылает ему одежду, салфетки и повязки из шелка и полотна, чтобы перевязать раны, и их он носит до заживления. Позднее тот, кто сможет показать большее количество ожогов, станет пользоваться наибольшим расположением женщины, и он очень быстро вступит в брак. Свадьба и похороны — два очень важных события в жизни каждого человека, которые и в цивилизованных, и в варварских странах характеризуют продолжение и окончание жизни. Ибо разве не является одно из них прелюдией и средством продолжения существования нашей расы, а другое — платой и тем долгом, который мы должны отдать в конце жизни любому человеку, прошедшему до конца свой жизненный путь? И что касается обычаев, связанных с этими двумя событиями, то в Персии они очень своеобразны и очень не похожи на обычаи других народов, как цивилизованных, так и варварских.

Если же говорить о свадьбе, то, когда перс, занимающий видное положение в государстве, хочет жениться, назначает день, и все его родственники и друзья собираются в доме жениха. Почти все по этому случаю одеты в одежды, которые гармонируют с одеждами жениха или его шафера. Другие гости, если они могут это себе позволить, одеваются так же, а если не могут — то надевают свою обычную одежду. В нужное время из своего дома появляется невеста. По персидским традициям она выезжает на лошади. Ее сопровождающие по возможности одеваются в одежды, гармонирующие с ее одеждами. На лицо невесты наброшена вуаль, на которой золотом изображены солнце или луна. Перед ней идет множество музыкантов, играющих на разных инструментах. Две процессии соединяются, жених подходит к невесте, и вся компания поворачивается и снова входит в дом невесты. Там уже приготовлена комната для мужчин, богато украшенная, в которой начинается праздник, немного похожий на итальянский или французский. Танцы исполняют разные, и на головы молодых людей, выходящих танцевать, их друзья пригоршнями швыряют маленькие монетки, подбирать которые могут только музыканты. Так что, когда юноши идут танцевать, музыканты собирают богатый «урожай». Женщины танцуют в отдельной комнате, и они любят прилеплять

монеты себе на лоб с помощью какого-то растительного клея, похожего на ту пасту, которую мы делаем в Испании из вязкого сока миндаля и вяза, — и эти монеты во время танца отваливаются и тоже становятся добычей музыкантов. Именно поэтому так богаты персидские музыканты, присутствующие на таких танцах и праздниках.

Когда к вечеру танцы заканчиваются, все садятся ужинать в доме невесты. На следующий день пируют в доме жениха, причем каждый раз приглашается большое количество гостей. В первый вечер, когда наступает пора расходиться по домам, появляются две старухи, с явной грубостью хватают жениха и ведут его в комнату невесты. Потом в другую дверь входит невеста, а танцы и мужчин, и женщин продолжают до полуночи. Потом появляются две старухи и демонстрируют родственникам жениха простыни с пятнами крови. После этого родственники жениха, очень довольные, уходят. Если же, однако, случается обратное и на простыне не видно ни одного пятнышка крови, то тогда две старухи приводят невесту, потом в комнату приходит жених и начинает при всех бранить невесту. Потом он платит ей какую-то сумму денег, очень пустяшную, и отправляет невесту к ее родителям, а сам с родственниками и друзьями отправляется к себе домой. В Персии, в отличие от других мусульманских стран, нигде не видно большого количества публичных женщин.

Правда, проживающие рядом с границами Персии цыгане и египтяне приходят в эту страну таборами или целыми отрядами — как когда-то арабы в Испанию — и с ними приходят и их семьи, женщины которых часто зарабатывают себе на жизнь проституцией. В этих случаях мужья сами отводят женщину в дом любого перса, с которым она уговорилась провести ночь, а утром муж является за женой, чтобы забрать ее зеркала, румяна, убранство, булавки и пряжки, а также получить причитающуюся плату. Это воистину презренный и низменный обычай, который не следовало бы терпеть мужчинам, обладающим совестью. Я однажды сам заинтересовался у египтян, живущих в этой стране, откуда берутся эти публичные женщины, и они объяснили мне, что ни один мужчина не возьмет в жены девушку, если она не обещает кормить и одевать своего будущего мужа на деньги от этой постыдной торговли — торговли собой. И на этом мы закончим наш рассказ о нравах и обычаях персов.

Глава пятая,

в которой рассказано о древнем происхождении персидских правителей

Одним из первых районов мира, который после Всемирного потопа был заселен людьми, была территория, которую турки называют Багдад, что то же самое, что Вавилон. По сообщениям некоторых источников, эта земля через сто пятьдесят лет после потопа была своим засе-

лением обязана Нимроду, сыну Куша³³ и внуку Хама, однако такое объяснение вызывает мало доверия. Поэтому чтобы избежать ошибочного заключения, мы предпочтем основываться на превосходном источнике Сусианинской библиотеки³⁴, на Восточных летописях Белохуса³⁵ и других известных древних источниках. Поэтому мы сейчас говорим, что Вавилон был основан в 1700 году от Сотворения мира. Бел, сын Нимрода, был первым царем Вавилона. Он пришел в долину Шинар, заселил эту территорию, а также земли, лежащие к востоку. Прокопий³⁶, однако, утверждает — хотя утверждение не имеет надежных источников, — что отцом Бела был Сатурн, и он же есть Ной. На восьмом году царствования Нимрода его брат Шеба, сын Куша и внук Хама, был послан Ноем (его прадедом) заселить Аравию — и с ним пошли Гаг с сыновьями Гангом и Индом, которые впоследствии дали свои имена двум великим рекам Индии, а Шеба назвал те провинции Аравии своим именем — Саба.

В Вавилонской монархии после Бела правил Бала, или Беле Младший, в году 1753 после Сотворения мира, — так утверждает историк Мегасфен³⁷. Бала завоевал всю Восточную Индию и большинство народов, поселившихся на юге и в двух Аравиях, и поэтому с тех пор авторы, изучающие историю тех государств, называют их монархиями. Шли годы, наступил 2000 год после Сотворения мира. В Вавилоне тогда правил Аскагад, а потом Мамут, которого мы можем считать тринадцатым царем Вавилона, согласно утверждению Бероса³⁸. С этого момента более ясной становится преемственность царей, так как появляется больше источников, и вот мы доходим до 2325 года после Сотворения мира, когда царем был Маххалат, тридцать лет занимавший трон Ассирии. Его сменил Сфар — пятнадцатый царь Вавилона, в 2350 году после Сотворения мира, и с этого времени, согласно источнику Сусианинской библиотеки, Ассирией, или Сирией, стали называть этот верхний район и монархию. Это имя произошло от Сируса, сына Авраама. В дальнейшем мы будем следовать вышеупомянутым авторам, на сведениях которых мы главным образом основываемся. Если доверить-

³³ *Куш, Каш* — древнеегипетское и библейское названия территории южнее Египта. У античных авторов — Эфиопия, у средневековых — Нубия.

³⁴ *Сусианинская библиотека* — существование указанной библиотеки нами не установлено.

³⁵ *Белохус* — летописи Белохуса и другие древние источники до нас не дошли, или же мы не смогли установить наличие указанных в книге Орудж-бека сочинений и их авторов. Поэтому мы далее будем комментировать только те или иные известные в науке сведения Орудж-бека.

³⁶ *Прокопий* — видимо, Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 — после 562), византийский историк. Участвовал в походах против персов, вандалов и остготов. Его труды: «История войн» (в 8 кн.); «О постройках Юстиниана», «Тайная история».

³⁷ *Мегасфен* — историк-эллинист, современник Александра Македонского и первых Селевкидов. Писал свои труды в Селевкии-на-Тигре.

³⁸ *Берос* — историк-эллинист, жрец храма Мардука в Вавилоне, современник Александра Македонского и первых Селевкидов. Он посвятил свой труд Антиоху I Сотеру (262–261 гг. до н. э.).

ся историку Белохусу, Сирией называли все земли к югу от Вавилона, который подчинялся ему вплоть до того времени, когда Кир³⁹ установил местопребывание своего правительства в Персии. Далее, согласно Лукиану Самосатскому⁴⁰, в третьем году после рождения Моисея⁴¹, что соответствует 2375 году, Мамут стал царем Вавилона и правил тридцать лет. Его сменил Асхал — восемнадцатый царь Вавилона, и, говорят, в десятый год его правления Моисей вывел еврейский народ из плена. Лукиан Самосатский продолжает историю этих царей именем Белохуса II, который вступил на трон в 2530 году и правил двадцать пять лет. Получается, что Сосар — его современник, хотя по другим источникам Сосар сменил Белохуса. На седьмом году правления, когда Дебора судила Израиля, в Вавилоне начал царствовать Лампрае и правил, говорят, тридцать лет. После него в 2677 году последовал Панна и находился на престоле тридцать лет. Потом правил Сосарм, которого сменил Тевтамид, иначе Тевтанид, бывший современником Иевфая из Священного Писания, который прославился как вождь еврейского народа. За Тевтамидом последовал Тевта, но его правление было в действительности короче, чем утверждают некоторые источники. Потом был Тиме, правивший тридцать лет, потом Деркул, тридцать первый царь Вавилона, современник царя Давида⁴²; за ним шел Эупакмес, вступивший на трон вскоре после того, как Соломон⁴³ начал строить Храм. Потом был Лаосфен, потом Пертиад, потом Офрате, а потом Акраган, правление которого длилось сорок два года.

Персидский историк Мегасфен — а именно у него мы взяли приведенный список царей — завершает хронологический экскурс царем Сарданапалом, который, по его утверждению, правил пятнадцать лет. Он называет его Тонус-Конколерус. По утверждению греческих историков, он был сыном Анаксандрида и, по словам Свида, прямым потомком Нина и Семирамиды. Если же, однако, мы обратимся к Свиде, то, по его утвержде-

³⁹ Кир — Кир II Великий, древнеперсидский царь (ок. 558–529 гг. до н. э.), основатель династии Ахеменидов. В 553 г. до н. э. возглавил восстание племени персов против мидийских царей. В 550 г. до н. э. захватил власть в Мидии.

⁴⁰ Лукиан Самосатский (ок. 120–125 — после 180) — древнегреческий сатирик. Уроженец Самосаты в Сирии. Сочинения его (до нас дошло 84 произведения) — ценный источник по истории восточных провинций Римской империи II в. Энгельс назвал его «Вольтером классической древности» и «одним из лучших наших источников о первых христианах» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. Ч. 2. С. 411). Упадок старой философии, крах старой религии — главная тема творчества этого сатирика.

⁴¹ Моисей — пророк и законодатель древних евреев. Согласно легендам, сложившимся во II тыс. до н. э., родился и был воспитан при дворе египетского фараона; получив откровение от бога Яхве, стал предводителем ушедших в Египет и поработенных израильских племен и вывел их из Египта.

⁴² Давид — царь Израильско-Иудейского царства (1004–965 гг. до н. э.); при нем происходило усиление государственной централизации.

⁴³ Соломон — сын Давида, третий царь объединенного Израильско-Иудейского царства (965–928 гг. до н. э.).

нию, между Нимродом и Сарданапалом было 38 царей, чьи имена можно найти у Ктесия⁴⁴, автора, которому мы можем довериться. Конец и гибель Сарданапала мы скоро опишем, но сначала объясним, почему эта древняя история вавилонских царей так подробно нами здесь рассматривается. Это делается для того, чтобы ясно была видна древность персидской монархии, а также древний статус ее народа. Так, мы узнаем, что, когда царь Тевтанид прибыл на помощь к царю Приаму из Трои, будучи его вассалом, он привел с собой армию — 10 тысяч эфиопов из Аравии и примерно столько же воинов из Сусианы⁴⁵ с 200 колесницами, и все они были под командованием Менона, сына Титона, который был правителем в Персии. В 2690 году мы вновь наблюдаем два интересных факта. Во-первых, уже в это время страна носит примечательное имя Персии, являясь одной из главных провинций царства Вавилона и Ассирийской монархии. И, во-вторых, уже тогда существовали принцы, управляющие богатыми землями Персии. Так, Менон был персидским принцем, а его отец Титон — правителем Персии. По происхождению и по крови они были прямыми потомками вавилонских царей. Я бы не осмелился всего этого утверждать, если бы это не было ясно записано у Бероса и Мегасфена, а также в Восточных анналах Белохуса и в книгах Сусианиянской библиотеки. Таким образом, древность Персидского царства лишь незначительно уступает древности царства Ассирии, а по происхождению цари Вавилона и Персии равны. Поэтому, если вавилонские монархи гордятся своим происхождением от Нимрода, персидские монархи могут гордиться тем же. Правда, следует отметить, что мы не нашли более ранних упоминаний о Персидском царстве и персидских принцах, чем во времена Лампрае и Панна, процветавших в 2670 году. Тем не менее вышеупомянутые авторы косвенно упоминают Персию раньше этого времени, говоря о ней как о самостоятельной провинции, управляемой принцами, Титоном и Меноном, которых историки называли племянниками и кузенами царей Ассирии и Вавилонии. Можно добавить, что ни один источник не может объяснить, почему Персия стала так называться, и наши читатели могут возложить вину за это на историков Халдеи и Греций, которых мы называли выше.

Глава шестая,

в которой продолжен рассказ о генеалогии персидских царей

В предыдущей главе мы упоминали, что Сарданапал был последним царем Вавилона, и его падение, если верить рассказу, изложенному Мегасфеном, произошло следующим образом. Царь Сарданапал держал

⁴⁴ Ктесий из Книда (IV в. до н. э.). — врач Артаксеркса II, фельетонист, историк.

⁴⁵ Сусиана, Сузиан — современный Хузестан (Иран).

двор в хорошо известном городе Ниневии⁴⁶, знаменитом своим огромным населением, и среди его вождей были двое, правившие от его имени, которые руководили ходом войны. Это были Арбак, очень храбрый солдат, и Белесис, командующий войсками в Вавилоне. Белесис был крупным астрологом, и его наука открыла ему, что близок конец монархии ассирийских царей из рода Сарданапала. Мы можем полагать, что Бог, следуя своим Божественным целям, сделал так, чтобы этот человек смог проследить и узнать грядущие события, и хотя лично я мало доверяю астрологии как науке, я ни в коей мере не собираюсь оспаривать ее основные принципы. Я полагаю, в нашем случае все совершенно ясно: два храбрых воина, узнав, что Сарданапал погряз в отвратительном пороке, живет скорее как женщина, чем как мужчина, и ведет себя как грубое животное, а не как великий царь, решили, что необходимо провести в государстве кое-какие перемены. Ведь известно, что первый признак падения любой династии — это когда монарх начинает предаваться пороку и ведет себя подобно глупой женщине. И пусть правители знают, что существование добродетельного и строгого монарха является сильным заслоном на пути распространения зла в народе.

Далее мы узнаем, что Белесис, посоветовавшись с Арбаком (или Арбатом, как некоторые пишут его имя), устроили заговор; решили, что Белесис пойдет к Сарданапалу и своими глазами увидит, что тот делает и как живет. По одной версии, он нашел Сарданапала в компании 2000 женщин. Сарданапал прятался на прятке, борода его была пострижена, на голове был женский убор, браслеты на руках и серьги в ушах. Увидев это, два военачальника стали ругать царя, которого до того они глубоко почитали; и от презрения при виде этого женоподобного бедняги, которому до этого верно служили, они разорвали клятву верности. Объявив ему войну, они во главе могучей армии вавилонян и мидийцев — персы не примкнули к ним, но остались нейтральными — подняли восстание и пошли на царя войной. Сарданапал, наконец, лично возглавил свою армию, но было уже слишком поздно. На такой поступок Сарданапала подбил его сводный брат Саламен. Однако Сарданапал лучше разбирался в удовольствиях, чем в ведении войны, и не успели трубы просигнализировать атаку, как он обратился к врагу спиной и укрылся в Ниневии. Во главе армии он поставил сводного брата, чтобы тот повел войска в битву, от которой зависела жизнь и судьба царя. В этой битве храбрый воин Саламен потерял жизнь, но честь свою спас.

Воодушевленные победой в сражении, заговорщики окружили город Ниневию, где трусливо укрылся царь. Обнаружив, что его покинули те, в кого он раньше верил, и что число врагов увеличивается с каждым днем, Сарданапал решил умереть от своей собственной руки, нежели попасть

⁴⁶ *Ниневия* — город в Древней Ассирии. С V тыс. до н. э. известен по клинописным документам. С IX в. до н. э. стал резиденцией ассирийских царей.

живым в распоряжение Арбака и Белесиса. Поэтому, решив умереть так, как жил, он приказал снести все свои богатые наряды и бриллианты — а было их, говорят, немало — и предал все огню, сжег и добро, и себя на костре в середине центральной площади Ниневии. Вскоре его столица сдалась заговорщикам, потом и все соседние города, однако Белесис, желая под разными предлогами присвоить себе те сокровища, которые не погибли в огне, поссорился со своими друзьями. Дошло до того, что они едва не потеряли завоеванную ими власть, но этого не случилось, поэтому нечего больше говорить об этом, чтобы не затягивать рассказ о падении Сарданапала. В конце концов Арбак простил своего друга и, поделив между собой провинции, они договорились, что Белесис станет сатрапом Вавилона, а Арбак возьмет себе Мидию и Персию, царем которой он себя провозгласил. Однако на протяжении всего правления ему доставлял беспокойство подчиненный ему правитель народов Сирии и Палестины.

Таким образом, от Нимрода до Сарданапала династия царей не прерывалась, и 1370 лет они правили Сирией, Вавилоном, Персией и Мидией. Но со времени восшествия Арбака на трон правление Мидией и Персией было в руках тиранов — сатрапы управляли страной следующие триста сорок лет, до тех пор, пока Дарий и Кир, перенеся столицу империи в Персию, не сделали эту провинцию столицей государства, как мы увидим в следующей главе.

Глава седьмая,

в которой продолжается рассказ о династии царей Персии

В 528 году до Рождества Христова родился Кир Великий⁴⁷, провозгласивший себя повелителем мира и правителем Персии. После него правил Камбис⁴⁸, после которого следовали два брата из Магов (Смерд⁴⁹ и Паусоут). Потом был Дарий I⁵⁰, Ксеркс I⁵¹, Артаксеркс I⁵², Ксеркс II⁵³, прозванный Согдианом, Дарий II⁵⁴, прозванный Нотом, Артаксеркс II

⁴⁷ *Кир II Великий* (Старший, Куруш) — персидский царь (559–530 гг. до н. э.).

⁴⁸ *Камбис* (*Камбиз II*) — сын Кира II, персидский царь (530–523 гг. до н. э.), при нем персы завоевали Египет.

⁴⁹ *Смерд* (*Смердис*) *Бардия* — персидский царевич, сын Кира II, младший брат Камбиза II; по официальной персидской версии (воспринятой большинством античных авторов), был тайно убит по приказу Камбиза перед походом в Египет (525 г. до н. э.).

⁵⁰ *Дарий I* — персидский царь (522–486 гг. до н. э.), сын Гистаспа, правителя одной из отдаленных провинций Ирана.

⁵¹ *Ксеркс I* — персидский царь (486–465 гг. до н. э.), сын Дария I.

⁵² *Артаксеркс I* — персидский царь (465–424 гг. до н. э.).

⁵³ *Ксеркс II* — сын Артаксеркса I, в 424 г. до н. э. был умерщвлен своим сводным братом.

⁵⁴ *Дарий II* — персидский царь (424–404 гг. до н. э.).

Мнемон⁵⁵, который, говорят, и является тем Ахасуером, который упомянут в Библии⁵⁶, хотя, по-видимому, для такого утверждения мало оснований. После него пришел Ох⁵⁷, или Ок, затем Артаксеркс III⁵⁸, хотя многие отрицают существование этого Артаксеркса. Мы полагаем, что он все же существовал. По мнению некоторых историков, перед этим последним Артаксерксом следует поместить некоего Арзеса⁵⁹, а после него Дария III⁶⁰, на смену которому пришел Александр Великий. Потом Персидская монархия перешла в руки двух Птолемеев — а именно: Птолемию Филадельфу⁶¹ и Птолемию Эвергету⁶², а затем эта цепочка оборвалась. Империя Кира Великого и его преемников просуществовала 309 лет. Ее правители в неудержимом стремлении к расширению владений завоевали области, лежащие к востоку, а также к югу и к северу, подчинив всех знаменитых царей и правителей во время Пятого Периода. После этого существовала Римская империя со всем величием своих великолепных армий и великих полководцев, благодаря победам и усилиям которых были завоеваны обширные области Европы и Азии и даже часть Африки. Это ознаменовало наступление Шестого Периода, когда на земле появился Посланник Мира, Иисус Христос.

В то время второй великий владыка, известный тогда миру — император Октавиан Август Цезарь⁶³, приказал открыть ворота храма Двуликого Януса как знак всеобщего мира; хотя, по мнению некоторых историков, знаком мира было бы как раз закрытие, а не открытие этих ворот. Однако в этом вопросе лучше всего придерживаться рассказа Вергилия⁶⁴, мнение которого изложено в панегирике императору, хотя он скорее поэт, а не надежный хроникер. Есть еще один момент, который необходимо отметить в конце рассказа о царях, правивших до того, как на свет родился Иисус Христос. Если можно положиться на слова поэта Ювенкуса, сказанные в первой его «Евангелической истории», он со-

⁵⁵ *Артаксеркс II Мнемон* — персидский царь (404–359 гг. до н. э.).

⁵⁶ *Артаксеркс*, персидский царь, упоминается в Книге Неемии и Первой книге Ездры.

⁵⁷ *Ох (Ок)*, Умасу-Ох — имя персидского царя у греческих авторов, при восшествии на трон принял имя Артаксеркс III.

⁵⁸ *Артаксеркс III Ох* — персидский царь (359–338 гг. до н. э.).

⁵⁹ *Арзес* — младший сын Артаксеркса III, убит в 336 г. до н. э.

⁶⁰ *Дарий III (Кадоманн)* — персидский царь (336–330 гг. до н. э.).

⁶¹ *Птолемей II Филадельф* — второй царь Македонской династии (282–246 гг. до н. э.), воцарившейся в Египте после завоевания его греко-македонскими войсками в 332 г. до н. э.

⁶² *Птолемей III Эвергет* — третий царь Македонской династии (246–222 гг. до н. э.).

⁶³ *Октавиан Август Цезарь* — Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им.

⁶⁴ *Вергилий, Публий Марон* (70–19 гг. до н. э.), римский поэт, автор эпической поэмы «Энеида», прославляющей императора Октавиана Августа. Ворота храма Януса открывались во время войны.

вершено определенно утверждает, что трое святых, цари *волхвов*, пришедшие поклониться царю царей, Бессмертному Христу, тоже были цари. Двое из них были из Персии, а третий, темнокожий, из Аравии. Это мнение основывается не только на свидетельстве Ювенкуса, но и подтверждается в работах Святого Василия и великого доктора греков Атанасиуса (Афанасия), а также Хрисостома (Иоанна Златоуста), Теодора и Никифора, однако, по словам святого Антония, все три царя пришли из Мидии, из города Виксария, а Петр Апиан утверждает, что все пришли из Аравии, из так называемого Феликса (Аравии Счастливой). Как бы то ни было, лучше рассматривать весь этот вопрос в мистическом и моральном смысле, каким он вполне может и являться, ибо разве не были *волхвы* первыми людьми, с радостью приветствовавшими и поклонившимися плоти, созданной Словом Иисуса, воплощению Бога, одетому в нашу людскую плоть? Событие столь великое и божественное, что только Его сила могла бы осуществить, и именно Его любовь к людям заставила Его осуществить то, что Он осуществил. Так в мир родился Иисус Христос, Спаситель, царь царей, в то время как земными делами управлял Октавиан Август.

В Персии и Мидии в это время правили наместники-сатрапы, подчинявшиеся Риму. Поэтому мы можем считать Октавиана Августа подлинным властелином Персии, даже если мы примем точку зрения тех, кто считает, что трое волхвов не были царями Персии. Ведь император Октавиан был самым главным правителем, назначающим своих экзархов⁶⁵ и наместников во всех восточных провинциях, точно так же, как в последующие времена греческие императоры в Константинополе назначали правителей на Западе — по всей Италии, где эти признаваемые населением правители держали дворы в Риме и Равенне, словно они были настоящими царями над этой землей. Итак, в заключение мы еще раз подчеркнем, что Октавиан Август был последним царем Персии до рождения Христа и первым царем после Его рождения. Нельзя сказать, чтобы Август был собственно персидским царем, но он продолжил линию их преемственности вплоть до появления новой монархии Артаксеркса⁶⁶ (или Ардашира Папакана, первого Сасанида), или, как сказали бы другие, до того времени, когда Шапур I⁶⁷ стал персидским царем. Мы согласны с этим, но в то же время считаем, что трое царей-волхвов были и на самом деле царями, которые продолжили

⁶⁵ Экзархи — начальники военно-административных единиц в Византии VI–VII вв.

⁶⁶ *Артаксеркс (Ардашир I Папакан)* — основатель династии Сасанидов (226–241), сын правителя города Истахр, распространивший свою власть на ряд областей, входивших ранее в состав Парфянского царства.

⁶⁷ *Шапур I* — сын и преемник Ардашира, царь Ирана (239 или 241 — 272). В первой войне против Рима (241–242) захватил богатую Антиохию и дошел до берегов Средиземного моря. Второй его поход (256–259) также увенчался успехом: был взят в плен римский император Валериан с большим войском.

линию персидских царей в то время, как о царях персидского трона сведения отсутствуют, именно от Птолемея Эвергета до Шапура, и мы считаем, что во время этого промежутка они были настоящими персидскими царями, оставаясь подданными императоров Октавиана Августа и Тиберия Цезаря⁶⁸.

Глава восьмая,

в которой продолжается рассказ о персидских царях и о том, кто первым проповедовал Евангелие в Персии

В Священном Писании говорится, как апостолов послали по всему миру проповедовать, и от Периона и Абдия мы узнаем, что св. Иуду Таддеуса и св. Симона, брата св. Иакова, послали нести Слово Божье в Персию и Мидию. Результатом их проповедей было то, что 70 тысяч человек крестились. В это время в Персии, а также в Вавилоне правил Ксеркс, и он в то время вел войну против еврейского народа. Так что, когда два славных апостола туда пришли, их провели к Барардаху, генералу Ксеркса — который, если верить Беросу, был последним Ксерксом, правившим в Персии, — и там апостолы вступили в яростный спор с Заросом и Арфаксатом — двумя волхвами, которые также были колдунами. Дьявольское упрямство этих людей было, в конце концов, побеждено, и Абдий впоследствии был посвящен в епископы и сделан епископом Вавилона, где после этого крестилось более 20 тысяч человек.

Потом с помощью силы Креста вся страна была милостиво избавлена от нашествия маленьких, но очень ядовитых змей, которых принесли ветры; они же принесли в Египет тучи саранчи. Но дьявол не мог спокойно наблюдать, как столь много душ обращаются в христианскую веру, и он организовал преследование этих двух доблестных князей церкви, которое не прекращалось до тех пор, пока они не приняли мученический конец, как утверждают церковные источники, в городе Суанире. Персия, тем не менее, была благословлена первыми дарами божьими, преподнесенными ей этими полководцами христианской армии, и их учение разнесло семена веры по всей стране; это мы ясно видим из того большого количества преследований христиан, которые вскоре начались. В последующие времена церковь страдала — со времен Нерона⁶⁹ до времен Валериана⁷⁰ и Галлиена⁷¹ более миллиона пер-

⁶⁸ *Тиберий Цезарь (Август)* — римский император (14–37 гг. н. э.).

⁶⁹ *Нерон* — римский император (54–68).

⁷⁰ *Валериан* — римский император (253–260).

⁷¹ *Галлиен* — римский император (253–268).

сов приняли мученический конец, добровольно отказавшись от жизни, лишь бы не стать отступниками от своей веры христианской. Поэтому обращаюсь я к Господу с мольбой: пусть во имя этих святых мучеников, жителей Персии, несчастные, слепые персы наших дней, находящиеся на пути в ад, получают свое спасение. Пусть же будет так, даже если Персия не может гордиться другими славными примерами, которые можно было бы поставить ей в заслугу, кроме одного, который Никифор Каллист упоминает в книге VIII, главе XXXVII своей «Великой Истории», где он описывает, как сто персидских епископов предпочли мученический конец отказу от своей веры. Во имя их Бог Всемогущий одарит спасением нашу любимую страну и родную землю. Но столь многочисленны были жертвы во время жестокого и воинствующего царя Шапура II⁷² — как записано в «Трехтомной Истории», что я вынужден обойти их молчанием, потому что им нет числа. Того же, кто заинтересуется фактами, касающимися христианских мучеников в Персии, я отсылаю к работам Есайя, сына Адаба, вельможи при дворе царя Шапура II, который повествует о жертвах Барасиха и Йонаса, а также о тринадцати других, преследуемых церковью [в 327 году н. э.].

Патриотические чувства к моей родной земле и к ее заботам увеличили меня немного в сторону от основной темы этой главы — продолжить рассмотрение генеалогии персидских царей.

В этом вопросе источники сильно расходятся. Мы обратимся к Агафию⁷³, который в книге II своей «Истории» пересказывает анекдот, и хотя он и может представлять собой вымысел, но все же основывается на историческом событии, поскольку исходит из очень уважаемого источника. Говорят, что в дни римского императора Александра Севера⁷⁴, сына Маммэ, на четвертом году его правления Артаксеркс (Ардашир I, которого греки называют Артаксерксом), будучи мудрым человеком, основал династию сасанидских монархов в Персии. В те же дни около берегов Каспийского моря в Гиркании жил один человек столь низкого происхождения (по утверждению Агафия), что я здесь не стану упоминать его ремесло. В то же время он был великим астрологом и кудесником. Звали его Папак. В дом этого человека пришел переночевать солдат по имени Сасан, и Папак с помощью астрологии и ворожбы узнал, что от сына этого человека пойдет род великих царей. Поэтому Папак, желая славы и почестей себе и желая, чтобы потомки Сасана были и его потомками (а дочери, которую он мог бы выдать за него замуж, у него

⁷² *Шапур II (Сопор II)* — царь Ирана (309–379), видный представитель династии Сасанидов.

⁷³ *Агафий* — византийский историк и поэт VI в. Родом из Мирины (Малая Азия). Его труд «О царствовании Юстиниана» является продолжением «Истории» Прокопия Кесарийского.

⁷⁴ *Александр Север* — римский император (222–235).

не было), решил сделать так, чтобы солдат стал ему чем-то вроде приемного сына — он очень хотел, чтобы ему досталась вся слава, о которой рассказал гороскоп. Поэтому Папак решился на поступок низкий и подлый — отдать Сасану в жены собственную жену. Не зная об этих злых умыслах, Сасан прожил несколько месяцев с женой Папака. В положенный срок она разрешилась мальчиком, которому дали имя Ардашир, хотя для этого пришлось прибегнуть к помощи судьи, потому что настоящий муж женщины, Папак, хотел, чтобы ребенок, пусть и незаконный, был бы назван в его честь.

Мы знаем, что Всемогущий Бог наказывает высокомерие гордецов, заставляя их страдать от почестей, добытых ими несправедливым путем, и хотя они надеются преуспеть, но все же, в конце концов, несут наказание. Так и Папак был опозорен тем самым, от кого он надеялся получить честь. Пока шел суд, мальчик вырос и, узнав правду, осудил подлый поступок мужа своей матери. Он решил называть себя Ардашир, а не Папак⁷⁵, через некоторое время его гений помог ему совершить то, что ему было предсказано. Как говорит история, Артабан⁷⁶ (последний царь Парфянской династии) был убит этим самым Ардаширом, который, приняв титул царя этих земель, основал Сасанидскую династию на персидском престоле и правил пятнадцать лет. Таково было происхождение и начало третьей эпохи реставрации Персидского государства. Мы, однако, вынуждены признаться, что не знаем, верить ли вышеизложенной истории, которую мы даем читателям без каких-либо комментариев. После Ардашира правил Шапур I, взявший в плен императора Валериана и потом везде возивший его за собой в цепях. Кроме этого, он, садясь на лошадь, использовал этого императора вместо подставки и опирался на него ногой, — огромное оскорбление для того, кто был императором греков и римлян. Этот Шапур, как повествуют, завоевал всю Месопотамию, Киликию, Сирию и Каппадокию⁷⁷, так как у него в распоряжении находилась армия, более мощная, чем когда-либо находившаяся в руках правителя-варвара. Известно, что, если ему надо было пройти через горную страну, он забрасывал ущелья трупами врагов, убитых в битве, до самого их вер-

⁷⁵ Здесь Орудж-бек пересказывает мифическое сообщение Агафия о происхождении рода Сасанидов. Однако более достоверной считается версия средневекового сочинения «Карнамак Ардашир» («Книга деяний Ардашира»). Сасан был пастухом царя Папака, правившего в г. Истахре (близ Персеполя). Он происходил от Ахеменидов, но хранил это в тайне, пока Папак не увидел сон, предсказывавший, что сын Сасана будет правителем мира. Тогда он отдал свою дочь в жены Сасану, и от этого брака родился Ардашир. Этот рассказ повторен в «Шахнаме» Фирдоуси.

⁷⁶ *Артабан IV* — парфянский царь (ок. 213 — ок. 227).

⁷⁷ *Каппадокия* — историческая область на северо-востоке Малой Азии к востоку от р. Галис; была покорена Мидией в начале VI в. до н. э. и как часть Мидийского царства вошла в состав державы Ахеменидов.

ха. Однако в конце своего тридцатилетнего правления он пал от руки Одената⁷⁸, знаменитого правителя Пальмиры⁷⁹, который, как говорят, в юные годы был простым солдатом. После Шапура правил его сын под именем Хормузда I⁸⁰, но его правление длилось всего один год и десять дней. После него три года правил его сын Варахран I⁸¹, потом Варахран II⁸² правил десять лет. Потом был Варахран III⁸³, которого звали Сегестани, по имени страны (Сегестан или Систан), которую завоевал Варахран II, его отец. Потом был Нарсе⁸⁴, правивший семь лет и семь месяцев, и столько же правил его сын Хормузд II⁸⁵. Он был отцом знаменитого царя варваров Шапура II, правившего семьдесят лет, чье рождение и гороскоп были поразительны: он стал царем еще до того, как родился. Обстоятельства были таковы.

Когда Хормузд умер, оказалось, что его жена ждет ребенка, и персидские придворные, желая знать, будет ли ребенок мальчиком или девочкой, посоветовались с кудесниками и астрологами. Те ответили, что царица в чреве своем носит мальчика. Придворные, однако, не оставили сомнений, и привели к этим же кудесникам кобылу, которая ждала жеребенка, сказав, что если будет правильно определен пол жеребенка у этой кобылы, то они поверят и в слова кудесников о сыне царицы, — таковы были предрассудки и неверие тех слепых персов. Кудесники заявили, что у кобылы родится жеребенок-самец, и в правоте этих слов все скоро убедились, когда убили кобылу и вспороли ей живот. Удовлетворившись, придворные принесли царскую корону и, держа ее над лежащей царицей, дали клятву верности ее сыну, который родится, и через некоторое время после этой церемонии родился Шапур II. Его вполне можно назвать вторым Аттилой⁸⁶, потому что именно он осадил город Нисибин в Месопотамии, и был современником императора Юлиана Отступника⁸⁷ и Иова⁸⁸, который правил после Юлиана. Это был тот самый царь, чью армию во время осады упомянутого города Всемогущий Бог истребил бесчисленными полчищами оводов [мух], посланных против них по мольбе, вознесенной к Богу святым Иаковом, в то время бывшим епископом Нисибина. После Шапура II правил его брат Ардашир II и, по некоторым ис-

⁷⁸ *Оденат* — царь Пальмиры (III в. н. э.).

⁷⁹ *Пальмира* — в древности город на территории северо-восточной Сирии. При царе Оденате (III в.) стала фактически независимой от Рима.

⁸⁰ *Хормузд I (Хормизд-Ардашир)* — царь Ирана из династии Сасанидов (272–273).

⁸¹ *Варахран I (Бахрам I)* — царь Ирана из династии Сасанидов (273–276).

⁸² *Варахран II (Бахрам II)* — царь Ирана (276–293).

⁸³ *Варахран III (Бахрам III)* — царь Ирана в 293 г.

⁸⁴ *Нарсе* — царь Ирана из династии Сасанидов (293–302).

⁸⁵ *Хормузд II (Хормизд)* — царь Ирана (302–309).

⁸⁶ *Аттила* по прозвищу «Бич Божий» — царь гуннов (ум. 453).

⁸⁷ *Юлиан-отступник* — византийский император (3. XI. 361 — 26. VI. 363).

⁸⁸ *Иов (Иовиан)* — византийский император (27. VI. 363 — 16. II. 364).

точникам, он силой захватил трон у Шапура, когда тот был еще жив. Как бы то ни было, Ардашир сидел на троне только четыре года. Его сменил сын Шапур III⁸⁹, который был царем Персии пятнадцать лет, а после него воцарился его сын Варахран IV⁹⁰, правивший одиннадцать лет. После него его сын Йездегерд I⁹¹, большой друг императора Аркадия⁹², назначил того после своей смерти опекуном своего сына Феодосия II⁹³.

Йездегерд правил двадцать один год, потом его сын Варахран V правил двадцать лет. По книге «Хронология» историка Хуана де Торнамиры, Варахран V правил только семнадцать лет, и некоторые вставляют еще одного царя после Варахрана V⁹⁴ — Йездегерда III⁹⁵. Потом правил Пероз⁹⁶, грубый и тщеславный монарх, который нашел свою смерть в яме-ловушке, которую *эфталиты*⁹⁷ вырыли специально, чтобы он в ней погиб. Историки дают его правлению двадцать лет, но на самом деле он не мог править так долго. Потом царем был Вахан, потом Кубад, сын Пероза. Эту главу мы закончим объяснением того, почему царь Кубад⁹⁸ бежал искать укрытия у этих самых эфталитов. Персы всегда ревновали своих жен, это их древняя характерная черта. Однако Кубад, чтобы удовлетворить свою похоть и для каких-то особых целей, издал закон, по которому все женщины объявлялись общими и любая женщина должна принадлежать любому мужчине, который ее возжелает. Жители Персии, однако, настолько разгневались на этот закон, что, может, убили бы царя, если бы тот не бежал из страны. Когда же это случилось, жители удовлетвоались бегством царя и отдали корону Баласу, или Палашу⁹⁹, который, по мнению одних историков, был дядей Кубада, а по мнению других — его братом. Кубад, однако, вскоре вернулся из изгнания, поддерживаемый сильной армией царя эфталитов, на дочери которого он женился. Вследствие этого Балас был вынужден освободить трон, на который снова вернулся Кубад, мирно процарствовавший после этого тридцать лет. Умер он на пятом году правления императора Юстиниана¹⁰⁰. После него воцарился Хосров, первый царь Персии с таким именем.

⁸⁹ Шапур III — царь Ирана из династии Сасанидов (383–388).

⁹⁰ Варахран IV (Бахрам IV) — царь Ирана из династии Сасанидов (388–399).

⁹¹ Йездегерд I — царь Ирана из династии Сасанидов (399–420/421).

⁹² Аркадий — византийский император (17.1.395 — 1. V. 408).

⁹³ Феодосий II — византийский император (1. V. 408 — 28. VII. 450).

⁹⁴ Варахран V Гур — царь Ирана из династии Сасанидов (421–439).

⁹⁵ Йездегерд III — царь Ирана из династии Сасанидов (632–651/652).

⁹⁶ Пероз — царь Ирана из династии Сасанидов (459–484).

⁹⁷ Эфталиты — объединение племен, в V в. образовавших государство на территории современной Средней Азии, Афганистана и Восточного Ирана.

⁹⁸ Кубад (Кавад I) — царь Ирана из династии Сасанидов (488–496, 498/499–531).

⁹⁹ Балас (Палаш, Балаш) — царь Ирана из династии Сасанидов (484–488).

¹⁰⁰ Юстиниан I — византийский император (527–565).

Глава девятая,

в которой продолжается рассказ о генеалогии персидских царей, с некоторыми интересными деталями

Хосров I¹⁰¹ (известный как Ануширван) был одним из величайших царей, когда-либо правивших в Персии. Он не давал покоя императору Юстиниану, который тогда правил в Константинополе. Достаточно вспомнить то памятное вторжение в пределы Греческой империи, которое Хосров совершил в 577 году от Рождества Христова. Тогда число персидских войск было настолько велико, что одна только кавалерия насчитывала 15 тысяч всадников, и был захвачен город Дарас, очень знаменитый город на границе Греческой империи. Но по возвращении Хосрова домой его дела пошли не столь благоприятно, потому что Юстин¹⁰², племянник Юстиниана и командующий армией греков, вдохновленный храбростью Курса, командира составленного из скифов правого крыла армии империи, напал на Хосрова, чье войско в великом беспорядке бежало, и сколько точно персидских воинов было убито, сказать трудно — так их было много. В этой битве Хосров потерял предмет, который значил для него больше, чем павшие солдаты, — Священную Жаровню Бога Огня, — ее захватили победившие греки. Персы глубоко почитают эту украшенную алмазами жаровню, потому что они поклоняются огню как божеству. Когда стало известно, что жаровня утеряна, те воины, которые еще остались у Хосрова, восстали и хотели его убить и уйти от него. В конце концов Хосрову удалось усмирить восстание и под покровом ночи отвести свою армию в город Мелитена. Потом он пересек Евфрат — переправился через реку на слоне — и наконец почувствовал себя в безопасности.

Мир был заключен, и Хосров обнародовал закон, которому должны были следовать все его последователи и клятву верности которому принесли все знатные люди царства. Закон запрещал посылать войска персов против греческого императора и его генералов за пределы Персидского царства. Греков, однако, не остановило объявление этого указа, завоеванная победа сделала их высокомерными. Через некоторое время императора Юстиниана сменил на троне Тиберий II¹⁰³, и он передал пост главнокомандующего армией, который занимал Юстин, Маврикию¹⁰⁴, который стал опустошать персидские земли и убил там Хосрова, храброго командира персидского войска, и сделал бы то же самое со вторым командиром персов Адарманом, если бы тот не спасся бегством. Затем Маврикий, преследуя отступающего врага, победоносно вторгся в Персидское царство, сжигая

¹⁰¹ *Хосров I Ануширван* — царь Ирана (531–579). Царствование Хосрова I было периодом наивысшего расцвета государства Сасанидов.

¹⁰² *Юстин* — византийский император, фракиец (518–527).

¹⁰³ *Тиберий II* — византийский император (578–582).

¹⁰⁴ *Маврикий* — византийский император (582–602).

и опустошая на своем пути деревни, и пересек реку Зирма, подойдя к Аргиановым полям (на берегу реки Аракс). Здесь он оказался рядом с Хосровом, который из-за сильной жары удалился на территорию кардухианов (в Курдистане). Оттуда, из своего расположения, персидский царь мог видеть пламя и дым пожарищ, горевших деревень, которые продолжала сжигать греческая армия на территории Персии. Это зрелище так подействовало на Хосрова, что он приказал отнести его в город Селевкия на реке Тигр, где вскоре умер.

Хосрова на троне сменил его сын Хормузд IV¹⁰⁵, к которому император Тиберий, будучи в это время полностью занятым войнами в Италии, послал предложение о заключении мира. Византийский историк Зонара¹⁰⁶, автор надежный, сообщает, что персидский царь в своей варварской гордыне сначала отверг переговоры, хотя император Тиберий направил к нему послом Юстиниана (сына Германа), главнокомандующего своими армиями. В конце концов, пришли к перемирию на три года, хотя вероломный Хормузд очень скоро нарушил мир и вторгся в Армению, находившуюся под защитой греческого императора, и опустошил ее. В 584 году от Рождества Христова Маврикий, ранее женившийся на дочери Тиберия Марии, стал императором и царствовал во дворце своего тестя. Он трижды покарал жадных персов, вынудив их отступить, а потом выгнал из города Мартирополиса, который они захватили у греков в результате двойного предательства со стороны изменника Ситтаса. Персидские военачальники, сильно опечаленные позорной потерей этого города и боясь появиться перед своим жестоким правителем, королем Хормуздом, отступили со своей разбитой армией в город Нисибин, где держали совет, что им делать. Там они решили поднять восстание против Хормузда и избрали своим вождем Варахрана¹⁰⁷ (которого лучше знают как Бахрама Чубина), доблестного солдата, уже много раз сражавшегося против турок, в то время нового, неизвестного народа, напавшего на восточные границы Персии. Этот Бахрам Чубин быстро принял возложенную на него ответственность и, действуя ради общего блага, убил Хормузда вместе с его женой и некоторых его сыновей.

Однако император Маврикий выказал расположение к Хосрову, старшему сыну Хормузда, избежавшему смерти от рук заговорщиков, и помог ему

¹⁰⁵ *Хормузд IV (Хормизд, Ормузд IV)* — царь Ирана из династии Сасанидов (579–590), был убит Бахрамом Чубином.

¹⁰⁶ *Иоанн Зонара* — византийский хронист, жил в конце XI — середине XII в., занимал должность начальника гвардии и начальника императорской канцелярии, затем ушел в монастырь и написал свою знаменитую «Всемирную историю» — от сотворения мира и до вступления на престол императора Иоанна Комнина (1118).

¹⁰⁷ В 589 г. часть иранской знати во главе с Бахрамом Чубином, командующим войсками, расположенными в Южном Азербайджане, выступила против шаха Ормузда IV. Ормузд был убит, и Бахрам Чубин объявлен шахом. Сын Ормузда, Хосров Парвиз, в борьбе против Чубина обратился за помощью к византийскому императору Маврикию. С помощью византийских войск Бахрам Чубин был разбит, и Хосров II (Парвиз, 591–628) занял сасанидский трон.

войсками. После этого Хосров напал на Бахрама Чубина и его сторонников, к заговору которых присоединились некоторые турки, и во главе царских войск, поддержанных греческой армией, разгромил и убил Бахрама Чубина и всех других предателей в великой битве. Любопытный факт упоминает брат Хуан де Пинедра, который, по-моему, взял его у историка Зонары, а именно, что эти вышеупомянутые турки, которые в то время были идолопоклонниками, — мусульманами, естественно, они стали много позже — носили на лбу знак креста. Когда их спросили, почему они, язычники и идолопоклонники, носят на голове христианский знак, они ответили, что в прошлом, во время страшной эпидемии в их стране, людей излечил знак креста, который подносил к ним один христианин-миссионер. Святой Антонин, архиепископ Флорентийский, приводит еще один факт, которому было бы трудно поверить, если бы он не был занесен в третью часть четвертой главы его знаменитой книги «Хроникорум Опус». Он утверждает, что царь Хосров был настолько близким другом императора Маврикия, что тот дал ему в жены одну из своих дочерей, которая убедила своего мужа креститься. Это, возможно, так и было, но все же мне непонятно, как, если он действительно был христианином, Хосров мог позднее опустошить Сирию, Палестину, Финикию, а также Армению, Каппадокию и Пафлагонию, и даже дойти до Халкедона, расположенного около Константинополя?!

Но как бы то ни было, здесь необходимо отметить только то, что император Маврикий был убит Фокой¹⁰⁸, который на некоторое время стал императором, потом Фоку убил Ираклий¹⁰⁹, публично короновавшийся в Константинополе вместе со своей женой Евдокией, известной также как Фабия. (Все это произошло в 612 году нашей эры). Правление Ираклия длилось тридцать лет, и в следующей главе мы расскажем вам о событиях, происшедших за этот период, об отношениях Хосрова и императора Ираклия. Эту главу мы завершим упоминанием факта, отмеченного в книге Матвея Палмерия под названием «Хроникон» — именно когда Ираклий стал императором в Константинополе, в Испании правил знаменитый вестготский король Сисебут¹¹⁰.

Глава десятая,

*где продолжается и завершается рассказ о генеалогии древних царей
Персии*

Хосров II (по прозвищу Парвиз) был великим соперником Ираклия, и Христиан Массе в книге XIII своих «Хроник» повествует, что персидский царь, чувствуя себя много сильнее своего соседа, три раза подряд

¹⁰⁸ Фока — византийский император (602–610).

¹⁰⁹ Ираклий — византийский император (610–641).

¹¹⁰ Сисебут — вестготский король Испании (612–620).

отвергал предложения о мире, которые ему делал Ираклий, и также отказывался от богатых даров, которые, если верить хроникам того времени, император посылал ему. В самом деле, персидский царь объявил, что он согласится на мир на определенных условиях, но столь оскорбительных для чести христиан, что хроники обходят их молчанием. Однако отважный и доблестный император Ираклий, заключив сначала мир с царем арабов Даганом, начал войну с Персией во славу христианства и Греческой империи. В ответ Хосров [послал военачальника Шахр-Барза] напал на Палестину и безжалостно опустошил землю, в одном только Иерусалиме убив 20 тысяч человек. Потом персы увезли из Иерусалима реликвию — ценнейший Крест, на котором наш Владыка Иисус Христос принял свою смерть. Потеря Креста — это прискорбный факт, о котором горько печалились все христианские народы.

Когда об этом узнал христианский император Ираклий, его обуяла самая глубокая печаль и охватило сильное желание вернуть священную реликвию, а также и все земли, захваченные персами. Поэтому он выступил из Константинополя на восток и, несмотря на неравенство сил, решил дать бой персидскому царю. На перевале Таврских гор он яростно атаковал сатрапа Шахр-Барза, который был вторым командующим после царя Хосрова. Ираклий, как сообщает надежный источник, громко выкрикнул, проливая слезы и молясь: «*Deus iudica causam tuam*»¹¹¹. Он яростно преследовал врага и, обратив его в бегство, занял город *Agazago*, откуда Хосров только что бежал. Там он вошел в Храм Солнца и, захватив награбленные Хосровом богатства, отправил их назад. Но ценнее всего было то, что он нашел и с благоговением отправил в Иерусалим драгоценнейший Крест. С другой стороны, некоторые источники утверждают, что когда Ираклий обратил персидскую армию в бегство, он вошел в Храм Солнца и обнаружил там Хосрова, во всем великолепии сидящего на троне. Тут благодаря колдовству грянул гром и пошел дождь; солнце, луна и звезды — все было у ног Хосрова, справа от него стоял Святой Крест, а слева — петух. Ираклий, подойдя к Хосрову, убил его. Более соответствует истине, однако, другое изложение событий, а именно, что персидский царь не умер от руки Ираклия, а остался жив. Хосров продолжал жить, и через некоторое время ему на смену пришел его сын Широ¹¹², который стал царем Персии с помощью самого жестокого поступка. Он совершил его вопреки закону и разуму, отбросив и чувство долга и сыновнюю привязанность, которую даже самые злые звери оказывают своим родителям, родившим и вырастившим их, — убил, как мы узнаем,

¹¹¹ Бог да судит твое дело (*лат.*).

¹¹² *Широ, Кавад (Кубад)* — сын Хосрова II Парвиза. В 628 г., совершив дворцовый переворот, свергнул отца с престола и занял шахский трон. Для укрепления своего положения он заключил союз с Византией. По мирному договору с Ираклием он отказался от всех завоеваний Ирана и вывел иранские войска из занятых ими на Западе стран.

и своего отца, и мать, и братьев. После этого с помощью некоторых сатрапов он захватил все Персидское царство, но его правление длилось только один год, да и тот был наполнен ужасными событиями, совершившимися в результате его порочной жизни.

Некоторые историки утверждают, что между Широ и его последователем, сатрапом Шахр-Барзом, правили несколько царей, но я не могу найти этому подтверждения. Большинство источников сходятся на том, что Шахр-Барз правил Персией только полгода или еще меньше, сразу после Широ, и что после него был Барнар (или Харнар), один из сыновей Хосрова Парвиза, который избежал смерти от рук своего брата — убийцы Широ. Он семь месяцев занимал персидский трон, но пребывал в постоянном страхе и не имел свободы действий. После его смерти воцарился Хормузд¹¹³, последний из рода Хосрова, и правил десять лет. Жозеф Скалигер¹¹⁴ утверждает, что на десятый год правления Хормузда этот царь устал от жизни и, подвергаясь нападениям, с одной стороны, греческого императора, с другой — арабов, а также сильно обеспокоенный восстаниями подчиненных ему сатрапов, призвал в преемники на трон Омара¹¹⁵ — халифа мусульман. После этого Омар, войдя в Персию, помог царю, как утверждают, умиротворить или подчинить оставшихся. Другие источники, однако, рисуют иную картину, утверждая, что царь Хормузд позвал идолопоклонников-турок. Как бы то ни было, позвал ли он и мусульман и турок вместе или нет, утверждают, что персидский царь недостаточно вознаградил своих союзников — или кого-то одного, пришедшего ему на помощь. Как раз наоборот, вместо благодарности он стал бранить их, называя собаками. Поэтому те, кто помог ему, сначала огорчились, а потом возмутились. Потом арабы, сильно огорченные тем, что Хормузд не преподнес им богатых даров, соединились с турками, стоявшими лагерем у подножия Таврских гор, и вместе с ними напали на персов и за короткое время стали владыками богатейших провинций в Персии и Мидии.

Халиф Омар, почувствовав свою силу, решительно повел войну против Персидского царства. За десять лет борьбы он подчинил всю пер-

¹¹³ *Хормузд* — должен быть Йездегерд III, царь Ирана из династии Сасанидов (632–651/652).

¹¹⁴ *Скалигер Жозеф-Жюст* (1540–1609) — знаменитый филолог и критик. Знал восточные языки. Жил во многих странах Европы. Самый известный труд «Исправление хронологии» был издан в 1583 г. Умер в Лейдене.

¹¹⁵ *Омар* — второй по счету «праведный халиф», ставший во главе мусульманской общины в 634 г., после смерти Абубакра. За десятилетний период его правления ислам распространился на Ирак, Сирию, Египет и Киренаику (историческая область Ливии). В тексте ошибочно указано, как он был убит. Верна следующая версия: в 644 г. в столицу прибыли наместники для личных переговоров с халифом. Среди них находился и Аль-Мугира ибн Шуба, недавно поставленный наместником в Куфе. При нем был его раб по имени Фируз (христианин-перс), который и убил Омара в мечети во время молитвы.

дскую знать и всех наследников царского дома Аршакидов, а именно: потомков Арбака Хосрова, Хормузда, Ксеркса, Артаксеркса, Дария и Кира. Таким образом, Омар провозгласил себя неограниченным повелителем империи и государства, введя и распространяя среди жителей Персии новый яд развратной веры Мухаммеда, и именно поэтому Иосиф Скалигер совершенно точно называет Омара человеком, пролившим кровь персидских царей. Затем Омар устал от всех этих убийств и удалился в Иерусалим, где создал секту мусульман. По совету каких-то негодяев он решил перестроить Храм Соломона, но один перс, которого он привел в своей свите, по имени Маргансиа, вспомнив трагедию своей родной земли, ночью заколол Омара, совершив благородную, но варварскую месть. Омар, однако, не сразу умер и в оставшиеся перед смертью часы назвал своим преемником в халифате Османа¹¹⁶, одного из своих полководцев.

Глава одиннадцатая,

в которой рассказывается о начале истории мусульманских арабов, которые были повелителями в Персидском царстве, а также затрагиваются другие важные вопросы

Когда в 640 году от Рождества Христова на смену Омару в халифате пришел Осман¹¹⁷ — а до этого он был командующим мусульманской армией, — он обратился к вопросам политики и управления, намереваясь ввести некоторые новшества в религию, и поэтому издал новый глупый указ по вопросам мусульманской веры, известный с тех пор как *шари'ат*. Более того, решив из зависти уничтожить все те предметы, которые больше всего заслуживали сохранения как память мира, он из жадности стал продавать реликвии и святыни, и одним из замечательных памятников, который он разрушил, был Колосс Родосский¹¹⁸. Этот памятник с полным основанием всегда считался одним из семи чудес света, и, как утверждают надежные источники, это была бронзовая фигура такого огромного размера, что достигала в высоту 120 футов, а по внешнему виду была точной копией человека. Знаме-

¹¹⁶ *Осман (ибн ал-Аффан)* — третий по счету «праведный халиф». Один из самых первых последователей и сподвижников (асхаб) пророка Мухаммеда, происходил из рода Омейя, богатый купец, муж Рукайи — дочери Мухаммеда. После ее смерти в жены взял другую его дочь — Ум-Кульсум. Он стал преемником халифа Омара в 644 г. В 656 г. был убит в своем доме в Медине мятежными мусульманами, прибывшими из Египта и Ирака.

¹¹⁷ Здесь ошибка Орудж-бека — Осман стал халифом в 644 г.

¹¹⁸ *Колосс Родосский* — колоссальная статуя Гелиоса на острове Родос, была разрушена землетрясением в III в. до н. э.

нитый мастер-литейщик Шарес из Линдуса потратил двенадцать лет на изготовление, подгонку и установку этой статуи, и она стояла недвижимо 1370 лет, когда Осман приказал ее разрушить. 900 верблюдов увозили бронзу, и каждый нес 30 *arrobas* (или около 7 центнеров) металла.

Осман совершил еще много экстравагантных поступков и, в конце концов, был убит рабом, который, как утверждают, был подослан Али. Двенадцать лет он был халифом Вавилона, Персии и Мидии, и мне придется привести много примеров подобных убийств среди всевозможных мусульманских сект. Я перечислю по очереди всех халифов, правивших в Персии. Итак, на место Османа сел Али¹¹⁹, который тоже кончил ужасной смертью, будучи убитым в городе Куфа по приказу Муавии¹²⁰. Багдадский халиф в Вавилоне, Муавия, также правивший Персией, стал преемником Али, но за двенадцать лет своего правления не знал ни минуты покоя, ведя непрерывные войны с императорами Константинополя. Наконец между ними было подписано перемирие на тридцать лет. Тогда Муавия, почувствовав себя свободным от военных дел, отправился в Дамаск и, созвав совет, попытался привести в порядок дела со своей ложной религией. В это время, как он правильно заметил, мусульмане делились на множество противоборствующих сект, и он назначил комиссию из шести мудрецов, которых звали Мулкиано, Баарио, Буора, Сиди Ноккио, Сиди Тануин и Сиди Дауд. Получив потом различные бумаги, которые пророк Мухаммед оставил после своей смерти, эти шестеро алфакихов, или знатоков религии, сели за работу и составили книгу заповедей и предписаний, которым должны были подчиняться все следующие закону Мухаммеда. Этой книге они дали название Ал-Коран и установили наказания для тех, кто будет следовать какому-нибудь другому течению мусульманской веры¹²¹.

¹¹⁹ Али (ибн Абу-Талиб) — четвертый и последний из «праведных халифов», двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, муж его дочери Фатимы. Провозглашен халифом в 656 г. после убийства Османа. В 661 г., потеряв инициативу в вооруженной борьбе против Муавии, был смертельно ранен хариджитом (приверженцем одной из радикальных мусульманских сект) при входе в Куфийскую мечеть.

¹²⁰ Муавия I (ибн Абу-Суфьян) — первый омейядский халиф (661–680).

¹²¹ Здесь искажены факты. Мусульманские предания и исторические данные свидетельствуют о том, что среди сподвижников Мухаммеда были люди, которые записывали отдельные фрагменты Корана, однако сборник текстов Корана еще не был составлен. После смерти Мухаммеда возникла угроза постепенной утраты священного текста и было необходимо собрать все откровения. При халифе Абубакре эту работу выполнил Зайд ибн Сабит, собравший все имевшиеся записи и то, что сохранилось в устной форме; разрозненные фрагменты он объединил и переписал на отдельных листках. Предание также приписывает создание письменных вариантов Корана сподвижникам Мухаммеда — Убайду ибн Кабу, Абдаллаху ибн Мас'уду, Абу Мусе-ал-Аш'ари. При третьем «праведном халифе» Османе текст Корана был впервые облечен в форму книги, которая и считается первым изданием Корана.

В 703 году от Рождества Христова в Багдаде¹²² правил Персидским царством халиф Йазид¹²³, сын Муавии. Вместо занятий военными делами, которые в тех беспокойных землях были самой важной задачей, Йазид играл роль влюбленного и писал стихи с целью стать вторым Вергилием из Мантуи, пусть и варварским способом. Но поскольку враги сожгли все его сочинения, нам неизвестны их поэтические достоинства. Тогда Абдаллах, брат Йазиды, устав от рифмоплетства брата и пренебрежения им государственными делами и армией, убил его. Одна версия гласит, что он сделал это собственными руками, другая, более вероятная, что Абдаллах [не был его братом], а был лишь одним из участников заговора сторонников [Али], которые составили и осуществили заговор с целью избавиться от халифа. Как бы то ни было, халифом потом был провозглашен Хусейн¹²⁴, сын Али, но вскоре он был убит теми же заговорщиками.

В те дни, когда было много правителей, провозглашавших себя повелителями той или иной провинции, в Персии — в стране, о которой мы сейчас рассказываем и будем рассказывать на последующих страницах, — араб по имени Мухтар¹²⁵ провозгласил себя великим халифом Персии, но он столкнулся с таким количеством противников, что ни одного дня после этого не прожил в мире. Против него был и правящий в Багдаде халиф. Но главным его соперником был Мус'аб¹²⁶ [брат Ибн-Зубейра, антихалифа Мекки], который, в конце концов, убил его в сражении. Но после этого Абд ал-Малик¹²⁷, которого арабы, проживающие в Персии, провозгласили своим халифом, потому что их сильно угнетали и, в конце концов, довели до восстания, — этот Абд ал-Малик, мстя за смерть Мухтара,

¹²² *Багдад* — на месте старого Дамасского халифата Омейядов возник новый халифат со столицей в Багдаде, основателем которого был халиф Абул-Аббас. Это новое государство, просуществовавшее с 750 до 1055 г., получило название Багдадского халифата Аббасидов.

¹²³ *Йазид I* — омейядский халиф (680–683).

¹²⁴ *Хусейн* — второй сын халифа Али и Фатимы, внук Мухаммеда. Считается после брата Хасана третьим шиитским имамом. В 680 г. на пути из Мекки в Куфу в местечке Кербела был убит местным омейядским наместником Убейдуллахом.

¹²⁵ *Араб по имени Мухтар провозгласил себя великим халифом Персии.* При халифе Абд ал-Малике (правил в 685–705) в Иране и Хузестане (в 685–687 гг.) под знаменем шиитов произошло восстание под предводительством араба Мухтара ибн Абу-Убеида, пестрое по своему классовому и этническому составу. Только ценой больших усилий войскам Абд ал-Малика удалось подавить восстание.

¹²⁶ *Мус'аб* — брат мекканского халифа Абдаллаха ибн аз-Зубейра, которого в европейской научной литературе принято называть «антихалифом», но такое название обязательно только для сторонников омейядского легитимизма. Мус'аб ибн аз-Зубейр был наместником в Ираке, однако его власть была весьма относительной. Его наиболее боеспособные части были целиком поглощены борьбой с хариджитами. Напряженная борьба Мус'аб с хариджитами облегчила Абд ал-Малику завоевание Ирана.

¹²⁷ *Абд ал-Малик* — омейядский халиф (685–705), в 691 г., заняв г. Куфу, подчинил Ирак Омейядам.

убил Мус'аба, решив, таким образом, спор за халифат в Персии, Месопотамии и Аравии. После Абд ал-Малика на престол сел его сын Валид¹²⁸, прославившийся в Западной Европе и Африке. Большинство надежных авторов утверждают, что это тот самый халиф, который явился причиной нашей гибели в Испании, приказав мусульманам помочь предателю дону Юлиану¹²⁹ в 708 году от Рождества Христова. Действительно, именно этот халиф Валид, должно быть, и помог дону Юлиану, поскольку христианская Испания была потеряна не в 714 году, как утверждают некоторые, а в 708-м, и поскольку именно этого халифа обычно называют «Мечом божьим». После смерти Валида воцарился Сулейман¹³⁰, а потом Омар II¹³¹, но эти три халифа не знали и дня покоя в свое правление, так что нельзя сказать, чтобы кто-нибудь из них хотя бы один день мог назваться признанным повелителем всех персидских земель.

После непрерывных войн воцарился тринадцатый халиф, Йазид II¹³², а после его смерти в 748 году стал править его сын Хишам¹³³. Он называл себя великим халифом Сирии и Персии. Но примерно в это же время в Египте появился другой великий халиф, по имени Марван¹³⁴ (ему суждено было стать последним халифом династии Омейядов), и он заключил договор с константинопольским императором Константином V¹³⁵, признав себя его данником. Он думал, что сможет более успешно бороться с Хишамом. И это действительно было так, потому что, напав на врага, Марван в открытом бою с помощью Константина V победил Хишама, убил его и стал бесспорным правителем Вавилона и Персии и пятнадцатым халифом дома Омейядов. Примерно в это же время Персия была разделена между двумя великими партиями: одна — кайситских арабов Модара¹³⁶, другая — хашимитов¹³⁷ (из дома

¹²⁸ *Валид I* — омейядский халиф (705–715).

¹²⁹ *Граф Юлиан* — вестготский граф и губернатор Сеуты. Вначале он храбро отражал нападения арабов в Африке, но после восшествия на испанский престол Родриго (709) встал на сторону арабов. Помог им вторгнуться в Испанию, даже дал флот и открыл ворота крепостей. Участвовал в битве при Херес де ла Фронтера (711 г.). После победы посоветовал арабам двинуться на Толедо и помог им овладеть Кармоной. Поэтому Орудж-бек, будучи жителем Испании, называет его предателем.

¹³⁰ *Сулейман* — омейядский халиф (715–717).

¹³¹ *Омар II* — омейядский халиф (717–720).

¹³² *Йазид II* — омейядский халиф (720–724.).

¹³³ *Хишам* — омейядский халиф (724–743). У Орудж-бека начальная дата правления Хишама ошибочно указана 748 г.

¹³⁴ *Марван II* (ал-Химар) — последний омейядский халиф (744–750).

¹³⁵ *Константин V* — византийский император (741–775).

¹³⁶ *Кайситские арабы Модара* — видимо, кайсаниты. Первоначально кайсанитами называли алидов Куфи, интересы которых поддержал ал-Мухтар ибн Аби Убайд ас-Сакафи по прозвищу Кайсан. Согласно другой версии, они были названы кайсанитами по имени предводителя восстания Абу Амра Кайсана.

¹³⁷ *Хашимиты* — последователи Абу Хашима (ум. 716), сына Мухаммеда ибн ал-Ханафи (ум. 700).

Аббаса). Эти последние были известны как последователи закона имама Джафара¹³⁸ (правнука Хусейна). Воспользовавшись этим разделением, некий перс по имени Сулейман Абу Муслим¹³⁹, человек большой отваги, восстал. Он исповедовал доктрину Мухтара (о которой уже говорилось, а именно доктрину шиитов), утверждая, что халиф Али был еще более великим пророком, чем сам Мухаммед. Потом Абу Муслим провозгласил себя Амиром ал-Муслимин (т. е. главою мусульман) и, напав на кайситских мусульман, победил Ибн-Сайяра, их вождя, и убил его. После этого Абу Муслим, имея под командой армию в 100 тысяч человек, стал спокойно ждать нападения халифа Марвана, который приближался к нему с армией в 300 тысяч человек. И вот произошла одна из наиболее кровавых и жестоких битв, когда-либо бывших на Востоке. Битва шла между мидийцами и персами. Число солдат у Марвана и его сторонников достигло 400 тысяч. В конце битвы Марван, полностью разгромленный, бежал с женой и сыновьями, а за ними бежали и все его родственники. Марван укрылся в Египте, но Зелма, сын Абу Муслима, последовал за ним и, в конце концов, в 754 году убил его. От Абу Муслима, которого также звали Амир Сулейман, произошел Муса Казим¹⁴⁰ (седьмой имам), который позднее, в интересах семьи пророка Мухаммеда, попытался отвоевать халифат, а от Мусы Казима произошли персидские цари династии Суфи, через род Мухтара (уже упоминавшегося) и Мухаммеда или Ахмада [он же имам ал-Махди, двенадцатый по счету], от Али и Фатимы, дочери пророка Мухаммеда, как будет полностью объяснено дальше. Персы после вышеописанной победы избрали Амира Сулеймана (он же Абу Муслим) своим халифом, но после этого Абдаллах ибн Мухаммед (которого знают как второго аббасидского халифа Мансура)¹⁴¹, брат Абу Джафара (он же Саффах, основатель династии), был признан как верховный халиф по всей Сирии. Этот халиф Мансур, человек крайне коварный, отправил на смерть всех своих противников, обвинив их в измене, и остался единственным и абсолютным халифом. Потом он с помощью злодейских махинаций совершил убийство Амира Сулеймана Абу Муслима, самого сильного полководца.

¹³⁸ *Имам Джафар ибн Мухаммед ас-Садик* (ум. 765) — шестой шиитский имам.

¹³⁹ *Абу Муслим* — предводитель антиомейядского восстания, талантливый военачальник и крупный государственный деятель, вышел из социальных низов тогдашнего общества: в молодости был рабом, призывал не только к политической независимости своей родины (Иран), но и к социальному освобождению трудящихся масс. В 747 г. в Мервском оазисе началось восстание, возглавляемое им, и распространилось по западному Ирану и Ираку. Повстанцы столкнулись с войском Марвана II на реке Большом Забе, левом притоке Тигра. Халифские войска потерпели поражение, Марван II бежал в Сирию. Абу Муслим был убит по приказу халифа Мансура в 755 г.

¹⁴⁰ *Муса Казим* (седьмой имам) — сын Джафара ас-Садики, VI шиитского имама (745–799).

¹⁴¹ *Мансур* — второй аббасидский халиф в Ираке (754–775).

После смерти халифа Мансура его сменил сын Мухаммед¹⁴², прозванный Махди, который правил девять лет, а после него пришел его старший сын Харун ар-Рашид¹⁴³, правивший двадцать три года, — двенадцатый по счету мусульманский халиф. После его смерти в 792 году два его сына Мухаммед¹⁴⁴ [Амин] и Абдаллах [Мамун]¹⁴⁵ вместе вступили на трон, и борьба между ними не прекращалась до того времени, пока партия Мухаммеда не одержала верх. Тогда халиф Амин овладел верховной властью, основал среди руин Вавилона знаменитый город, которому он дал имя Багдад, и Багдад, не тронутый временем, процветал до тех пор, пока не был разрушен татарами (под началом Хулагу-хана)¹⁴⁶ в 1258 году.

Глава двенадцатая,

в которой продолжается и завершается рассказ о сарацинских халифах, правивших в Персии до времени появления османских турок

Багдадские халифы продолжали обретать славу и признание управлением Персии: Имбраел (он же халиф Амин) в 846 году сменил своего отца, правил пятнадцать лет, и до самой смерти он благоприятствовал делам в Персии. Сменивший его брат [Абдаллах] Мамун был убит в бою вместе со своими сыновьями после недолгого царствования. Люди говорят, что он погиб в борьбе против императора Феофила¹⁴⁷.

После него на трон пришел Му'тасим¹⁴⁸, неприязненно относившийся к персам, и они его ненавидели больше всех. Именно он подготовил гибель Персии, потому что при нем персы призвали турок для борьбы против тирании арабов. Туркам, похоже, понравились земли Персии, и даже до сего времени было невозможно их оттуда выгнать. Этот Му'тасим правил двадцать три года, после смерти его сменил Каим¹⁴⁹, процарствовавший сорок четыре года. Затем, в 980 году, Персия, Египет и

¹⁴² Мухаммед (Махди) — сын Мансура, третий аббасидский халиф в Ираке (775–785).

¹⁴³ Харун ар-Рашид — аббасидский халиф в Ираке (786–809). Орудж-бек дату смерти Харун ар-Рашида ошибочно указывает как 792 г.

¹⁴⁴ Мухаммед (Амин) — аббасидский халиф в Ираке (809–813). У Орудж-бека начало правления Амина ошибочно указано как 846 г.

¹⁴⁵ Абдаллах (Мамун) — аббасидский халиф в Ираке (813–817; 819–833), сын Харуна ар-Рашида.

¹⁴⁶ Хулагу-хан — внук Чингисхана, основатель государства Хулагидов, в состав которого входили Иран и территории современного Афганистана, Туркмении, Закавказья и Малой Азии (до р. Кызыл-Ирмак). Правил в 1217–1265 г.

¹⁴⁷ Феофил — византийский император (829–842).

¹⁴⁸ Му'тасим — аббасидский халиф в Ираке (833–842).

¹⁴⁹ Каим — сын багдадского халифа Кадира, пришел к власти в 1031 г. и правил до 1075 г.

Багдад были поделены между тремя халифами. В Персии стал править Мухаммед, сын Игноро. Писасири, халиф Багдада, так жестоко нападал на этого Игноро, что тот был вынужден позвать на помощь соседей — турок. Но потом пришло время, когда сам Писасири получил сторицей за свои подлые дела и нападения на персов и на турок. Он ограбил и убил множество турок, живших в Кавказских горах, и те послали за помощью к Транголипику¹⁵⁰ [так византийцы называли Тогрул-бека Сельджука]. Тогда Транголипик с огромной армией вторгся в страну ислама, и хотя халифы Багдада и Персии выступили против него и успешно защищали брод, прозванный Хаметским, — на реке Аракс в Армении — он захватил всю горную Армению и оттуда спустился в Персию и в соседние царства, убил бесчисленное множество людей и, в конце концов, убил обоих халифов (Багдада и Персии).

Так турки стали хозяевами в Персии, и Тогрул-бек, завоевав постепенно другие провинции, стал великим султаном. Потом ему на смену пришел его племянник¹⁵¹. С тех пор багдадские халифы навсегда потеряли власть над Персией, страну захватили турки. Со временем они отказались от своей языческой религии — ведь сначала они были идолопоклонниками — и приняли мусульманство. После этого мудрого шага правление турок продолжалось, и когда у власти оказался Белсефо, правивший как тиран, он провозгласил себя императором Персии. Своего племянника Алфагало он сделал наместником Малой Армении. Алфагало был честолюбив и хотел славы и, вознамерившись соперничать с победами Александра Великого, завоевал Киликию, Памфилию, Ликию, Ликаонию, Каппадокию, Большую Армению, Галатию, Пафлагонию, Понт и Вифинию, присвоил себе титул великого султана и претендовал называться Саламанса (то есть Сулейманом) или, как мы говорим, Салиманом. С 1000 до 1200 года положение в Персии оставалось неопределенным. Страной управляли военные или гражданские правители, присылаемые повелителями из Месопотамии — то турками, то татарами. Турки и татары весь этот период вели между собой борьбу, попеременно одерживая верх и неся смерть и разруху народам Востока. В конце концов, в 1244 году татары взяли верх и правили до 1280 года, когда снова вернулись турки. Потом семь провинций [Малой Азии], которыми владели турки, сократились в числе, и их семь эмиров стали всего-навсего четверьмя наместниками в эмиратах, где у власти стояли вожди четырех родов — Караман, Канделор, Осман¹⁵² и Хасан-бек. Из рода последнего произошел Узун Хасан¹⁵³, доблестный царь Персии, о нем будет сказано ниже. После упомянутого эмира Османа пришел его млад-

¹⁵⁰ *Транголипик* (Тогрул-бек Сельджук) — султан Сельджукской империи (1037–1063).

¹⁵¹ Имеется в виду Алп-Арслан (1063–1072).

¹⁵² *Осман-бек Гази* (1281–1324) — основатель Османского государства.

¹⁵³ *Узун Хасан* — правитель державы Ак-Коюнлу (1453–1478).

ший сын Орхан¹⁵⁴, и эти два эмира заложили основу Османского рода, как указывается Генебрардом в книге IV его трудов. Отец Османа, как говорят, был очень низкого происхождения: простой солдат по имени Эртогрул¹⁵⁵, и родился он (Осман) в деревне Сугут (Тебасион). Захватив обширные земли, Осман расположил свой двор в городе Бурса в Вифинии — в том самом городе, который построил король Пруссий, помогавший Ганнибалу. Но тот, кого интересуют детали истории Османского рода, должен почитать Куспиниана и Георгиевитса — эти авторы разбирают вопрос очень подробно. Для нашей цели достаточно будет сказать, что наследником Османа был Орхан, за которым последовали султан Мурад I¹⁵⁶ и султан Баязид I¹⁵⁷, который был соперником Тимура или Тамерлана¹⁵⁸. Эти османские султаны установили свое господство на большой территории Малой Азии и подчинили себе всех собственных правителей Персии и Мидии. Так продолжалось до тех пор, пока, как указывалось выше, Великий Тамерлан не завоевал большую часть Азии, не победил Баязида I (в битве при Ангоре)¹⁵⁹ и не посадил его в клетку, используя потом как подставку, чтобы взбираться на лошадь.

Нам кажется, что мы можем рассматривать Тамерлана как одного из царей Персии, и мы обращаем внимание читателей на тот факт, что на его похоронах присутствовали послы Испании, направленные Генрихом III, королем Кастилии, на переговоры с Тамерланом. Рюи Гонсалес де Клавихо был одним из послов, и он написал историю этого посольства. Затем во время смуты, возникшей в результате войн между претендентами на наследие Великого Тамерлана, которого турки называют Йылдырым¹⁶⁰, что значит Вихрь или Молния, — его внук, тиран Омар Мирза, получил верховную власть и обратился за помощью к нашим послам, которые на обратном пути остановились в городе Ван, лежащем к западу от Тебриза. Эти места были частью древнего Персидского царства и в это время управлялись тиранами Суйургатмышем и Байсун-

¹⁵⁴ Орхан — сын Османа, османский султан (1324–1359).

¹⁵⁵ Эртогрул-бек — глава Османского бейлика. Был вассалом сельджукского султана, нес службу по охране границы и за это получил бейлик в качестве икта. По имени Османа, сына Эртогрула, возглавившего племя после смерти отца в 1281 г., бейлик получил название Османского, хотя его фактическим основателем был Эртогрул. Сын Османа Орхан в 1326 г. захватил крупнейший город в северо-западной части Малой Азии — Бурсу, куда он перенес свою столицу.

¹⁵⁶ Мурад I — второй сын Орхана, османский султан (1359–1380). В 1362 г. захватил Фракию, в 1365 г. перенес столицу в Адрианополь. В 1386 г. победил Али-бека Кониийского и захватил всю Малую Азию.

¹⁵⁷ Баязид I Йылдырым (Молниеносный) — турецкий султан (1389–1402).

¹⁵⁸ Тимур (Тамерлан), Тимурленк (1336–1405) — среднеазиатский полководец и эмир (1370–1405).

¹⁵⁹ В битве при Анкаре (1402) Тимур разгромил османскую армию и взял Баязида I Йылдырыма в плен.

¹⁶⁰ Здесь Орудж-бек путает факты: турки Йылдырымом называли только Баязида I, а не Тимура.

куром, внуками Тамерлана, которые сумели с помощью хитрости получить его наследие. Но и эти, и другие правители скоро потеряли те страны, которые Тамерлан завоевал за свой короткий жизненный путь, и все эти земли вернулись потом под власть султана Мухаммеда I, самого младшего сына султана Баязида I. Этот сын взошел на трон своего отца [в 1402 году], убив всех старших братьев. После него [в 1421 году] пришел Мурад II. Потом земли захватил великий татарский царь Катай [Шахрух] и правил до тех пор, пока цари Персии из династии [Суфи] не восстановили в Персии могущественную и славную монархию.

Глава тринадцатая,

в которой продолжается рассказ о делах османов и персов

Султан Мухаммед II¹⁶¹, который взошел на престол в 1451 году, сын Мурада II¹⁶², получил имя Великий (он завоевал Константинополь). Как повествует Иоанн Куспиниан, он многого добился и в Европе, и в Азии, хотя и имел соперника в лице Персии, где царем был Узун Хасан, который уже упоминался как потомок Хасан-бека, одного из первых турецких эмиров в Малой Азии. Он всегда храбро выступал против султана Мухаммеда II и был его главным врагом среди могучих соседей, с которыми тому приходилось бороться. По крови этот Узун Хасан был такой же турок, как и султан, но он очень гордился, что он настоящий перс, а не азиатский турок, каким был османский султан.

Именно такой вывод мы можем сделать из событий, происшедших, когда Венеция восстала против султана Мухаммеда II и сделала бравого солдата Пьетро Мочениго¹⁶³ командующим морскими силами. Именно тогда Узун Хасан, царь Персии, послал свое первое посольство к венецианцам, пока Пьетро Мочениго был еще на острове Родос. Когда к нему пришли послы от Узун Хасана, венецианцам стало ясно, что между персами и турками всегда существовала неприязнь. Персидский посол пообещал, что Узун Хасан нападет на султана со стороны Армении в то же самое время, когда нападут и венецианцы. А они уже собирались окружить город Адалиях в Памфилии. Таким образом, враг двух союзников мог быть полностью побежден. Брат Хуан де Пинедра в работе «*Monarchia Ecclesiastica*» ошибочно называет Узун Хасана персидским суфи, и я не представляю, как такой маститый автор мог настолько забыть — ведь в действительности титул суфи не был известен в Персии до начала

¹⁶¹ Мухаммед II (Мехмед II, 1432–1481) — султан Османской империи (1451–1481). 29 мая 1453 г. завоевал Константинополь (Стамбул); турецкие летописцы прозвали его Фатихом (Завоевателем); перенес в Стамбул свою столицу.

¹⁶² Мурад II — османский султан (1421–1451).

¹⁶³ Пьетро Мочениго — венецианский адмирал.

XVI века, как мы более полно покажем на первых страницах нашей второй книги. Ответ, который венецианцы дали посольству Узун Хасана, не удовлетворил его, но потом, узнав, что Пьетро Мочениго отправился в Napoli di Romania, он направил второго посла, который должен был изложить дело более понятно, и в то же время потребовал мощного наступления на турок. Этот посол вскоре прибыл в Венецию, и там начали понимать, что их ссора с султаном Мухаммедом II делает для них очень важным союз и дружеские отношения с Персией. Поэтому был заключен договор, и венецианцы отправили три небольших корабля-парусника, но усиленных еще и гребцами, к командиру флота Пьетро Мочениго в Грецию. Там на эти корабли погрузили 100 опытных артиллеристов и немедленно послали в Персию, поскольку персидская армия сильно страдала от недостатка пушек, в то время как турецкие армии в Азии имели это оружие, которое причиняло врагу большие потери. По этому случаю венецианцы отправили посла Иосафата Барбаро, хорошо знавшего персидский язык. Он взял с собой богатые подарки для персидского царя. Барбаро отплыл из Венеции, и хотя его визит в Персию принес мало результатов, он тем не менее изложил сеньории все, что там видел. Он говорил о мощи Персии, и это оказалось очень важным позднее, когда его сведения попали на Запад. О Персии он написал книгу, где все правдиво изложил. Причина, почему его миссия не принесла результатов, заключалась в том, что персидские цари, не имея флота, не могли продемонстрировать свою мощь турецкому султану, и поэтому они ничем не могли помочь Пьетро Мочениго, который успешно боролся против турок [на венецианских галерах] в береговых районах Киликии и Сирии. В это самое время Мочениго занимался тем, что восстанавливал на престоле Киликии двух караманских братьев, которых султан изгнал. Это были Пир Ахмед, спасшийся при дворе Узун Хасана, и Хасан-бек, его младший брат.

Султан Мухаммед, разгневанный сопротивлением, которое оказывали ему персы в Малой Азии, готовился напасть на Западную Персию с 320-тысячной армией пеших солдат и всадников. Но армия, собранная персидским царем, была еще больше, и Бернард из Брейденбаха утверждает, что численность одной кавалерии персов превышала 350 тысяч человек. Вскоре последовала одна из самых знаменитых битв, которая когда-либо происходила в Азии между соперничавшими мусульманскими группировками. Когда две могучие армии завязали сражение, оно длилось два полных дня, прежде чем стало ясно, кто победитель. И хотя в утверждении, что победа была на стороне турок, есть доля истины, тем не менее победа стоила султану так дорого, что он больше никогда не осмеливался нападать на Персию и в будущих войнах все свое внимание обратил к Европе. Так, например, он вмешался в дела Италии, где во время страшного опустошения, которое турки учинили в Отранто [в июле 1480 года], большой опасности подвергся сам Папа Римский

[Сикст IV]. Затем божьей милостью султан Мухаммед II внезапно умер [в мае 1481 года], и христианский мир избавился от своего высокомерного врага. Узун Хасан, со своей стороны, был сильно опечален поражением в битве у Терджана и смертью старшего сына-наследника, убитого в бою. Поэтому он вернулся в Персию и вскоре умер от горя¹⁶⁴.

С ним подошел к концу род турецкого эмира Хасан-бека, и турецкие цари больше в Персии не правили¹⁶⁵. Хотя в последующие несколько десятков лет страной правили два наследника Узун Хасана (султан Якуб и его племянник по материнской линии Рустам), их скорее можно признать арабами, а не турками. Эти наследники Узун Хасана взяли власть и некоторое время правили страной, но спустя несколько лет царем стал Исмаил, первый монарх суфи, чьими необычными приключениями мы начнем вторую книгу. Итак, мы покончили со всеми этими иностранными царями, халифами, арабами, туркманами или османами, которые в далекие-далекие годы правили землями Персии.

¹⁶⁴ Цифры явно преувеличены: событие произошло в 1473 г. в местечке Терджан, в верховьях реки Евфрата. Войско Узун Хасана было разбито османскими турками. Армия Мехмеда II, выступившая против Узун Хасана, насчитывала 190 тысяч человек, из них в боевых частях было лишь около 100 тысяч.

¹⁶⁵ Данные Орудж-бека ошибочны: после смерти Узун Хасана страной правил его сын Якуб, который скончался в 1490 г.

КНИГА ВТОРАЯ

*Дон Жуан Персидский рассказывает о происхождении
персидских царей суфи и об их войнах с турками;
в некоторых из них принимали участие
Дон Жуан Персидский и его отец
Султанали-бек Баят*

Глава первая,

*в которой описывается история первых персидских царей суфи, а также
разные другие события*

И вот наступил 1500 год, знаменательный и достойный запоминания христианским миром — столько радостных для него событий произошло именно в тот год. Не последнее место среди них занимают войны, разразившиеся среди азиатских государств неверных. Это все происходило после смерти султана Мухаммеда II, престол которого наследовал в 1481 году его сын Баязид II¹. Султан Баязид II, придерживаясь великодержавной и тиранической политики своего отца, продолжал войну против Ибрагима, принца Карамана, а с другой стороны, ни на минуту не прекращал войны против мамлюкского султана Большого Каира Бурджи². Мы могли бы порассказать о восстаниях и заговорах, разжигаемых старшим братом Баязида II, принцем Джемом (Джамшидом), а также о восстании в Константинополе его младшего сына Коркута, но все эти события выходят за рамки этой книги, о них лучше поведают те, кто этим занимался более обстоятельно. Нам же здесь надо лишь сказать,

¹ *Баязид II (Вели)* (ок. 1447–1512) — сын султана Мехмеда II, султан Османской империи с 1481 г.

² Имеются в виду мамлюкские бурджийские султаны Египта. В 1481–1512 гг. в Египте правили следующие мамлюкские бурджийские султаны: Кайытбай ал-Ашраф Сейф ад-Дин (1468–1497), Мухаммед бен Кайытбай ал-Насир (1497–1498), Кансух ал-Закир (1497), Кансух ал-Ашрафи (1498–1500), Джанбулат (1500–1501), Туманбай ал-Адил (1501–1516).

что султан Баязид II, почувствовав себя единственным и бесспорным обладателем верховной власти, отошел от бранных дел и стал вести по-рочную праздную жизнь, хотя это, казалось, противоречило его властному характеру, проявленному в прежние годы.

1500 год стоит запомнить еще и потому, что именно тогда родился великий самодержец Карл V³, могучий столп христианства, слава Австрийского дома и гордость Испании, который непреступной стеной стоял на защите истинной веры и до конца дней своих наводил ужас на своих врагов. Он прожил достаточно, чтобы прославить свой век, который переходит в наше время, но более подробное изложение событий выходит за пределы нашего повествования, и поэтому мы снова вернемся к предметам, о которых обещали рассказать.

Поэтому — несмотря на различные взгляды у таких специалистов, как Амандус из Цирикси и Бернард из Брейденбаха, с одной стороны, и Паоло Джовио, с другой, — я утверждаю, что примерно за двадцать четыре года до начала XVI столетия, и в этом мы следуем традиционной версии у нас, персов, а именно, если говорить точно, в 1472 году родился Исмаил⁴, сын шейха Хейдара из Ардебилля, которого впоследствии все знали как суфи. Его отец был правителем города Ардебиль. Шейх Хейдар был искусным астрологом, и мусульмане Персии почитали его за святого, и когда у него родился сын, он предсказал с помощью своего искусства, что из мальчика вырастет великий правитель, ревностный защитник истинной веры, веры Али, зятя пророка Мухаммеда, и еще что из мальчика выйдет один из самых прославленных властелинов Азии. Это пророчество, как мы увидим далее, полностью сбылось, и, чтобы показать это более подробно, уместным будет разъяснить два важных вопроса, а именно: что такое «Закон Али» и кто такой Исмаил и от кого он происходит?

Для объяснения первого вопроса мы должны вернуться на много веков назад и рассказать о временах пророка Мухаммеда⁵, когда дела обстояли вот как. В то время, когда пророк завоевал величайшую известность у арабов и основал свою ложную религию, догмы которой более соответствуют животным наклонностям человека, нежели согласию с божественной истиной или разумом, он, в возрасте уже семидесяти трех лет, чувствуя приближение смерти, решил составить завещание и оставить заветы. Он передал преемнику управление государством, объявив высшим авторитетом в вопросах религии Али, своего зятя, мужа Фатимы, дочери

³ *Карл V* (1500–1558) — император Священной Римской империи (1519–1556), испанский король, принц Нидерландов, король Сицилии. Династические браки Габсбургов подготовили объединение под властью Карла V (сына Филиппа Красивого и Хуаны Безумной) обширных владений в Старом и Новом Свете (испанские владения в Америке были многократно расширены при нем благодаря захватам в Мексике и в Перу).

⁴ Дата, указанная здесь, неверна; Исмаил родился 17 июля 1487 г.

⁵ Возраст пророка точно неизвестен. Дата его смерти 632 г., а дата рождения предположительно между 570 и 580 гг.

от первой жены, и, провозгласив его великим халифом, добавил к своим ошибкам еще одну, потому что он назначил Али одновременно, как бы сказать, и императором, и папой, то есть как бы и королем, и архиепископом. Второй женой Мухаммеда была Айше, дочь Абубекра, важного в государстве человека, и Абубакр был разгневан, что его зять — пророк Мухаммед — не назначил его своим преемником, а предпочел ему юнца Али, человека, как он говорил, маловажного и неопытного. Так как Абубакр был очень богатым и сведущим в военных делах, способным добиться того, что считал нужным, он, пользуясь поддержкой Омара и Османа, возглавил арабов и лишил Али власти. Так Абубакр после смерти пророка без сражений стал великим халифом, но вскоре после этого он умер, ему наследовал халиф Омар, а потом Осман. Эти двое дорого заплатили за захват престола, потому что Омар, как было сказано выше, был убит рабом-персом, а Осман был предательски лишен жизни солдатом. Об этом убийстве лживо утверждают, что оно подстроено Али. Затем, в отместку за Османа, его родственник Муавия убил Али⁶, как утверждает традиционная версия. Однако более правдивым было бы утверждать, что Али, став халифом после смерти трех халифов — его предшественников и врагов (Абубакра, Омара и Османа), усыновил подброшенного ребенка, которого он однажды нашел у дверей одной мечети и которого назвал Абдаррахман ибн Марджан. Став взрослым, этот негодяй в той самой мечети, около которой его нашел Али, заколол своего благодетеля кинжалом, отравленным ядом змеи, который в Персии зовут *захр-мар* (змеиный яд). Это произошло в городе Куфа, который расположен на Евфрате, несколько к западу от Багдада. С тех пор это место мусульмане называют *Мешхед Али*⁷, что значит «Место мученической кончины Али», потому что Али погребен там, и эта мечеть — одна из самых знаменитых во всей Азии, и к ней персы толпами ходят с дарами на поклонение. Мечеть очень богата, и перед гробницей Али непрерывно горят свыше двух тысяч светильников из золота и серебра. Мечеть обслуживают четыреста *сеидов* (потомков пророка). Турки называют их *факих*. Они — служители святыни.

Но вернемся к нашему рассказу. Жители Куфы провозгласили халифом Хусейна, сына Али, но вскоре по приказу халифа Йазиды, сына Муавии, он был убит вместе со всей своей семьей. И вот вопрос, были ли Омар и Осман действительно законными халифами или права наследия принадлежали только Али, оказался камнем преткновения, вызвавшим многие войны. Персы говорят, что в согласии с волей и завещанием Мухаммеда, Али был истинным халифом, и установленный им «Закон» был истинным законом, а турки, которые следуют в этом вопросе за арабами, утверждают, что праведным халифом был Абубакр и его учение — единственно верное.

⁶ Али был смертельно ранен ударом сабли в голову хариджитом Ибн Мульджамом при выходе из мечети в Куфе и через два дня умер.

⁷ Знаменитая мечеть в Куфе, где погребен Али, место поклонения паломников-персов.

А теперь надо поведать о шейхе Хейдаре (отце шаха Исмаила, первого сефевидского шаха Персии, или великого суфи). Этот Хейдар был из рода Али, о ком мы уже говорили, потомком Мусы Казима (седьмого имама), бывшего праправнуком Хусейна, сына Али и Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Шейх Хейдар был в дружественных отношениях с Узун Хасаном, царем Персидской Армении, о котором мы уже много писали. Дружба их зашла так далеко, что Узун Хасан отдал Хейдару в жены свою дочь (Марту). Таким образом, Хейдар стал его зятем, и в результате этого бракосочетания Исмаил, сын Хейдара, мог утверждать свое родство по линии матери с бывшими царями Персии, а по линии отца он принадлежал к роду Али (через имамов). Кроме того, жена шейха Хейдара, Марта, была христианкой, будучи дочерью королевы-христианки Деспины, жены Узун Хасана, которая сама была дочерью Кало Иоанна [последнего христианского] императора Трапезунда. Из этого следует, что не пустым хвастовством является утверждение сефевидского шаха Персии, что он друг могущественных христиан в Европе, поскольку половина его крови по прямой линии идет от наиболее благородного христианского дома — от греческих императоров Константинополя⁸.

Итак, объяснив происхождение шаха Исмаила, я продолжу рассказ и поведаю вам, что, когда Узун Хасан, царь Персии, умер, его сын, султан Якуб, вступил на его трон. Но он, как говорят, устыдился иметь простого человека мужем сестры, и отнюдь не считал Хейдара человеком, равным такому могучему царю, как он сам. Вследствие этого он, посоветовавшись, убил Хейдара и хотел убить также его сына Исмаила, своего

⁸ Сефевиды ведут свое происхождение от шейха Сефи ад-Дина (сокращенно Сефи) Исхака Ардебилли (1252–1334), основателя суфийского ордена в Ардебиле, который получил название по его имени «Сефевийе». Шейх Сефи и его предки были земледельцами, жившими в Ардебиле и его окрестностях. Но к концу своей жизни он был уже собственником около 20 селений, подаренных ему разными правителями. Почти все жители Ардебильского округа были его *мюридами*. География его мюридов была весьма обширна и включала не только Арdebиль, Карадаг, Талыш и другие области Азербайджана, но и Рум (Турция) и Иран. Социальный состав его мюридов также был широк — от крестьян, ремесленников и сельских старост до феодалов и крупных правителей включительно. Шейх Сефи не был выразителем чаяний народных масс, наоборот, он явно сблизился с феодалами. Позднее шейху Сефи стали приписывать шиизм, но на самом деле он был суннитом, а шиизм был принят его преемниками во второй половине XV в.

Преемниками шейха Сефи ад-Дина в качестве глав ордена «Сефевийе» были его потомки — шейхи Садр ад-Дин Муса (1334–1392) и Ходжа Али (1392–1427). Их влияние было огромно, но они не имели светской власти и не стали правителями Ардебилля. Им, по-видимому, стал правнук Сефи ад-Дина шейх Ибрагим Шейхшах (1427–1447). Его сын шейх Джунейд (1447–1460) сблизился с правителем Диярбакыра Узун Хасаном, женившись на его сестре Хадидже. От этого брака родился шейх Хейдар, отец шаха Исмаила. Шейх Хейдар (1460–1488) родился в Диярбакыре, где воспитывался под покровительством своего дяди Узун Хасана. Узун Хасан женил его на своей дочери Алемшах-бегим (христианское имя Марта). Таким образом, шах Исмаил был внуком (по матери) Узун Хасана, знаменитого государя Ак-Коюнлу. Шейх Джунейд погиб в битве с ширваншахом Халилуллоу 4 марта 1460 г.

племянника, которому тогда было еще 10 лет. Исмаилу, однако, удалось бежать к границам Татарии, найдя безопасное убежище в городе Зезиане (Лахиджане), недалеко от Каспийского моря, где его из милости взял правитель той страны Пир Али, который дал ему образование и потом сделал его придворным. Здесь через некоторое время Исмаил, лицемерно изображая набожность, приобрел репутацию святого, и люди стали почитать его и внимать его словам.

Джованни Ботеро, однако, в своей книге «Relation Universali» излагает эти события несколько иначе. Он называет персидского царя Узун Хасана титулом Хасан-бек и объясняет, что тот убил своего зятя не потому, что он (как говорили мы) стыдился низкого происхождения своего родственника. И здесь точка зрения Ботеро кажется нам справедливой, так как Хейдар по линии отца происходил из благороднейшей в Аравии семьи, а по линии матери (сестры Узун Хасана) — был связан по крови с царями Армении и христианскими императорами Трапезунда. Более того, Хейдар уже владел известным городом Ардебилем. Всего этого вполне достаточно, чтобы позволить Узун Хасану отдать ему в жены третью или даже четвертую свою дочь. Основная же причина была в том, что Хейдар был слишком знаменит как астролог, многие его предсказания уже сбылись, и вся Персия верила его пророчествам. Поэтому меч, которым ему отрубили голову, вело не чувство стыда, а скорее чувство зависти к грядущему величию его потомков⁹.

После гибели Джаханшаха и падения государства Кара-Коюнлу в 1470 г. Узун Хасан посетил Ардебиль и торжественно утвердил шейха Хейдара на наследственном посту главы сефевидского ордена.

При шейхе Хейдаре отряды *суфиев*, *газиев* получили четкую военную организацию и название *кызылбашей*. Стремясь расширить свои владения и создать обширное государство в Азербайджане, шейх Хейдар неоднократно воевал с ширваншахом Фаррухом Ясаром. В 1488 г. (9 июля) в битве с последним он и погиб, а его войско было разгромлено. В победе ширваншаха основную роль сыграли пришедшие к нему на помощь войска султана Якуба Ак-Коюнлу (сына Узун Хасана). После этого отношения между преемниками Узун Хасана и Сефевидами приняли враждебный характер.

⁹ Здесь действительность сильно искажена и перемешана с вымыслом. Так, султан Якуб не убивал шейха Хейдара, а послал войско на помощь ширваншаху Фарруху Ясару, в сражении с которым в 1488 г. Хейдар погиб. Султан Якуб захватил в Ардебиле малолетних сыновей Хейдара — Султана Али, Исмаила и Ибрагима — и вместе с их матерью заключил в крепость Истахр (близ Шираза, в Фарсе). Здесь они оставались более 4 лет и были освобождены после смерти султана Якуба (1490 г.) его племянником Рустамом (1492–1497). Но после того как Рустам с помощью кызылбашского отряда победил своего соперника, он решил расправиться с сыновьями шейха Хейдара, в которых стал видеть угрозу своей власти. В битве с ним погиб Султан Али. Приверженцы Исмаила, которому тогда было 7 лет, вывели его вместе с братьями из Ардебилля и тайно увезли в Лахиджан, где они были спрятаны при дворе лахиджанского правителя Мирзы Али из гилянкой династии Каркия (Оруджбек называет его Пир Али). Здесь они укрывались около 6 лет, до 1499 г., когда Исмаил оставил Гилян и выступил во главе кызылбашей на борьбу со своими противниками и, в первую очередь, с ширваншахом. Здесь автор путает султана Якуба с ширваншахом Фаррухом Ясаром, который действительно погиб в битве с войском Исмаила в 1500 г., и тем самым последний отомстил ширваншаху за гибель своего отца шейха Хейдара.

Ботеро повествует, что как только после смерти отца Узун Хасана султан Якуб стал правителем, он послал приказ одному из своих служителей по имени Мансур доставить в Зальгу, сильную крепость в горах, обоих сыновей Хейдара — Исмаила и Сулеймана. Этот приказ был равносителен хладнокровному убийству. Но Мансур не подчинился приказу и, открыв все Исмаилу, воспитал его в своем доме как члена семьи. Я не знаю, какой из этих версий больше верить, так как, хотя первая сейчас распространена по всей Персии, мне более вероятной кажется вторая версия Ботеро.

Как бы то ни было, уже в 19 лет Исмаил начал проповедовать доктрину шиитов, противоположную доктринам других 78 сект, на которые делятся мусульмане и, будучи большим лицемером, он смело осудил все остальные верования. Сначала у него было 12 или 14 учеников, но вскоре — 300 хорошо вооруженных сторонников. Во главе их он вступил на территорию Персии, где к нему присоединились бродяги и бандиты, и с их помощью он штурмом овладел городом Шемаха.

Все районы Ширвана попали под его власть, и он стал шахом этой страны. Потом, когда султан Якуб выступил против него, Исмаил сумел с помощью яда лишить Якуба жизни и, послав за его телом, сжег его при народе, тем самым отомстив за смерть своего отца шейха Хейдара. Когда об этом узнали, видные знатные люди Персии стали переходить к Исмаилу, и повелители соседних стран стали относиться к нему более благосклонно. Тогда Исмаил, почувствовав, что его сила становится достаточной, решил захватить город Тебриз, который тогда будущий правитель Персии рассматривал как столицу своей империи. В городе жило так много жителей, что, говорят, будто в нем было 200 тысяч домов, и он был столицей Азербайджана и всех восточных владений. Исмаил окружил и захватил Тебриз, но, когда он входил в ворота города, двоим его двоюродным братьям, Альвенду и Мураду (сыновьям убитого султана Якуба), удалось бежать.

Оказавшись таким образом в Тебризе, Исмаил провозгласил себя великим суфи Персии, и полностью его титул звучал так: *Исмаил шейх Ардебилли Кызылбаш исна-ашари*. Означали эти слова вот что: «Великий Исмаил, восстановитель хлопковой или шерстяной шапки двенадцатицветного тюрбана»¹⁰. Дело в том, что секта, к которой принадлежали персы, была сектой Али, и именно Али ввел такой головной убор — шляпу или высокую шапку из хлопка или шерсти красного цвета. Именно это и означает слово *кызылбаш*, т. е. красная голова, и именно поэтому

¹⁰ *Исна-ашари* (араб.) — «двунадесятники», сторонники, последователи секты двенадцати имамов. Головной убор — кызылбашский тадж с 12 красными полосками в честь имамов был введен шейхом Хейдаром, и с тех пор кызылбашами (в узком смысле) стали называть тюркоязычные племена, усилиями которых было основано государство Сефевидов, а в широком смысле — все население Сефевидского государства, а само государство стало называться «Кызылбашским государством» или «Страной кызылбашей» («Довлети кызылбаш», «Мемлекети кызылбаш»).

турки называют персов *кызылбашами*. Сверху этого красного убора персы устанавливают 12 узлов или пятен разных цветов, что передается словом *исна-ашари*, которое на арабском означает «двенадцать». Возрождение древнего обычая ношения такого головного убора, который Исмаил ввел среди своих последователей, сделало их готовыми пролить свою кровь за него. Так Исмаил стал владыкой одного из величайших государств, одного из могущественнейших царств во всей Азии — он стал великим суфи Персии. В этом титуле слово *суфи* не означает мудрый, как некоторые ошибочно утверждают, полагая, что оно происходит от греческого *софос* — мудрость, а *соф* (или *суф*) — слово персидское, означает шерсть или хлопок. Так Исмаил-суфи, происшедший от Али, зятя пророка Мухаммеда, провозгласил себя ревностным проповедником этой секты, ненавидящим доктрину халифов Омара и Османа, и, став могущественным монархом, не стал жить мирно: именно он развязал войны между персами и турками, которые продолжаются по сей день. Вот таким образом начал править в Персии первый шах суфи.

Глава вторая,

*повествующая о многих войнах, которые пришлось вести шаху
Исмаилу-суфи*

Едва только великий суфи Исмаил сжал в руке скипетр правления Персидской империей, как вынужден был отложить в сторону этот скипетр мира и, взяв вместо него щит и меч, отважно сражаться со многими врагами. Больше всего его беспокоили двоюродные братья Альвенд и Мурад-хан, которые, удерживая много крепостей в горах Ниссат, лежащих между Арменией и Верхней Месопотамией, и, полагаясь на недоступность этих мест и большое число своих сторонников, постоянно совершали набеги, наносявшие большой урон соседним персидским землям. Эти два принца в то время очень надеялись вернуть себе власть, которая у них была в этих местностях, и, по возможности, распространить ее и дальше. Узнав об этом, шах Исмаил сразу же собрал большое войско и, выступив против них, одержал полную победу, обратив их в бегство и убив принца Альвенда. Мурад-хан с остатком войск отступил в Ирак, куда Исмаил немедленно последовал за ним. Снова Мурад был разбит и снова он спасся. Исмаил теперь стал владыкой и Ирака, бесспорным хозяином всей Месопотамии и большей части Азербайджана.

Вести об этих событиях достигли ушей беззаботного и миролюбивого султана Баязида II, у которого удачное возвышение Исмаила-суфи вызвало зависть, а также опасения как соперника. Многие правители, подчиненные турецкому султану, отказывались платить тому дань, а те, кого он лишил власти, открыто восставали. Еще Баязид опасался сильной

власти, оказавшейся в руках Текели. Этот человек¹¹ (сын Хасан-халифа), один из первых учеников шейха Хейдара, отца Исмаила, был смелым солдатом и большим лицемером в своей религии, и ему дали должность главнокомандующего персидской армией, сражавшейся за дело суфи. Во главе огромной массы разных племен он пересек турецкую границу, опустошил всю Киликию, где разгромил армию под командованием двух принцев, внуков султана Баязида, посланных против него. Из-за отсутствия артиллерии Текели не смог взять Конью, но, столк-

¹¹ Шахкулу Текели. В 1511 г. в юго-восточной Анатолии, в районе Анталии, началось крупное восстание народных масс. Во главе восстания стоял кызылбаш из племени текели, по имени Карабыйык-оглу, но более известный под прозвищем Шахкулу. Он был сыном Хасана-халифа, *мюрита* шейха Хейдара, и сам себя называл Шахкули, т. е. «Раб шаха» (шаха Исмаила). Турки и враги кызылбашей переделали это прозвище в Шейтан-кули, т. е. «Раб сатаны». На подавление этого восстания потребовались значительные силы Османской империи.

Шахкулу и его отец в течение ряда лет вели аскетический образ жизни, жили в пещерах, проводя время в молитвах. Своим благочестием они завоевали широкую популярность среди населения Анатолии. Число сторонников Шахкулу росло, и он лишь ждал удобного момента для выступления. Такой момент наступил, когда вспыхнула борьба между сыновьями султана Баязида за престол отца.

Вначале у Шахкулу было 10 тысяч сторонников (кызылбашей и шиитов) и с ними он двинулся в г. Кютахья, столицу бейлербейства Анатолии.

Бейлербей Карагёз Ахмед-паша направил против повстанцев свое войско, но оно было разгромлено Шахкулу. После этого к нему присоединились крестьяне, а также некоторые недовольные землевладельцы-тимариоты. Число восставших достигло уже 20 тысяч человек. Недалеко от Кютахьи Шахкулу встретил со своим войском сам Карагёз — Ахмед-паша (у Орудж-бека — Каракуш). В жестокой битве восставшие одержали вторую крупную победу. Сам бейлербей попал в плен и по приказу Шахкулу был казнен у стен крепости Кютахья на глазах ее защитников. Тем самым Шахкулу, видимо, пытался склонить их к капитуляции, но своей цели не добился. Восставшие опустошили окрестности города и двинулись на Бурсу. Восстание охватило обширную территорию от Анатолии до побережья Мраморного моря. Султан приказал своему великому везиру Хадим Али-паше выступить во главе войска для подавления восстания. К нему присоединился наместник Амасьи принц Ахмед. Перед такими силами Шахкулу вынужден был отступить и двинулся на восток.

Великий везир настиг Шахкулу и его отряды у реки Гек-чай, между Кайсери и Сивасом. К этому времени число восставших сильно сократилось. Примкнувшие к восстанию тимариоты бросили Шахкулу, рассеялась и часть его сторонников. В кровопролитном сражении летом 1511 г. Шахкулу был разбит и убит в бою. Но и великий везир также нашел свою смерть в этом бою. Видимо, янычары понесли серьезные потери, так как отказались от преследования разбитых повстанческих отрядов. Последние достигли сефевидской границы в районе Эрзинджана. Шах Исмаил не оказал поддержки восстанию малоазиатских шиитов-кызылбашей. Напротив, когда беглецы спаслись в кызылбашских владениях, по приказу шаха Исмаила «вожди» были казнены, а остальные розданы кызылбашским эмирам в качестве слуг. Такое негативное отношение шаха к повстанцам объясняется тем, что среди них было много крайних шиитов (*зали*, мн. ч. *гулат*), которые выдвигали социальные требования. К подобным идеологам народных масс Сефевиды и у себя на родине относились враждебно и круто с ними расправлялись.

Орудж-бек ошибочно называет Шахкулу Текели «главнокомандующим персидской армией».

нувшись с сыном Баязида, принцем Коркутом, хотел захватить его в плен или даже убить, однако снова удовлетворился тем, что обратил Коркута в бегство. Текели-Кызылбаш, как звали его турки, потом пошел в Вифинию, и на берегах реки Сангариуса встретил Каракуша, *бейлербея* Анатолии, который там стоял, поддерживая связь с принцем Ахмедом, старшим сыном Баязида. У принца Ахмеда было под командой еще одно большое войско, и все надеялись, что эти две турецкие армии смогут окружить Текели и уничтожить его. Однако он, узнав об этом, избежал тисков этих армий, хотя и не без потерь, потому что 7 тысяч человек из его арьергарда были захвачены и казнены. Текели, однако, вскоре отомстил за свое поражение, взяв штурмом город Кютахья, главный город Галатии, куда Каракуш удалился отдохнуть. Текели захватил его в плен, разграбил город и ушел, не встретив помех со стороны вражеских армий.

Затем Текели намеревался захватить Бруссу (Бурса), главный город Вифинии, но, узнав, что [великий везир Хадим] Али-паша из европейской Турции, Коркут — правитель *санджака* Кастамония и принц Ахмед идут за ним следом с большой армией, хорошо снаряженной и дисциплинированной, какой султан Баязид никогда еще прежде не имел в своем распоряжении, Текели благоразумно повернул в сторону и вырвался на простор равнины. Умело меняя направление своего движения, он быстро увел войска, избегая всякого столкновения с противником. Это ему удалось частично, поскольку Али-паша, преследовавший его по пятам, в конце концов догнал его и уничтожил часть солдат. Текели, сильно разгневанный тем, что его поймали, и не видя возможности вырваться хитростью, излил свой гнев на бедного бейлербея Анатолии Каракуша, своего пленника, которого он публично посадил на кол на виду турецкой армии. Али-паша, однако, продолжал его преследовать, и, оставив принца Ахмеда с пехотой позади, он двинулся вперед с кавалерией. Во главе отряда в 8 тысяч человек Али-паша, в конце концов, догнал Текели у горы Олига около Ангоры, которую раньше называли Анкура. Текели, однако, удалось отбить атаку турок, используя аркебузы, которыми была вооружена вся персидская кавалерия, а Али-паша, подвергавший себя опасности, идя впереди своих войск, был смертельно ранен. Персы, конечно же, сильно воодушевились после такой победы, однако приход принца Ахмеда с остальными турецкими войсками снова вынудил их отойти. Перейдя через гору Олига, персидская армия пересекла реку Галис и отступила в Тассию, где их настиг Юнус-паша, командующий армией европейской Турции, и вынудил Текели спасаться в Малой Армении, где он встретил шаха Исмаила во главе основной армии.

Здесь Текели некоторое время отдыхал, довольствуясь той славой, какую завоевал. Он действительно опустошил все азиатские провинции Османской империи, так что во всей Анатолии едва ли остался хоть один город, который он не захватил или с которого, по крайней мере, не взял откупа, когда его воины подходили к воротам, ударяя в литавры. Гово-

рят, что однажды Текели пересек пролив и так близко подошел к Константинополю, что, подъехав к его первой стене, разломал замки на воротах. После этого шах Исмаил выступил из Малой Армении, чтобы встретить принца Алема, второго сына Баязида, который приближался к границам Персии, но, хотя две армии неоднократно оказывались лицом к лицу, решающей битвы не произошло.

Как раз в это время Селим¹², сын Баязида, захватил в Константинополе трон с помощью самых низменных средств и подлых убийств. Он отравил своего отца Баязида. Таков был бесчеловечный обычай в роду Османов, когда преемник трона должен был убить всех своих братьев и даже собственного отца, чтобы не осталось никого из царской крови, кто мог бы жить и пытаться оспаривать трон. Однако одному брату Селима удалось избежать ареста и казни. Это был принц Амурат или Мурад, который стал искать убежища у суфи, большого врага его семьи и народа; монархи правящего дома Персии всегда хвалились своим милосердием по отношению ко всем принцам, искавшим их расположения и дружбы. Поэтому Исмаил-суфи не только оказал принцу Мураду радушный прием, но относился к нему как к другу, даже как к родственнику, отдав ему в жены одну из своих дочерей. Затем, дав в его распоряжение 30 тысяч всадников, он отправил его захватить провинцию Караман, которую принц Мурад считал своим законным владением, завещанным ему его отцом Баязидом. Когда султан Селим услышал об этом, он страшно разгневался и каждый день все больше раздражался поступками тех, к кому суфи благоволил. Он издал закон, запрещающий его подданным торговать с подданными шаха Исмаила, угрожая ослушавшимся самыми суровыми наказаниями, и предал анафеме религию шиитов и последователей Али, объявив их еретиками. Потом он стал собирать войска и из Европы, и из Малой Азии, и их численность достигла 200 тысяч человек. Командующим был назначен Хайрадин-паша.

Затем султан Селим объявил, что намеревается лично принять участие в кампании. Хотя многие паши пытались отговорить его, так как был разгар зимы, но его нетерпение и гнев были столь велики, что ничто не могло его удержать. Поэтому он сам во главе армии отправился в Большую Армению и попытался перейти через Таврские горы, но, к его досаде, снег сильно задержал продвижение. Тут он обнаружил, что персы заранее уничтожили весь урожай в деревнях, так что турецкая армия не могла ничего себе добыть. Затем Селим приблизился к землям Алад-Довле¹³ в той части Каппадокии, которая лежит в Армении, потребо-

¹² *Селим I Явуз (Грозный)* — турецкий султан (1512–1520).

¹³ *Алад-Довле* — владетель Альбистана и Марата в юго-восточной части Малой Азии, вождь тюркоязычного племени *зулькадар* (другая ветвь этого племени примкнула к движению кызылбашей в 1500 г.). Дон Жуан ошибочно называет его «армянским правителем».

Для удобства испанских читателей Дон Жуан на протяжении всей книги использует старые греческие названия провинций и городов Малой Азии. Хотя, конечно, в XV в.

вав от него, чтобы он разрешил туркам беспрепятственно пройти через его земли, через которые для султана Селима лежал самый прямой и безопасный путь. Однако Ала ад-Довле боялся, что завтра Селим уйдет в Константинополь, а он, Ала ад-Довле, окажется тогда в тяжелом положении, беззащитным перед шахом Исмаилом и его друзьями — соседними правителями Армении, которые посчитают его предателем. Поэтому он решил ответить отказом на просьбу султана Селима, но привести много извиняющих причин. Селима сильно обескуражил этот отказ, и он с удивлением обнаружил, что его гораздо меньше уважают и боятся в этих краях, чем он предполагал. Свой гнев, однако, он тогда сдержал, хотя и поклялся позднее отомстить этому армянскому правителю. Тогда, повернув налево (на северо-восток), вдоль Западного Евфрата, он пошел к Лепрским горам, но по пути ему пришлось бросить большую часть снаряжения и запасов. Кроме того, несколько отрядов пехоты отстали и потерялись в снегах этой пустынной страны. В конце концов, дойдя до берегов Аракса, он пересек эту великую реку, являющуюся границей Армении, немного севернее Хоя, который ранее был городом Артаксата, и наконец увидел лагерь и армию персов.

Только здесь султан Селим узнал, что его брат, принц Мурад, уже стал зятем суфи и находится в лагере персов и что он до этого подстрекал всю Малую Азию выступить против султана. Султан Селим узнал, что главнокомандующий армией шаха Исмаила, храбрый солдат по имени Устадоглу¹⁴, часто советуется с принцем Мурадом и что персидская армия не начинала битву с турками, ожидая подхода шаха Исмаила. Султан послал персидскому главнокомандующему много даров и коварно пытался склонить его выдать принца Мурада, но получил отказ. Вскоре подошел шах Исмаил с основной армией и присоединился к авангарду под командой принца Мурада. Таким образом, две противостоящие армии столкнулись лицом к лицу, и 26 августа 1514 года, после сигнала к атаке, на поле Чалдыран началось великое сражение. У персов было 300 тысяч всадников, не считая пехоты, а у султана Селима — столь многочисленная армия, что она могла бы показаться неправдоподобной, если бы мы еще несколько лет назад не встретили старых людей, участников этой битвы, живших в Исфахане, которые могли бы подтвердить, что при Чалдыране у султана Селима было 400 тысяч всадников и 800 тысяч пеших солдат. После серии мелких стычек началось настоящее сражение, длившееся целый день. К ночи персы пробились почти к расположению султана Селима, и вполне могли бы захватить его в плен, если бы ему не сопутствовала удача. Касим-паша из греческой провинции [Румелии], доблестно сражаясь и не

все эти наименования были уже турецкими. Так, Киликия (с Ликонией и Фригией) назывались Караман, Вифиния — Кызыл Ахмедли, названия Армении (Большой и Малой) охватывали древние области Каппадокии и Галатии и т. д.

¹⁴ Устадоглу — это Мухаммед-хан Устаджлу, один из видных полководцев шаха Исмаила. Он был женат на одной из сестер шаха.

считаясь с большими потерями, спас жизнь своему повелителю и изменил ход битвы, потому что Устад-оглу в этот момент был убит выстрелом из аркебузы, и персы стали отступать. Из турок был полностью разбит изменник Синан-паша из Эпира, и янычары не смогли выполнить свою задачу — атаковать и опрокинуть личную охрану суфи. Правда, шах Исмаил получил тогда рану в плечо, и это была главная причина, почему победа в конце концов оказалась на стороне султана Селима.

Добыча, захваченная турками, была столь велика, что они еще долго оставались богачами после этой битвы. Но эта победа дорого обошлась султану Селиму, так как одна его кавалерия потеряла 30 тысяч человек. Исмаил-суфи, медленно отступая, прошел через Тебриз и объявил жителям, что в данный момент они должны подчиниться туркам, поскольку он, их шах, не в состоянии защитить город. Вместе с зятем, принцем Мурадом, он отступил в восточные провинции Персии и стал собирать подкрепления для армии. Султан Селим сильно горевал из-за гибели Касим-паши; тот умер спустя несколько дней после битвы от ран и контузий. Султан затем вручил санджакские знамена семи новым командирам, заменившим убитых. Потом со всей армией он двинулся обратно в город Хой, сдавшийся им без боя. На мирных условиях сдался и Тебриз, но едва только турки овладели этим городом, как им пришлось в спешке уходить, поскольку дошли вести, что приближается шах Исмаил с армией вдвое больше прежней. Отступление турецкой армии было стремительным, и вскоре они оказались на берегу Евфрата, а по пятам следовал Исмаил. При переправе через реку огромное количество турок погибло, утонув из-за нехватки лодок для перевозки. Однако по неизвестной причине сразу после этого шах Исмаил сам отступил и перестал преследовать султана Селима. Султан, вспомнив нанесенное ему оскорбление или, по крайней мере недостаточное уважение, оказанное ему принцем Ала ад-Довле, о чем повествовалось ранее, на обратном пути прошелся по его землям, и, хотя самому Ала ад-Довле удалось укрыться в горах, турки разорили на своем пути все незащищенные города края. Потом султан Селим вернулся в Трапезунд и там, отправив войска по домам, сам направился в город Амасья ждать начала нового года.

Глава третья,

в которой продолжается рассказ о войнах между шахом Исмаилом и султаном Селимом

С началом нового 1515 года султан Селим не забыл о тех беспокойствах, которые чинил ему его брат, принц Мурад, и о поддержке его притязаний шахом Исмаилом. Кроме того, на другой дальней границе ему стала угрожать новая сила. Это был мамлюкский султан Египта,

собиравший войска [около сирийских границ Анатолии]. В середине зимы, невзирая на холод и снег, султан Селим объявил сбор своим войскам и вторгся в Армению. В этот раз его целью было наказать и разгромить Ала ад-Довле за его враждебные действия, но последний, получив вести о намерениях Селима, бежал и укрылся в горах Антитавра. У Ала ад-Довле был родственник по имени Шахсувар-оглу, отца которого он казнил. Поэтому Шахсувар-оглу, воспользовавшись приходом султана Селима, чтобы отомстить за свои обиды, объявил себя сторонником турок и взялся провести турецкие войска через скрытые ущелья этого гористого края.

Как только Ала ад-Довле услышал об этой измене, он поспешно спустился с гор с 15 тысячами всадников и попытался напасть на турецкую армию врасплох. Однако атака не увенчалась успехом, и, попав в руки султана, он тотчас заплатил сполна за свои прошлогодние и нынешние дела — по приказу Селима его удавили. Затем султан сделал Шахсувара-оглу правителем этой страны, наложив на него небольшую дань. Сразу после этого по неизвестным причинам султан приказал своей армии быстро отступить и вернулся в Константинополь. Некоторые источники утверждают, что причиной его внезапного возвращения было восстание янычар, но вряд ли оно могло явиться причиной столь поспешного изменения планов. Подлинная причина неизвестна.

В 1516 году султан Селим, увидев, что все правители христианского мира вовлечены в войны друг с другом — что всегда являлось прискорбным делом, — снова выступил в Малую Азию, оставив в Адрианополе своего сына Сулеймана с широкими полномочиями власти. В Анатолии Селим назначил своим заместителем Шерси-оглу, изменника-славянина, а командующим войсками — Джафара, изменника-венгра, и затем начал кампанию, желая подорвать власть суфи Персии.

Вести о намерениях Селима дошли до шаха Исмаила, и он, желая обрести союзника, отправил посольство, чтобы заручиться поддержкой и дружбой Кансу Гури¹⁵, мамлюкского султана Египта. Одновременно шах Исмаил оказал помощь повстанцам против султана Селима внутри его страны, а затем неожиданно во главе большой армии вторгся в области, лежащие на берегах Каспийского моря, недалеко от Баку (Ширван и Грузию). В это же время в Египте султан Кансу Гури, желая дать понять, что он стал явным врагом султана Селима и верным другом Исмаила суфи, призвал под свои знамена 14 тысяч славян и столько же мамлюкской кавалерии и выступил из Каира в Сирию. Еще раньше он послал письмо Хайр-беку¹⁶, служившему ему храброму воину (командующему

¹⁵ *Ашраф Кансу Гури* — мамлюкский султан Египта и Сирии (1501–1517).

¹⁶ *Хайр-бек Сайф ад-Дин* — мамлюкский полководец, наместник Алеппо (ныне Халеб). Участвовал в одном из крупнейших исторических сражений, происшедшем 24 августа 1516 г. на Дабинском поле (Мердж-Дабик) между османами и мамлюками, после чего перешел на сторону турок. Правил Египтом с 10 сентября 1517 г. Умер 5 октября 1522 г.

войсками в Алеппо), чтобы тот собрал там большое число [сирийских] войск, и повел с собой [из Алеппо] объединенные силы.

Тут Кансу Гури неожиданно увидел Синана-пашу, недавно прибывшего в эти края во главе основных сил турецкой армии, и противники оказались лицом к лицу. Джанберди Газзали¹⁷, командующий армией египетского султана, начал атаку, выступив во главе мамлюков, но подошедший с арьегардом султан Селим напал на его фланг. Султан Селим только что пересек Амарские горы напротив Алеппо — древней Антиохии. Турки сражались отважно, удачно используя артиллерию, которую Селим приказал солдатам перетащить через перевалы на спине. Они полностью опрокинули египтян. Не спасся и султан Кансу Гури, затоптанный насмерть, когда он упал с лошади под копыта наступавшей конницы. Ему было в это время семьдесят семь лет. Своей крупной победой, однако, турки были частично обязаны предательству Хайр-бека, который воздержался от участия в битве и вскоре перешел на сторону султана Селима, бросив своего старого повелителя и поверив обещанию чужестранца о вознаграждении. В дальнейшем же султан с подозрением относился к этому предателю. Все это время Исмаил-суфи выжидал, наблюдая за событиями, но, увидев, что султан Селим весьма успешно разгромил мамлюков и завоевал Египет, воздержался от вмешательства и бросил своих союзников на произвол судьбы, хотя именно он был главным зачинщиком войны против турок.

Сразу после сражения Селим овладел Алеппо [Газзали бежал в Дамаск], и многие города Сирии после этого мирно сдались туркам. В Египте султаном стал Туман-бек, но он тщетно просил одолжить ему пушки (у рыцарей ордена Святого Иоанна). Тем временем Синан-паша, продвигаясь с 15 тысячами всадников, вновь атаковал египтян и захватил у Туман-бека город Газа, а Газзали в это время покинул Дамаск и, избежав встречи с турками, прибыл в Каир с 6 тысячами мамлюков. Туман-бек, все еще полагаясь на обещание [данное шахом Исмаилом его предшественнику Кансу Гури], послал к шаху Исмаилу за немедленной помощью, но по неизвестным причинам в помощи ему было отказано. Султан Селим, соединившись с Синан-пашой, двинулся на юг, подошел к границам Египта и, натолкнувшись недалеко от Матария на противника, полностью разгромил нового египетского султана. Туман-бек, вынужденный бежать, укрылся в Каире, но Селим последовал за ним туда и, проникнув в город, два дня вел тяжелые бои на улицах. Туман-бек, в конце концов, был снова разбит, бежал и, пройдя вдоль побережья

¹⁷ *Джанберди ал-Газзали* — мамлюкский военачальник. 16 февраля 1518 г был назначен правителем Сирии. В 1520 г. поднял мятеж и объявил об отделении Сирии от Османской империи. 31 октября 1520 г. принял мамлюкский королевский титул *аль-малик аль-ацраф*, приказал читать свое имя в пятничной *хутбе* и чеканить на сирийской монете. 27 января 1521 г. в сражении с османами при Мастабе близ Дамаска его войска были полностью разгромлены. Был схвачен и 6 февраля казнен.

Северной Африки, добрался до города Секуса. Здесь посланцы султана Селима нашли его прячущимся в лагуне, наполовину погруженным в воду, и, взяв в плен, повезли в Каир. Там Селим приказал, чтобы Туманбека посадили на кол (на городских воротах). Так умер последний мамлюкский султан Египта.

Итак, Великий Каир, основанный в 979 году Джавхаром (первым министром, евнухом фатимидского халифа Муизза), был завоеван в 1517 году султаном Селимом. Газзали с частью египетских войск вернулся из Тебаида, намереваясь помочь Туман-беку, но, увидев, что все потеряно, сдался победоносному Селиму. Многие говорят, что Газзали был предателем и что он перешел к Селиму до смерти Туман-бека, его господина, но версия, изложенная здесь, кажется более вероятной. Султан Селим назначил Хайр-бека бейлербеем Египта, а Газзали снова посадил править в Дамаске, но уже именем султана. Своего зятя Фархада-пашу он послал с 40 тысячами всадников охранять турецкие границы на востоке против возможного нападения Исмаила-суфи. Затем султан Селим, видя, что христианские государства не угрожают его европейским владениям, стал собирать огромную армаду кораблей, но для чего — никто не знал. Посреди этих новых воинственных приготовлений и в то время, как правители Европы и Азии в ожидании строили догадки о его дальнейших планах, султан Селим внезапно умер в местечке Чорлу в сентябре 1520 года. Три или четыре года спустя, примерно в 1522 или, возможно, 1524 году, умер также Исмаил-суфи в возрасте пятидесяти четырех лет, так что эти двое, соперничавшие при жизни за господство, завершили свой жизненный путь почти в одно и то же время¹⁸.

У шаха Исмаила осталось четыре сына: старшего, наследовавшего трон, звали шах Тахмасиб; второго, правившего в Месопотамии, звали Алкас; третьего, правившего провинцией Азербайджан, — Бахрам; четвертым был Сам-мирза, которому достался Персидский Ирак. Теперь мы подходим к 1520 году и отметим, что в этот самый год, когда император Карл V короновался в Эль-Шапель, султан Сулейман¹⁹, сын Селима, тоже короновался в Константинополе, однако вплоть до 1534 года султан Сулейман не делал ничего, что могло бы представлять для нас интерес. А в том году, подстрекаемый Ибрагимом-пашой, своим самым влиятельным министром, султан Сулейман собрал достаточно большую армию и, двинувшись через Малую Азию, ведомый предателем, перебежавшим от шаха Тахмасиба, неким Вламаном²⁰, внезапно появился у стен Тебриза. При таких обстоятельствах шах Тахмасиб оказался не в

¹⁸ На самом деле шах Исмаил (1487–1524) умер в возрасте 37 лет.

¹⁹ Сулейман I Кануни (Великолепный) — турецкий султан (1520–1566).

²⁰ Вламан (Улама-бек) из племени текели, кызылбашский правитель (*эмир аль-умара*) Южного Азербайджана, в 1530 г. восстал против шаха Тахмасиба и ушел с частью племени в Турцию. Впоследствии он принимал активное участие в походах султана Сулеймана в Азербайджан.

состоянии защитить город от турок и поэтому вместе с армией отошел во внутренние районы Персии, и султан напрасно пытался выманить его оттуда для открытого сражения. Поэтому султан Сулейман пошел в Ирак и короновался императором Месопотамии из рук великого муфтия Багдада. Когда закончились празднования коронации, султан Сулейман вернулся в район Тебриза и, негодуя на то, что он не может сойтись с шахом Тахмасибом в решительном бою, в отместку поджег город Тебриз и, оставив его догорать, повернул к себе домой.

Ужасающее состояние Тебриза подействовало на глаза и уши шаха Тахмасиба, который к своему стыду и печали стал свидетелем резни своих сограждан и слышал стоны друзей и даже родных, отсиживаясь в вынужденном бездействии. Теперь он собрал все войска, какие только мог, и быстро вернулся в Тебриз с новой армией, застав там удручающе печальное положение. Потом он отправился на соединение с войсками, ожидавшими его прихода в Римакских горах, и оттуда во главе внушительной армии пошел к реке Коюнчай. С этой местности он послал одного командира по имени Дели Мухаммед с приказом атаковать ночью арьергард турок. Напав в ту же ночь, а это было 13 октября, на отставшие части армии Сулеймана, Дели Мухаммед застал их в темноте врасплох, и огромное количество врагов было предано мечу. Так Тахмасиб отомстил за обиду, нанесенную ему в Тебризе. Ни один турок, попавший ему в руки, не был пощажён. Он самолично отрубил голову нескольким бейлербеям и другим видным турецким командирам. В этой битве враг потерял 40 тысяч всадников и 70 тысяч человек пехоты²¹.

Это было одним из величайших и сокрушительных поражений, которое династия Османов когда-либо терпела от войск великого суфи; оно было на самом деле столь чувствительным, что султан Сулейман был вынужден предложить персидскому царю перемирие. После этого, получив свободу, шах Тахмасиб получил возможность покарать некоторых из своих восставших подданных способом, о котором мы сейчас поведаем. Когда в Анатолии спор был решен к его удовлетворению, Тахмасиб вернулся домой в Персию. Некоторые из наших историков приводят такую смехотворную версию дальнейших событий, что ее надо изложить. Как только шах Тахмасиб освободился от султана Сулеймана в Коюнчае, тотчас повернув назад, пошел в Ирак, чтобы разделаться с мятежниками в Багдаде. Там он сжег большую часть города и, узнав, что коронованный Сулеймана великий муфтий за несколько дней до этого

²¹ Неясно, о каком сражении, в котором была одержана столь крупная победа над армией Сулеймана шахом Тахмасибом, говорит Дон Жуан. Можно предположить ряд битв, в которых кызылбашские полководцы одержали верх над турецкими войсками после их отступления из Тебриза в 1535 г. В одной из битв в восточной Анатолии у Эрджиша турецкие войска были разгромлены Будах-ханом Каджаром. В битве погибли Синан-паша и ряд других османских военачальников. Это поражение и гибель Синан-паши сильно расстроили султана Сулеймана.

скончался, приказал вырыть его тело и вместо него бросить в могилу тело собаки. Признаться, мне непонятно, как они — шах и султан — могли бы сохранить мирные отношения после подобных событий.

Султан Сулейман, убедившись, что персы прекратили нападения на Малую Азию, обратил свой взор к Европе, к христианским правителям, и начал войну против Венгрии. Но там, буквально перед самым захватом крепости Сегед, фактически за десять дней до этого, султан внезапно умер. По одной версии, он умер от приступа ярости, что ему не удалось захватить соседний город Эрлау. Сулейман царствовал сорок шесть лет, и наследовал его сын Селим II (прозванный Пьяницей²²), который первые несколько лет вел незначительные войны против венецианцев, хотя однажды ему удалось нанести им сокрушительное поражение на море у острова Негропонт. После этого Селим II собрал огромную армаду, чтобы напасть на страны Запада, но на этот раз его войска были полностью разгромлены (в битве при Лепанто) доном Иоанном Австрийским, сводным братом его католического величества покойного короля дона Филиппа II.

Глава четвертая,

*повествующая о важных событиях, происшедших в Персии,
о сыновьями Тахмасиба и о войнах персов против султана Мурада II*

Как мы уже говорили, между шахом Тахмасибом и Сулейманом, первым султаном с таким именем и одиннадцатым османским императором, было подписано перемирие после того, как Тахмасиб выдворил турецкие армии из Тебриза, города, известного в древности под названием Экбатана²³. Тахмасиб, хотя и страдал от досады и горя, видя разорение города турками, но не стал ставить им это в вину, и переговоры о мире шли своим чередом. Один из пунктов договора гласил, что крепость Карс, как ее называют турки, или Кайсери²⁴, как ее называют другие, должна быть лишена укреплений и передана персам, в чьих руках она и должна оставаться, но уже демилитаризованной. Так и закончились войны между персидскими царями и турками. Вскоре (в 1566 году) умер султан Сулейман, а через некоторое время и его сын Селим II, сменивший Сулеймана на троне, но сам ничего не сделавший. Затем 11 мая 1576 года умер и шах Тахмасиб²⁵, оставив одиннадцать сыновей и дочерей.

Его старшего сына звали Мухаммед Худабенде, и он одно время был правителем Герата, раньше называвшегося Ариа, но потом по приказу

²² Селим II (Пьяница) — турецкий султан (1566–1574).

²³ Экбатана — это не Тебриз, а древнее название Хамадана.

²⁴ Кайсери — это не Карс, а город, расположенный юго-западнее Сиваса в центральной части Малой Азии.

²⁵ Шах Тахмасиб умер 14 мая 1576 г.

отца жил в местечке Ирас²⁶, а не Шираз, как неверно утверждает Минадои, который был древним Персеполем. Второй сын Исмаил в это время находился в тюрьме в замке Кахкаха, расположенном между Казанном (древняя Арсакиа, ныне Казвин) и Тебризом, в ста пятидесяти лье от первого города и в тридцати от второго, но несколько севернее в направлении Еревана. Его отец — шах Тахмасиб — некоторое время держал там сына под арестом, заметив в нем какое-то беспокойствие и склонность к мятежу, приписанную им чрезмерному тщеславию надменного юноши. Старый шах, будучи благоразумным родителем, держал сына в изоляции. Однако смерть шаха освободила принца от отцовского надзора. Третьего сына звали Султан Хейдар-мирза, и его опекали родственники матери, среди которых были Иса-хан, евнух Ахта Хусейн, а также Пир Мухаммед. Четвертого сына звали Султан Мустафа, и его мать была христианской принцессой из Грузии. Потом был Султан Али-мирза, пятый сын, Бахрам-мирза — шестой и Ибрагим-мирза — седьмой, а последние четыре были в это время еще несовершеннолетними. Еще были три дочери, но две из них настолько маленькие, что их не стоит принимать в расчет, и все были от разных матерей. Но одну дочь надо здесь назвать по имени — Перихан-ханум. Она была самой старшей из сестер, уже совершеннолетняя, и полна честолюбивых замыслов, как мы вскоре увидим.

Принц Мухаммед Худабенде страдал болезнью глаз и временами совсем не видел. Этот дефект зрения делал его почти неспособным заниматься делами правления в провинциях и вообще править народом, столь склонным к восстаниям. Кроме того, всем было известно, что дела государства были ему чужды и неинтересны. Видя такое положение, ханы и знатные люди убедили и, можно сказать, заставили старого шаха Тахмасиба назначить в завещании своим преемником на троне Исмаила вместо старшего сына Мухаммеда Худабенде, что шах сделал очень неохотно, если помнить, каким ему виделся характер его второго сына Исмаила. Это, конечно, шло вразрез с персидскими традициями, но Тахмасиб был вынужден пойти на это из-за слепоты Мухаммеда Худабенде, а также из-за кажущейся его неспособности нести бремя власти в стране, где правителю на самом деле требовалось не два глаза, чтобы все видеть, а столько, сколько в древности приписывалось Аргусу²⁷. В соответствии с волей шаха Тахмасиба, выраженной в завещании, ханы и знатные люди после его смерти послали Исмаилу письмо о немедленном возвращении в Казвин²⁸,

²⁶ Здесь наш автор также ошибается, ибо в момент смерти шаха Тахмасиба его сын Мухаммед Худабенде находился в Ширазе, где был правителем.

²⁷ *Аргус* — в древнегреческой мифологии многоглазый великан. В переносном смысле — бдительный страж.

²⁸ Исмаил томился в заключении в крепости Кахкаха около 20 лет; 24-летним, полным сил и энергии, переступил он порог крепости, а вышел на свободу только 43-летним, надломленным физически и морально. Здесь он пристрастился к наркотикам, и это отразилось в его жестокостях во время короткого царствования.

столицу, но прежде чем он приехал, его сводная сестра принцесса Пери-хан-ханум, уже упоминавшаяся выше, сестра Мустафа-мирзы, убедила ханов и придворных аннулировать завещание старого шаха или приостановить его выполнение.

Она сделала это по настоянию своего дяди Шамхал-хана, грузинского вельможи, брата ее матери и христианина, и принцесса уговорила заговорщиков провозгласить ее сводного брата Хейдара-мирзу царем Персии. По другой версии, однако, она не была инициатором этого заговора, а, наоборот, старалась возвести на трон Исмаила в соответствии с волей отца, но, узнав, что возник заговор против Исмаила в пользу Хейдара-мирзы, решила скрыть свои истинные намерения, чтобы лучше проникнуть в планы заговорщиков. Позднее, видя, что Исмаил сможет приехать в столицу не раньше чем через несколько дней, она была вынуждена показать свое одобрение провозглашению царем Хейдара. Однако Хейдар-мирза, оказавшись на троне почти против собственной воли, испугался последствий и быстро укрылся в своем дворце, в его женской части, которую турки называют *saray*, а персы — *гарем*. Но и здесь Шамхал-хан и ряд вельмож — сторонники Исмаила нашли его и закололи кинжалами. Так же быстро прекратились все бунты и недовольства, вызванные внезапной коронацией Хейдара.

Через несколько дней после смерти Хейдара в город Казвин прибыл Исмаил. Его приезд был с большим удовлетворением встречен всеми. Довольно длительное время после коронации Исмаил делал вид, что он приветливо ко всем относится, что явно доказывает смятение его ума, но как только он прочно утвердился на троне, тут же отбросив добрые обычаи царской семьи суфи и своих предков — персидских царей, он, следуя дурному примеру османских султанов, казнил своих младших братьев, а затем издал указ о немедленной казни всех тех, кто принимал участие в возведении на трон Хейдара. Однако этими кровавыми деяниями шах Исмаил не удовлетворился и в глупой самонадеянности провозгласил о своем намерении отказаться от шиитской веры Али, являющейся персидской формой веры и религией, введенной монархами суфи, как это было показано в главе, в которой рассказывалось о возникновении и происхождении династии суфи. Шах Исмаил, казалось, собирался следовать суннитской вере, которой придерживались турки, и почитать Абубакра, Омара, Османа и других так называемых правоверных халифов, и дай он знать о своих замыслах до восшествия на престол, это привело бы к тому, что персы растерзали бы его на части. Объявив народу о своем глупом намерении изменить веру, он затем заявил, что собирается отправиться в Ирак, в Багдад²⁹,

²⁹ Это утверждение неясно, ибо в это время в Багдаде не было никакого халифа. Халифом мусульман в это время был сам султан Сулейман, унаследовавший его от своего отца Селима, который отнял халифат у марионеточного халифа после захвата Египта. В Каире обосновались марионеточные халифы после свержения их власти в Багдаде в 1258 г.

чтобы там короноваться императором и, как султан Сулейман и другие турецкие правители, принять корону из рук халифа [великого муфтия].

Когда обо всем этом стало известно, его сестра Перихан-ханум и персидские вельможи составили заговор с целью убить шаха Исмаила, и несколько вельмож, переодевшись в женское платье, вошли как-то ночью в женскую половину дворца и убили Исмаила³⁰ — так же, как в прошлом сенаторы убили Юлия Цезаря, — и произошло это 24 ноября 1577 года. После этого, по соглашению вельмож, осуществивших это деяние, сводная сестра Исмаила принцесса Перихан-ханум была назначена правительницей до того времени, пока не станет ясно, кто из братьев покойного царя должен унаследовать трон Персии.

Один из вельмож по имени Амир-хан в это время собирался жениться на сестре Перихан-ханум, которая любила его и так вскружила ему голову тщеславными надеждами, что он честолюбиво мечтал стать следующим шахом Персии. С другой стороны, Мирза Салман, один из главных вельмож персидского двора, хотел посадить на трон старшего брата Исмаила, Мухаммеда Худабенде, а если не его, так старшего сына принца Хамзамирзу, который в этом случае должен жениться на его, Мирзы Салмана, старшей дочери. Сторонники другой партии выступали за то, чтобы вернуть из Герата, где он был правителем, Аббаса-мирзу, младшего брата Хамзамирзы, и посадить его на пустующий трон. Наконец, третья партия выдвигала принца Тахмасиба (еще одного младшего брата Аббаса-мирзы). Таким образом, в течение семи лет, семи месяцев и семи дней³¹ продолжалась эта неразбериха в правительстве, претенденты выдвигались и свергались один за другим или умирали, пробыв на троне недолгое время.

Султан Мурад III³², который недавно (а именно в 1574 году) воссел на престол своего отца Селима II Пьяницы, сына Сулеймана Велико-

³⁰ Известно несколько версий смерти шаха Исмаила II. 24 ноября 1577 г. Исмаил в нетрезвом состоянии вышел из дворца переодетым и в поисках развлечений пошел по улицам Казвина в сопровождении сына придворного кондитера (*халвачи*) Хасан-бека и небольшой свиты. В полночь он зашел передохнуть в дом Хасан-бека, где наутро был найден мертвым. Согласно наиболее правдоподобной версии, недовольная пренебрежительным отношением Исмаила Перихан-ханум руками невольниц гарема примешала яд к принятой шахом наркотической смеси.

³¹ После смерти шаха Исмаила II в государстве создалось двоевластие. В столице Казвине власть на время сосредоточилась в руках Перихан-ханум. В это время выдвигались разные претенденты на трон: 11-летний сын Мухаммеда Худабенде Хамзамирза, 9-летний Аббас-мирза и даже сын шаха Исмаила Шахшоджа — грудной ребенок. Но совет кызылбашских старейшин остановился на кандидатуре Мухаммеда Худабенде, который находился в Ширазе. Сюда прибыл везир Мирза Салман, втершийся в доверие Худабенде и его жены, энергичной и властной Хейранниса-бегим. Прибыв из Шираза в Казвин, Мухаммед Худабенде воссел на престол 13 февраля 1578 г. Принцесса Перихан-ханум была казнена через несколько дней после коронации. Таким образом, между смертью Исмаила и вступлением на престол нового шаха прошло всего около трех месяцев, а не «семь лет и семь месяцев», как пишет Орудж-бек.

³² *Мурад III* — турецкий султан (1574–1595).

лепного, пожелал, завладев Месопотамией, завоевать вдобавок всю Западную Азию. Особенно ему хотелось захватить Персию и Грузию, которую называли Гюрджистан, а потом прибавить к ним все соседние азиатские области, подчинявшиеся в то время князю московитов из Москвы. Все эти области, как мы увидим сейчас, были открытыми и неохранными, лишеными той защиты, какую давало имя шаха Тахмасиба, имя, наводившее ужас на турок. Поэтому султан Мурад, воспользовавшись охватившими всю Персию беспорядками и гражданскими войнами, после долгих совещаний назначил Мустафа-пашу командующим армией, готовящейся к вторжению. Затем он разослал письма правителям Вана, Эрзурума и Большой Армении, расположенных на границах Каппадокии, а также правителю Ирака, чтобы все они непрерывно нападали на города и крепости вдоль их же границ, относящиеся к землям кызылбашей (красноголовых) — так называли турки персов — и тем самым ознаменовали бы новое нашествие мелкими захватами. Утвердившийся на персидском троне Мухаммед Худабенде получил известие о недавних событиях в Константинополе одновременно с сообщением о том, что турецкая армия по приказу султана Мурада уже выступила к Азербайджану и Грузии.

Прозвищем шаха Мухаммеда было Худабенде, и он принял его, поскольку считал себя слугой Бога и его истинным посланником, чудом оставшимся в живых после смерти своих младших братьев, чтобы править. Он получил это имя вовсе не потому, как ошибочно утверждает Томас Минадои, что был слепым. Просто Минадои не знает этимологического значения персидских слов. Таким образом, мы теперь можем сказать, что Мухаммед Худабенде мирно получил власть над Персией, имея заместителем в делах управления своего старшего сына Хамзамирзу, который отличался большими способностями и умом, и хотя его отец был слепым, но дефект зрения компенсировался исключительными качествами принца, которому, хотя он и не являлся последователем истинной веры, Бог даровал тонкое понимание и зрелое суждение.

Помимо того, был уже упоминавшийся вельможа Мирза Салман, который своим разумным управлением восстановил во всем царстве состояние мира и добился признания народом Мухаммеда Худабенде их законным царем. Этого всего действительно достиг Мирза Салман, хотя по рождению он занимал скромное место среди сановников Персии, но тем не менее в вопросах управления показал свои замечательные способности. Он также был главным инициатором того, чтобы зловещая принцесса Перихан-ханум, доведшая, как мы видели, своего брата Исмаила до смерти, сама была осуждена и обезглавлена. На воротах Казвина была выставлена ее голова, в крови и со спутавшимися волосами, — зрелище печальное и ужасающее, потому что она и в самом деле была дочерью царя и сестрой правящего монарха, хотя и в полной мере заслужившей наказание. После этого акта справедливости Мухаммед

Худабенде некоторое время оставался бесспорным правителем, а его сын Хамза-мирза правил от его имени, но этот период мира для них обоих оказался очень коротким, и почти сразу же после этого на них двинулась турецкая армия.

Глава пятая,

в которой говорится о войне между султаном Мурадом III и шахом Мухаммедом Худабенде, с описанием Грузии и ее правителей

Мустафа-паша выждал зиму, а когда погода улучшилась, он, используя власть главнокомандующего турецкой армией, приказал войскам выступить из Эрзурума, где они были собраны. Избрав прямой путь через Карс, все еще лежащий в руинах, Мустафа-паша занял обширный район в горной местности Чылдыр в Армении. Под его началом была армия примерно в 200 тысяч человек, из которых 100 тысяч были хорошо вооружены, но представляли разные национальности. Войска из Вифинии и Фригии шли вместе с войсками из Палестины и Иудеи, из Понта и Мидии, Египта, Африки и Венгрии. Армия была очень хорошо снабжена и обеспечена, поскольку адмирал Улудж-Али³³ привел караван транспортных судов под охраной галер в порт Трапезунд, откуда по суше все грузы были доставлены в Эрзурум. У Мустафа-паши все уже было готово к выступлению, и он усилил свою артиллерию 500 маленькими пушками.

Новый шах Персии Мухаммед Худабенде хорошо понимал намерения Мустафа-паши и, собрав значительное число войск, приказал Токмаку Султан-хану³⁴, правителю Еревана и Нахичеваня, стать главнокомандующим его армий в Атропатене, Большой Мидии, Грузии и Персии и распоряжаться городами Хамадан, Гянджа, Тебриз, Маку, Нахичевань, Меренд, Ардебиль, Суфиян, Кара-агач, Туркмен-чай и Джават. Все говорит, однако, о том, что персидская армия насчитывала всего 30 тысяч всадников и соответственное количество пехоты. Персы выступили спешно, получив сообщение, что турецкие войска уже покинули Эрзурум, прошли Карс и достигли равнин Чылдыра. Токмаку ошибочно сообщили, что численность турецкой армии не превышает 40 тысяч человек и что она состоит из солдат многих национальностей, плохо вооруженных, хотя были и верные сведения, что в этой армии много храбрых бойцов и опытных командиров, таких как Хосров-паша, Бахрам-

³³ Улудж-Али (*Кылыч Али-паша*) — османский адмирал, бейлербей западного Триполи, Алжира. За отвагу и искусство, проявленные в день Лепанто, ему было присвоено почетное имя «Кылыч» («Меч»). По возвращении в Стамбул он был назначен *канудан-пашой*.

³⁴ Токмак Султан-хан — Мухаммеди-хан Тохмак Устаджлу, кызылбашский правитель (бейлербей) Чухурсаада (Ереванская область).

паша, Дервиш-паша из Кара-Амида и Мухаммед-паша. Число известных полководцев не озадачило Токмака, но его удивила явная малочисленность, как следовало из сообщения, турецкой армии. Ведь эта армия, как ему было хорошо известно, состояла из войск многих отдаленных провинций, подчиненных султану Мураду, и направлялась против войск многочисленного и сильного противника под его, Токмака, командованием, а ведь турки хотели завоевать ни много ни мало как всю Персию. Но все это было лишь общественным мнением, а на Токмака оказывали давление молодые командиры в его лагере, заставившие поверить ложным донесениям лазутчиков, которым столь опытный в военном деле генерал, как Токмак, не поверил бы ни на секунду.

Когда вскоре после этого легкая кавалерия персов наткнулась на передовой отряд турецкой армии, то Токмак в своем неведении принял его за всю сорокатысячную армию, которая, по полученным им сообщениям, насчитывала именно столько. Вскоре, однако, он стал подозревать правду, видя у врага только знамена пашей Бахрама и Дервиша, и с испугом подумал, что Мустафа-паша, как и было на самом деле, шел с основными силами армии позади, словно бы скрываясь, в засаде. Токмак, однако, почувствовал, что на карту поставлена его честь, и что бы ни случилось, храбро решился на битву. Но едва только началась первая стычка, как появился Мустафа и внезапно обрушился на правый фланг персов с силами в 70 тысяч человек. От полного уничтожения персов спасли два удачных обстоятельства — а именно искусное руководство боем, показанное Токмаком, и наступление ночи. Итак Токмак, быстро осознав свою ошибку и нависшую над ним угрозу, начал отходить по горным проходам и, умело используя разные военные уловки, сумел избежать уничтожения. Все же он понес значительные потери — 7 тысяч убитых и более 3 тысяч пленных, захваченных турками. Мустафа-паша тут же послал радостную весть о своей победе султану Мураду, который в ответе высоко превознес достигнутый им успех и добавил, что все 3 тысячи пленных должны быть обезглавлены. Этот приказ был тотчас исполнен, жестокий и бесчеловечный акт, ничего похожего на который не было известно до этого времени даже у варварских народов. Большая победа турков привела к тому, что многие местные правители, бывшие до того подданными персидского шаха, перешли на сторону султана Мурада. Таким образом, к армии Мустафа-паши присоединились грузинские принцы Салмас и Левенд, принц Менучихр, сын принцессы Десмит, вдовы принца Лаварза, который был недавно лишен персами своих земель. Все эти правители собрались под знамена Мустафа-паши, который, приняв их со всей обходительностью, послал султану сообщение об их покорности как о первых результатах завоевания Грузии, которое он, Мустафа-паша, так успешно проводит.

Чтобы разьяснить ход событий, нужно сказать о том, кто были эти грузинские принцы, и описать их страну, которая сейчас известна как

Грузия, а раньше называлась Иберия. На западе она граничит с землями народа колхов, которые являются мингрельцами, а на востоке с Мидийской Атропатеной, которая сейчас является провинцией Ширван. На севере Грузия граничит с Албанией, которая сейчас называется Зуирия, а на юге ее предел — Армения. Грузия — очень гористая страна со многими реками, и среди них — Курус, или Кура, проходящая через сердцевину страны и соединяющаяся водами с известной рекой Аракс, или Арас. Аракс берет свое начало в горах Тавра, в той их части, которая называется Периард, около горы Аба (или Абус), и течет на восток, но не достигает границ Ширвана, а затем поворачивает на северо-запад к тому месту, где, как говорилось выше, соединяется с Курой, протекая потом мимо города Ареш³⁵, сквозь Араксинские земли, известные как долины Калдерана, вливается в Каспийское море, которое известно под названием Гулзум.

Грузия состояла из многих областей, управляемых различными правителями, сравнимыми с нашими герцогами, маркизами и графами. Из этих правителей самыми сильными были тогда шестеро. Первой была [принцесса Десмит] вдова принца Лаварза и ее двое сыновей — Мирза Менучихр и Александр. Вторыми были двое сыновей принца Лабассапа — Давид и Симон. Третьим — сын Левенда, иначе называемый Левенд-оглу, христианское имя которого было Александр или, как мы бы сказали, Искендер, которого подданные обычно называли «Великим». Четвертым был принц Юсиф, сын Гори. Пятым — старый принц Шамхал, владелец многих земель, лежащих между провинцией Ширван и владениями принца Искендера. Принц Шамхал позднее был казнен Осман-пашой, но он оставил сына, наследовавшего его земли, и в настоящий момент, когда мы пишем, он правит горной страной, которую турки называют Брус³⁶, — пересеченная местность, где снег лежит постоянно. И, наконец, шестой, очень могущественный принц по имени Башачук³⁷, чьи земли не уступали землям принца Гори и отделялись от них озером Эссекия³⁸, а на востоке граничили с землей Левенда, где правил принц Искендер Левенд-оглу.

Возвратимся к нашему рассказу. Принц Юсиф и его отец Гори присоединились к турецким армиям, а Юсиф тотчас принял мусульманство.

³⁵ *Ареш* — город в Азербайджане, расположенный вблизи нынешнего г. Халдан. Как город стал широко известен с XV в. Он часто упоминается в записках английских путешественников, посетивших Азербайджан в XVI в., — Дженкинсона, Декета, Эвардса — как главнейший центр производства шелка-сырца. Упоминает об этом городе и венецианец Минадои. Сюда для покупки шелка-сырца съезжались купцы многих стран. В ходе войны с Османской империей город сильно пострадал и потерял свое торговое значение.

³⁶ Земли близ горы Эльбруса.

³⁷ *Башачук* — прозвище царя Имеретии Баграта III (1510–1548).

³⁸ *Эссекия* — по предположению Ле-Стрэнджа, это озеро Гёкча (ныне Севан).

Принц Александр, старший брат Менучихра, как было отмечено выше, в то время управлял землями, примыкающими на западе к Карсу, а на востоке граничащими с владениями принцев Давида и Симона. Эта страна орошается рекой Аракс, и ее столицей является крепость, называемая Алтун-кала, что означает «Золотой замок», и находится примерно на полпути между Тифлисом и Карсом, со всех сторон защищенный перевалами Периардских гор. Принц Лабассап перед смертью завещал свои владения старшему сыну Симону, но младший брат Давид с помощью шаха Тахмасиба, пославшего в его поддержку 4 тысяч человек, незамедлительно овладел княжеством; одновременно он объявил себя вассалом персидского шаха, став ренегатом и мусульманином под именем Давид-хана. Шах Тахмасиб передал ему во владение Тифлис, а Симон, его старший брат, который в тот период не пожелал стать ренегатом, был схвачен и переправлен в крепость Кахкаха. Городами, которые тогда принадлежали этой фамилии принцев, являлись Тифлис, Лори, Дманиси, Карс, или Киерес, и Гюрджи-кала, то есть Грузинская крепость. Тифлис, столица, располагалась на Куре, которая впадает в Аракс, как описано выше. К западу от города проходит Кавказский хребет.

Турецкие войска, заняв эту провинцию Грузии, полностью разграбили и опустошили ее. Они вторглись в страну со всех четырех сторон, хотя грузины полагали, что провести войска через горные ущелья невозможно. При поддержке татарского хана [Крыма] Адиль-Гирея турецкие войска беспрепятственно высадились с армадой своих кораблей на побережье Черного моря со стороны Албании. Одновременно они вторглись также в страну со стороны Ширвана; таким же образом турецкие войска прошли по двум другим путям — а именно через озеро Эссекия, у которого находится город Башачук со многими городами, подвластными грузинскому принцу; и, наконец, турки проникли в Грузию со стороны, где земля покрыта можжевельником и сосновыми лесами, это — путь, по которому, если верить рассказу Страбона, в книге II его «Истории», Помпей и Канидий Красс подступили к границе со своими войсками. Итак, сын Левенда, которого, как мы говорили, называли Искендер, и его брат Иса-хан владели землями, расположенными между городом Ереван и страной Ширван, и другими землями в направлении Армении на дальних рубежах Ширвана. Правители этого района проживали в городе Зегем, и Иса-хан, брат Искендера, ренегат, ставший мусульманином, был назначен правителем той провинции и хотел править вместо своего брата, но этот указ персидского царя вскоре потерял силу. Этим мы завершаем описание Грузии, добавим, что в ее дальних районах проживает много диких татарских племен, известных как *перикоры*, и они населяют предгорья Кавказа, обращенные к долине реки Волга, иначе известной как Эдер.

После своей победы над персами при Чылдыре Мустафа-паша продвигался вперед при поддержке грузин, которая хотя и была незначи-

тельна в сравнении с численностью их новых союзников, но была эффективна в отношении безопасного прохода турецкой армии. Грузины теперь были заняты тем, что указывали врагу путь через их собственную страну. Со своим новым другом Менучихром в качестве гида паша двигался вперед, хотя и с большими трудностями из-за непрерывных дождей, и, наконец, достиг озера по названию Кейдер-гёл, откуда берет начало река Евфрат. Здесь он застал турецкий авангард, завладевший крепостью Аркикелек, и армия остановилась на отдых, найдя все, что ей нужно, на окружающих озеро пастбищах. Затем паша проследовал дальше, пройдя мимо озера Первана-гёл, вблизи которой стоят развалины древнего города [Триала], основанного крестоносцами, позднее завоевавшими Иерусалим. В настоящее время здесь проживают священники и христиане-католики, подчиненные Риму. Продвигаясь дальше, турецкая армия достигла подножия Тифлисских гор и, перейдя вершину, без остановки спустилась и завладела крепостью, называемой Гюрджи-кала, которая расположена на берегу Куры, реки Тифлиса. Часть турецких солдат здесь рассеялась и, видя страну беззащитной и мирной, занялась разбоем и грабежом. По этой причине принцы Юсиф и Давид объединили силы с Искендером, желая теперь оказать помощь своим старым союзникам — персам, одновременно выступая в защиту своей родной страны и своего народа. Поэтому три принца со своими людьми внезапно напали на эти рассеянные турецкие отряды и умертвили многих.

Однако это не помешало туркам быстро овладеть городом Тифлис, так как принц Давид по первой же тревоге поспешил вернуться для защиты своей столицы и, поняв, что перед ним подавляющее превосходство турецких войск, тотчас приступил к разрушению укреплений после выселения жителей. Представился счастливый случай для объединения сил со своими друзьями на поле битвы. Оставив Тифлис, он двинулся в открытое поле. Мустафа-паша, овладев городом, приступил к восстановлению стен крепости на скале, обеспечив ее сотней пушек, разместив здесь шеститысячный гарнизон под командой Мухаммед-паши, сына Фархад-паши, которого он назначил правителем Тифлиса. Затем Мустафа-паша, продолжая свой поход, двинулся в провинцию Ширван. Но теперь турецкие войска, которые были из Алеппо и других частей Сирии, изнуренные длительным походом, взбунтовались и, вопреки своему долгу, уговорам и протестам паши, ушли под предводительством одного из своих командиров по имени Наср ад-Дин Челеби. Они, однако, радуясь освобождению от службы, вскоре дорого заплатили за свой мятеж, так как грузины напали на них, когда увидели, что эти турки отделились от своих собратьев, и очень мало мятежников спаслось от резни.

Мустафа-паша направился к подножию гор около Тифлиса, куда прибыли послы Искендера Левенд-оглу с предложением, что принц хочет

явиться для выражения своего почтения паше и вассальной зависимости султану Мураду. Вместе с тем Искендер предложил туркам быть их проводником, разрешив пройти через свои земли. Таково было непостоянство этих грузинских принцев, которые меняли своих друзей так же легко, как и свою религию. Мустафа-паша был очень рад за предоставление прохода через эту опасную страну и тотчас принял предложение Искендера Левенд-оглу, которому он немедленно отправил почетную мантию [халат]. В обычае османских султанов было награждать ставших их союзниками принцев или полководцев, завоевавших для империи новую провинцию; и принц Искендер выразил большую благодарность за эту милость в отношении него. Итак, Мустафа-паша продолжил свой поход и в течение двенадцати дней прошел по болотистой местности и тростниковым чащам, и с такими трудностями и лишениями из-за негодности дорог, что его солдаты неоднократно отказывались идти дальше, посылая проклятия в адрес султана Мурада и своего паши. В конце концов, однако, армия достигла рубежей Ширвана.

В это время сюда прибыли, скорее из страха, чем радости, жители города Шеки, находящегося на границе провинции Ширван, выразившие свою покорность туркам, обещая подчинение всех племен, чьи жилища расположены по берегам реки Канык³⁹. Турецкие войска изнывали от усталости и ощущали недостаток продовольствия; солдаты настойчиво требовали от своего предводителя передышки на несколько дней, хотя местность, где они находились, не подходила для привала. По совету жителей тех мест, чтобы добыть самые необходимые продукты, Мустафа-паша решил отправить отряд из 12 тысяч человек (хотя и не из числа своей хорошо вооруженной пехоты) с кавалерийскими частями во главе с их командирами; паше сообщили, что за болотами в месте слияния рек Каныка и Аракса находятся богатые пастбища, пшеничные поля, где имеется ячмень и рис, а также много овец и рогатого скота.

Паша поверил этому сообщению и отправил эти части за провинтом, но известие оказалось ложным, и представился удобный случай для засады, которой так желали персидские полководцы — а именно: Токмак, Аликули-хан, Имамкули-хан и Шереф-хан, страстно стремившиеся взять реванш за поражение при Чылдыре. Поэтому персы скрытно последовали за арьергардом фуражиров и обрушились на них, как только те оторвались от своих основных сил. Напав на них неожиданно, они подвергли их поголовному истреблению, так что едва ли кто-либо спасся. Однако персы не смогли воспользоваться своей победой, так как несколько избежавших резни турок доставили Мустафа-паше известие об этом бедствии, и он форсированным маршем внезапно напал на пер-

³⁹ Река Канык — не Аракс, а Кура. Орудж-бек часто путает Аракс с Курой, что читателю надо иметь в виду.

сов, а затем окружил их на полуострове, расположенном между реками Аракс и Канык. Здесь Бахрам-паша и Дервиш-паша соединились и атаковали персов, в то время как Мустафа-паша двинулся дальше с остальными своими силами. Токмак и его военачальники были вынуждены дать бой и защищаться в невыгодных условиях. В результате очень немногим персам удалось спастись от этого контрудара турок, хотя даже их лагерные служители сражались храбро, как самые лучшие бойцы. С обеих сторон потери были велики, и персидские полководцы, — первым подал пример сам Токмак, — спаслись от смерти, переплыв реку, тем самым побуждая своих воинов поступить так же. Тем не менее многие были убиты; со стороны турок погибло 12 тысяч маркитантов и 3 тысячи солдат. После этого поражения Имамкули-хан возвратился в Гянджу, Шериф-хан в Нахичевань, а Токмак направился в Ереван; ни одна из сторон — ни персы, ни турки — не добились перевеса над другой; каждая ждала новых указаний от своего повелителя, одна — от шаха, другая — от султана.

Глава шестая,

в которой продолжен рассказ о войне армий султана Мурада против Мухаммеда Худабенде, царя Персии; изложены подробности смерти Адиль-Гирея, татарского принца, и говорится о том, что послужило причиной его гибели

Хотя границы провинции Ширван были надежно защищены и весь район находился в мирной оккупации турецкой армии, однако еще не успели прибыть посланцы с предложением о покорности из одной области, как из другой поступили вести о начавшихся восстаниях в тех районах, которые, казалось, прочно удерживались османскими войсками. Мустафа-паша решил перейти реку Канык, хотя его армия громко роптала против всяких новых завоеваний, стоивших многих жизней. Однако людей, вопреки их воле, заставили подчиниться, и в результате, до того как Мустафа-паша достиг города Ареш, бывшего главным городом тех мест, потери турецких войск вновь превысили 8 тысяч человек. Турки застали эти места покинутыми и опустошенными, как это было в Шемахе, так как персидский полководец Самир-хан сбежал в Гори, где к нему присоединился Арас-хан, и теперь оба следили за дальнейшими действиями турецких военачальников.

В течение двадцати двух дней Мустафа-паша оставался в городе Ареш, построив здесь крепость и снабдив ее сотней пушек, а правителем крепости он назначил Кайтаса-пашу с гарнизоном в 5 тысяч человек. Затем он отправил Осман-пашу с 10 тысячами человек для овладения городом Шемаха, стольным городом Ширвана, расположенным на

пути в Дербент, иначе называемым Демир Капы («Железные Ворота»), известным в древности как Александрия. Жители Шемахи так же, как и Дербента, тотчас выразили покорность Осман-паше, хотя в действительности они оставались верными подданными персидского царя. Теперь, когда грузинские дела были в полном порядке и власть султана была прочно утверждена и установлена по всей провинции, Мустафа-паша, наконец, дал приказ о возвращении, таком долгожданном для его утомленных войск. Во время прохода через владения Искендера Левенд-оглу и Шамхала, владетеля горы Брус, эти два принца вышли навстречу Мустафе-паше, предлагая ему свое смиренное подчинение, и взаимоотношения были быстро урегулированы в духе дружбы. По приказу паши был восстановлен мост через реку Канык, и по нему он двинулся по берегу Аракса в Тифлис, где войска отдыхали два дня.

С короткими остановками их провели через горные проходы проводники, посланные принцем Искендером, при этом вспомнили, что годом раньше турки испытали большие лишения и голод во время вступления в эту страну. Таким образом, турецкая армия оставила наконец за собой горные села Грузии, но когда они мирно выходили из этих мест, грузины напали на них, ограбили арьергард, состоявший из обоза больных и раненых, который сопровождал Хасан-паша, сын Джамбулата. Однако турки прошли без поражения и, преодолев тысячи опасностей и невзгод, в конце концов достигли Эрзурума. Сюда Мустафа-паша в обозе привез двух сыновей вдовствующей принцессы Десмит — Менучира и Александра, которых должны были послать заложниками в Константинополь. Обо всем этом паша отослал подробный отчет султану Мураду, и войска были распущены по домам; но в то время как Мустафа стал на отдых, шах Персии Мухаммед Худабенде и его сын принц Хамза не сидели сложа руки.

По призыву турок упомянутый выше Адиль-Гирей, храбрый юноша, принц крымских татар, заключил союз с султаном против царя Персии и поэтому собирался двинуться в Грузию во главе прекрасной армии своих земляков, проживающих вокруг Азовского моря и на холмистом побережье Черного моря. По приказу Мустафа-паши и султана Мурада Осман-паша направил этому принцу письмо с предписанием, чтобы татарская орда разорила и опустошила территорию провинции Ширван, что Адиль-Гирей и сделал. Весть об этом достигла Казвина, где пребывал Мухаммед Худабенде со своим сыном принцем Амиром Хамзой, иначе известным как Хамза-мирза. Долго совещались и обсуждали вопрос о том, что лучше предпринять персидскому правительству. Для шаха и его совета придворных было совершенно ясно, что в суровое зимнее время из Константинополя ждать помощи не придется: тяжело будет тем, кто остался защищать завоеванные Мустафа-пашой крепости в Грузии. Поняв это, принц Хамза решил двинуться в Ширван с войском в 12 тысяч всадников. Его целью было отбросить татар Адиль-Гирея и одновре-

менно наказать те города Ширвана, жители которых без уважительной причины и крайней необходимости, по своей воле перешли на сторону захватчиков. Так поступило население Шеки и многих других городов.

Во время этой кампании Бегум (жена шаха Мухаммеда Худабенде), мать Хамза-мирзы, настаивала на том, чтобы сопровождать сына. Хотя все ее сыновья были взрослыми и в опеке не нуждались, она была женщиной на редкость рассудительной, к тому же, будучи немолодой, все еще выглядела красивой. Первый министр Мирза Салман также сопровождал Хамза-мирзу в этом походе. Двигаясь через Ардебиль, персидская армия достигла Кара-агача, где был сделан привал по нижеследующей причине. Арас-хан⁴⁰ и другие знатные люди Ширвана недавно покрыли себя позором, ведь турки стали хозяевами в их родных очагах, превратив их самих в изгнанников и бродяг. Теперь они получили известие о связях, установленных между татарским принцем Адиль-Гиреем и Осман-пашой, и об инструкциях Осман-паши в его адрес. Поэтому Арас-хан и его соратники посоветовались и, собрав достаточное количество сил, двинулись на поле битвы с намерением нанести отвлекающий удар в пользу своего повелителя — персидского царя. Однако Арас-хану не удалось осуществить свои планы, так как татарский хан разгадал все его замыслы и, двинувшись против персов, внезапно обрушился на Арас-хана и его войско, разбив их наголову. Арас-хан был взят в плен, послан к Осман-паше и повешен. Весть о разгроме Арас-хана дошла до принца Хамзы, когда он подходил к Арешу. Перед тем его войска пополнились свежими подкреплениями в 10 тысяч всадников, и он выяснил, что турецкого правителя Ареша Кайтаса-паши не было в городе, он находился в походе с целью грабежа и опустошения близлежащих местностей. Поэтому Хамза-мирза решил воспользоваться удобным случаем и нагрянуть на город. Предприняв внезапную атаку, он уничтожил около 7 тысяч турок из гарнизона и овладел городом Ареш. Он отослал в качестве добычи своему отцу в Казвин 200 пушек, как было сказано, оставленных в крепости Мустафа-пашой. Воодушевленный успехом, Хамза-мирза оставил свою мать Бегум в Ареше и двинулся к Шемахе, где его прибытие было неожиданным. Его приближение осталось незамеченным, и он появился внезапно на виду лагеря татарского принца Адиль-Гирея. Для ведущих войну с сильным противником они были удивительно неосторожны. Их стоянка была выбрана неудачно и не было выставлено часовых. Хамза-мирза решил действовать быстро и тотчас атаковал, что оказалось весьма удачным, ибо в войне быстрота — мать успеха. Когда татары, вначале ошеломленные, пришли в себя, они об-

⁴⁰ Арас-хан Румлу, сефевидский правитель Ширвана. Видя огромные силы Мустафа-паши, счел благоразумным оставить Ширван и отступить на юг от Куры, где дожидаясь подхода главных кызылбашских войск.

наружили, что более половины их уже перебито, а их принц Адиль-Гирей взят в плен⁴¹. Его Хамза-мирза под усиленной охраной отправил к своему отцу в Казвин.

Принц Хамза не удовлетворился этой победой над татарами, а, продолжая поход, совершил успешное нападение на Шемаху, куда правителем был назначен Осман-паша. Паша сумел вовремя спастись бегством из города и скрыться в Дербент, но при этом ему пришлось бросить всю свою артиллерию. Теперь его персидские союзники — жители Шемахи остались без защиты. Вступив в город, принц Хамза наложил тяжелую повинность на всех жителей и стал сносить городские стены. Затем он двинулся обратно в Ареш, где оставил свою мать Бегум, и, взяв ее с собой, триумфально вошел в Казвин с богатой добычей, захваченной у турок и татар. Здесь он провел всю зиму того года.

К этому времени произошли два события, заслуживающие здесь упоминания из-за последующих происшествий в районе Грузии. Как мы уже сказали, татарский принц Адиль-Гирей был в это время военнопленным в Казвине. Он был младшим братом татарского хана, великого принца и монарха татар Крыма. Через некоторое время шах Мухаммед Худабенде перестал относиться к татарскому принцу как к пленному, а проявлял к нему доброту, как к другу и близкому. И в самом деле, его намерением было выдать за него замуж одну из своих дочерей и этим династическим родством установить дружественные отношения между персидскими подданными и татарским народом. К несчастью, именно в это время была раскрыта постыдная измена, а именно, что Адиль-Гирей осмелился поднять глаза на Бегум, супругу шаха Мухаммеда Худабенде и мать Хамза-мирзы. Потом распространился слух, что царица ответила ему взаимностью и что дело кончилось запретной связью. Когда это стало известно некоторым придворным, глубоко возмущенные великим позором, они тайно сговорились и однажды ночью прорвались во дворец, предали смерти царицу и ее любовника — татарского принца. И тотчас за границу известили об этом, чтобы открыто объяснить и оправдать свои действия. Все, о чем здесь говорилось, является пересказом событий, имеющих у Томаса Минадои в его «Истории». Но, по нашим сведениям, в действительности все было иначе — а именно, что эти придворные были движимы мелкими чувствами зависти по отношению к татарскому принцу, чувствами, которые появились у них при виде привязанности к нему шаха Мухаммеда Худабенде. Поэтому эти люди опасались, что, если шах сделает Адиль-Гирея своим зятем, — а он и в самом деле хотел вскоре это сделать, — тогда татарский принц

⁴¹ Согласно сефевидским источникам, Хамза-мирза все это время оставался в Карабахе вместе со своей матерью и не принимал личного участия в военных действиях в Ширване и в битве при Моллахасане у р. Ахсу 28 ноября 1578 г., где был разбит и взят в плен крымский хан Адиль-Гирей. Адиль-Гирей был старшим братом и наследником крымского хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584).

приобретет влияние в Персии, в ее государственных делах. Вследствие этого они, не желая, чтобы чужестранец добился власти, убили его и, под предлогом его скандальной связи с царицей, предали смерти и ее, хотя и невинную, жертву бесчестных замыслов ее крайне завистливых подданных⁴².

Другое важное событие этого времени связано с Осман-пашой. Будучи в большой дружбе с Шамхалом, упомянутым грузинским принцем⁴³, он вынудил того выдать за него, Османа, одну из своих дочерей. Старый принц Шамхал волей-неволей сделал то, что было приказано, но совесть мучила его, что его новым зятем стал не кто иной, как главнокомандующий войск турецких захватчиков и заклятый враг всех его единокровных друзей и родственников. Шамхал, как я сказал, стал тайно проявлять склонность к союзу с персами. С помощью новой жены Осман-паша узнал об этом, завлек бедного тестя к себе и обезглавил его. И это должно было быть предупреждением всем тем, кто в будущем захочет довериться слову неверного турка.

В следующем году султан Мурад, по совету Осман-паши, прислушиваясь к друзьям Мустафа-паши в Константинополе — последний все еще находился в Эрзуруме, — решился на более энергичные действия. К этому его толкал татарский хан, государь Крыма, который стал неприемлемо враждебен к персам после недавнего убийства его брата Адиль-Гирея, но который, тем не менее, никогда не смог бы выполнить обещанного. По приказу султана в первую очередь должна была быть проложена и благоустроена дорога из Эрзурума в Грузию, и для проведения этих работ были разосланы соответствующие указания для доставки сюда землекопов и каменотесов из Алеппо, Дамаска и Амида, а также из Сирии, Месопотамии и Египта. К этому времени Менучихр, находившийся все еще в плену в Константинополе, стал мусульманином, переменяв религию и сменив имя на Мустафу, и получил титул паши Алтун-калы. Однако его брат Александр отказался стать изменником, и тогда султан Мурад передал его как пленника в руки мусульманина Мустафы, разрешив ему поступить с Александром, как он хочет. Поэтому Мустафа, взяв Александра под усиленную стражу, оставил Константинополь и отправился на родину в свои владения в Грузии, где он должен был теперь править как вассал турецкого султана.

⁴² Была ли связь между двумя убийствами — шахини Махди Улья и Адиль-Гирея — вопрос, который не совсем ясен. Сефевидские хроники подают эти два события как не связанные между собой. Убийство Адиль-Гирея предшествует смерти Махди Улья. Исключением является сообщение Шереф-хана Бидлиси, который пишет: «Кызылбашские эмиры испугались могущества той-Хатун (т. е. шахини) и стали обдумывать, как ее устранить. Под конец они решили приписать ей любовную связь с Адиль-Гирей-ханом татарским и обоих убить».

⁴³ Здесь Орудж-бек, видимо, ошибается, называя Шамхала грузинским принцем, так как выше он назвал его владельцем горы Брус (очевидно, имеется в виду Шамхал Тарковский, дагестанский владетель).

Тем временем царь Персии Мухаммед Худабенде не бездействовал, а в предвидении грядущих событий назначил правителя Гянджи Имамкули-хана главнокомандующим всех своих войск, послав ему указания выступить против Осман-паши и вытеснить его из Дербента. Вместе с тем шах издал указ о том, чтобы полководцы — правитель Тебриза Амирхан, правитель Еревана Токмак, правитель Нахичеваня Шереф-хан — соединили с ним свои силы и служили под его началом. Шах также приказал сыну покойного принца Шамхала примкнуть к ним со своими людьми, но тот уклонился и не пожелал подчиниться воле шаха. В это время произошли два события, которые для персидского монарха были неожиданными. Первое — то, что Давид-хан, к которому шах благоволил с той поры, как он стал мусульманином и ренегатом, без всякой видимой причины сбежал с персидских земель и примкнул к туркам, добровольно став вассалом султана Мурада. Второе — что брат Давид-хана Симон, который был брошен в тюрьму шахом из-за того, что отказался изменить христианству, во время своего заключения под влиянием злонамеренных людей, в конце концов, отказался от своей веры, отрекся от Христа. Итак, став мусульманином, он был освобожден, получив обратно свои владения и титул хана. С целью оказания должной и действительной помощи персидскому главнокомандующему Симон-хан примкнул со своими силами к Аликули-хану, принеся с собой много пушек, которые были отбиты у турок. Затем с 3 тысячами всадников он стал опустошать и грабить те земли турецкой Грузии, которые лежали вблизи и вокруг его собственных владений.

Глава седьмая,

повествующая о действиях ренегата Симона и Аликули-хана против турок и о том, что совершили войска Мурада III под командованием Менучихра

Выполняя приказ своего повелителя султана Мурада, Мустафа-паша собрал вместе саперов и каменщиков, посланных к нему в Карс из Мемфиса в Египте, который известен также как Каир, из Дамаска и других частей империи, и приступил, как ему было приказано, к постройке крепости в Карсе. Затем он отправил подкрепления в Тифлис под командой Хасан-паши, превосходного полководца, более известного под именем паши Дамаска. Он был сыном великого везира Мухаммеда [Соколлу], который в то время управлял государственными делами в Высокой Порте. Вместе с ним отправился Ризван-паша во главе отряда добровольцев. Симон и Аликули-хан (персидский главнокомандующий) имели сведения о прибытии этих подкреплений, и было получено сообщение о том, что общее число турок не превышает 8 тысяч человек, — хотя эта цифра

была ошибочной, ибо на самом деле их число превышало 20 тысяч — Симон и Аликули-хан расположились в засаде между Тифлисом и Туманисом и, выбрав, как им казалось, удачный момент, внезапно напали на передовые силы турок, нанеся им большой урон. Среди погибших был Мустафа-бек из Кесареи (Мазак) в Карамане, выдающийся человек, и его знамя также было захвачено.

Для Хасан-паши потеря людей была не так оскорбительна, как потеря чести, и он для ответного удара притворился, будто бы полностью разгромлен в результате внезапной атаки персов; таким образом, ему удалось выманить своего противника из укрытий в лесах и ущельях. Стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, Аликули-хан опрометчиво бросился на турок и вскоре оказался окруженным вражескими войсками, которые его соратник Симон, спеша к нему на помощь, не сумел разбить. Располагая превосходящими силами, Хасан-паша уничтожил множество персов и грузин. Был захвачен в плен сам Аликули-хан, а Симон только по случайной случайности избежал той же участи⁴⁴. Хасан-паша был очень доволен этим захватом и, отдохнув на стоянке двенадцать дней, бросил свои силы в Тифлис, где турецкий гарнизон крайне нуждался в помощи. Хасан-паша счел целесообразным сменить командование в Тифлисе, сняв с поста Мухаммед-пашу, он назначил правителем Ахмед-пашу Хаджибек-оглу, дав ему 3 тысячи человек, пополнивших силы гарнизона. Ввиду того, что крепость казалась ему недостаточно сильной и обороноспособной, он по возвращении захватил с собой всю военную казну с большей частью запасов.

Хасан-паша отправился в обратный путь в Эрзурум, а Симон, очень расстроенный захватом своего любимого друга Аликули-хана, любой ценой твердо решил добиться его освобождения: силой или хитростью. Он закрыл путь в Туманис, чтобы вынудить Хасан-пашу остановиться и дать ему бой, так как другого пути через горы не было. Турки поняли, что они могут проложить себе дорогу через перевал только ценой большой задержки и людских потерь. Хасан-паша оказался в тяжелом положении, но нашел выход в коварстве и хитрости, к которым всегда прибегали полководцы. Он послал письмо Симону, обещая освободить для него его друга Аликули-хана, если Симон обеспечит туркам безопасный проход в Эрзурум. Симон, к сожалению, поверил обещанию турка, и Хасан-паша со своим войском получил беспрепятственный проход.

⁴⁴ Дон Жуан говорит о пленении Аликули-хана, «известного человека, выдающегося воина», турками в битве между Тифлисом и Туманисом в Грузии, в которой участвовал и Симон. Пленник был отправлен в Эрзурум, где содержался очень строго. Видимо, Дон Жуан вновь имеет в виду Имамкули-хана Каджара, *беглярбека* Карабаха, который действительно сражался вместе с Симоном против Мустафа-паши во время его возвращения из Ширвана, т. е. в Грузии в 1578 г. Было убито 20 тысяч турок и захвачены трофеи, но в плен к туркам Имамкули-хан не попадал и в дальнейшем принимал активное участие во многих событиях, так, например, в борьбе с османскими и татарскими войсками, участвовал в обороне Тебриза в 1586 г., и т. д.

Но паша отправил вперед своего пленника, бесчестно отказавшись от выполнения данного им слова. Разгневанному этим коварством Симону ничего не оставалось, как только спешно последовать за ним. Затем, собрав все свои силы, Симон обрушился на турецкий арьергард, захватил часть ценностей войсковой казны, перебив сопровождавший ее эскадрон. Тем не менее, Хасан-паше удалось продолжить свое отступление, избежать плена и, в безопасности доведя своих людей из головного отряда до Эрзурума, он вручил остатки казны Мустафа-паше, поместившего ее в крепости.

До настоящего момента изложение исторических событий в этой книге составлено из надежных источников и с помощью моих друзей (лиценциата Ремона и других, помогавших мне в составлении этой книги), но мое последующее повествование в значительной мере основано на том сообщении, которое дал мне в минувшие дни мой отец, Султана-ли-бек Баят, принимавший славное участие во всех событиях, о которых будет рассказано ниже.

Мустафа-паша сообщил обо всем происшедшем за последний год султану Мураду, выразившему свое одобрение возведенным в Карсе укреплениям: он рекомендовал обратить особое внимание на то, как освобождали Тифлис. В знак своего высокого одобрения султан Мурад послал почетный парчовый халат для паши, добавив оружие для Хасана. Поступило указание, чтобы Аликули-хана хорошо сторожили в плену, так как он был известный человек и выдающийся воин. Для царя Персии печальным было известие о том, что многие грузинские правители ради мира с турецким султаном вынуждены были изменить ему, несмотря на все усилия Симона в разных частях страны предотвратить подобный ход событий. Вот почему шах Мухаммед Худабенде стал опасаться за будущее, и особенно за Тебриз: как бы он не подвергся нападению, когда весь Ирак неминуемо окажется под угрозой. По совету и предложению Искендера Левенд-оглу шах решил послать посольство с мирными предложениями в Константинополь: но его посол вернулся назад, ничего не добившись. Тем временем шах Мухаммед Худабенде приказал продолжать набеги на территорию врага, стремясь поощрить тем самым грузинских правителей, державших его сторону, а также чтобы в Константинополе думали, что его казна полна монет и он готов продолжить войну, но эти усилия имели больше показное значение, нежели достижение реального результата. Затем шах нанес благочестивый визит к могилам своих предков, пройдя через города Султанийе, Зенджан и Мияне и другие места, и, возвратившись в свою столицу Казвин, отдал приказ о сборе в городе Тебризе всех войск, каждого эскадрона во главе с командиром для подготовки нового похода.

Как раз в это время Синан-паша, полный великолепия и славы, прибыл в Тифлис, чтобы временно принять на себя командование, так как поступило известие, что в Константинополе султан Мурад уже назна-

чил его великим везиром. Воодушевленные оказанной их командующему высокой честью его военачальники тотчас решили предпринять широкие военные действия против грузин, которые в это время опустошали округу. С этой целью *ага янычаров* Дамаска Тал-оглу и бывший правитель Сафеда [в Палестине] Омар выступили для отражения набегов грузин. Принц Симон, однако, узнал о намерениях турецких военачальников и то, что их отряды выступили беспорядочно и что их небольшое число, внезапно напал на них и устроил такую великую резню, что спасся лишь *ага янычаров*, так как он был проворен на ноги. Прибыв в Тифлис, Синан-паша доставил подкрепление и солдат, частично сменивших гарнизон, а крепость отдал под начало грузинского ренегата Юсиф-бека. Когда Синан был в Тифлисе, Искендер Левенд-оглу предложил паше свою службу, был благосклонно им принят, и ему был вручен ценный подарок: подобная же милость была проявлена к другим грузинским правителям. Затем Синан-паша направился в Константинополь. На обратном пути в Карс авангард турецкого войска во главе с командирами вышел напоить лошадей и заpastись фуражом. Они подверглись внезапному нападению Токмака, объединившему свои силы с Симоном и, таким образом, оказавшемуся во главе персидского войска в 8 тысяч человек. В этой стычке было убито 7 тысяч турок и ни один фуражир не спасся бы, если бы Синан-паша своевременно не подоспел с главными силами армии. И вот, преследуя отходящую персидскую кавалерию, Синан-паша догнал и уничтожил 50 человек: затем он велел отрубить им головы, насадить на концы копий как знак великой победы.

Прибыв в Триала (находящийся на полпути в Карс), Синан-паша узнал от своих агентов, что шах Персии лично движется вслед за ним. Это известие повергло в замешательство турецкую армию, опасавшуюся внезапного нападения, но Синан-паша быстро восстановил порядок, велел носильщикам подготовить снаряжение, выстроил свои войска в боевом порядке, установил впереди них 50 пушек. Вместо ожидаемого появления шаха и нападения персидской армии, к его удивлению, с персидской стороны прибыл посланец шаха с предложением о мире. Главным условием договора было предложение об оставлении за турками в неприкосновенном владении Тифлиса и Карса: в результате предлагалось мирное соглашение. Синан-паша не мог дать определенного ответа, ибо он не имел полномочий от султана. Правда, он оказал послу гостеприимство, затем проводил его в Карс, откуда направил его дальше, в Константинополь. Хейдар-ага, так звали персидского посла, вернулся своевременно, добившись предварительного одобрения соглашения, и это радостное известие он доставил своему повелителю. Тогда шах Персии назначил более опытного Ибрагим-хана полномочным послом, который был немедленно отправлен в Константинополь.

По прибытии он застал султана Мурада в праздновании и торжествах по случаю обрезания сына — принца Мухаммеда, который должен был

стать его преемником на троне. В день важных церемоний для мирного соглашения с персидским послом ничего определенного решено не было, хотя султаном была дана ему официальная аудиенция. Турки тайно решили поиздеваться над персами, что состояло в том, чтобы пригласить их занять места, откуда они могли бы удобно наблюдать процессию и церемонии: турки решили установить дощатый барьер таким образом, чтобы в последний момент прохождения процессии тот обрушился и опрокинул бы персидского посла и его свиту вниз, на дорогу, что, естественно, вызвало бы смех всех зрителей. Так и вышло, и послу пришлось проглотить оскорбление, будучи не в состоянии ответить на него. Вскоре после этого он стал просить определенного ответа на свои предложения, но султан Мурад ничего не ответил, приказав отослать посла обратно в Эрзурум как пленника и держать его там под строгой охраной, пока из Константинополя не последуют дальнейшие указания.

В начале следующего года султан Мурад отдал приказ о сборе новой армии, хотя вопреки совету великого везира Синан-паши султан отверг все возражения и назначил главнокомандующим новой армией Мухаммед-пашу, племянника того Мустафа-паши, который всегда был соперником Синана у власти. Итак, этот Мухаммед отправился в Эрзурум с титулом паши и рангом главнокомандующего: поступили указы о смещении Ризван-паши, бывшего до этого времени там у власти. Для присоединения сил к Мухаммед-паше были направлены паши Алеппо и Мараша в Сирии: эти два командира на зимовку остановились в городе Ван. Мухаммед-паша выступил маршем в Тифлис совместно с евнухом Хасаном (бывшим пашой Амида в Месопотамии) и ренегатом Мустафой, который прежде был известен как грузинский принц Менучихр. С ними также пришли различные курдские военачальники из районов Эрзурума: имея, таким образом, под своей командой армию в 25 тысяч человек, Мухаммед-паша вторгся и стал завоевывать грузинскую провинцию, бывшую родиной принца Менучихра. Персы вскоре получили известие о прибытии в Грузию Мухаммед-паши, и хотя они не могли открыто действовать против турецкой армии ввиду мирного договора с турецким султаном, вокруг которого переговоры еще продолжались, но тайно — переодетые на грузинский манер и под началом Симона и других грузинских военачальников смогли воспрепятствовать движению войск Мухаммед-паши, который, однако, вначале сумел уклониться от их нападения. Но позже, при переходе реки Куры (Курус), персы столкнулись с турецкой армией, перебили их немало, овладев войсковой казной и разграбив снаряжение. Вот почему турки достигли Тифлиса в некотором беспорядке.

Вступив в крепость Тифлиса, Мухаммед-паша оказался перед лицом мятежа своих солдат, потребовавших распределения суммы в 30 тысяч дукатов среди войск в счет жалованья армии, и по получении денег эти последние приступили к дележу дохода с солдатами гарнизо-

на. Оставив в крепости часть своих людей, паша отправился назад из Тифлиса, успев сменить Омар-пашу на Юсиф-бека (грузина) и на посту правителя города. Мухаммед-паша расхотелся во мнении с курдскими командирами по поводу выбора обратного пути в Эрзурум. Они настаивали, что самым безопасным будет пройти по ущелью Туманис, тогда как он намеревался пройти через Алтун-кала. В конце концов все пошло по разным дорогам: прибыли вместе и объединили силы в Карсе. Здесь паша созвал тайный совет — или, как говорят турки, *диван* — и этот совет должен был обсудить, был или не был в прошлом ренегат Менучихр замешан в измене: паша был убежден, что именно из-за его предательства так много несчастий свалилось на турок во время кампании. Совет пришел к решению, что его предательство очевидно и что он достоин смерти, и Мухаммед-паша надеялся, что этим суровым актом справедливости он заслужит одобрение своего господина султана Мурада и загладит все свои прежние ошибки. Но все обернулось вопреки ожиданию, и о том, что случилось, сейчас будет рассказано. Совет собрался, обсудил и вынес решение, что Менучихра надо убить: Мухаммед-паша послал за ним, и по письму паши он явился, уже предупрежденный обо всем. Спрятав оружие под одеждой и оставив у дверей помещения, где заседал совет, свой хорошо вооруженный отряд из грузинских солдат, он вошел в зал.

Мухаммед-паша пригласил его сесть, чтобы он мог выслушать официальное сообщение от султана Мурада, который отдал приказ, чтобы он, Менучихр, был отправлен тотчас в Константинополь под арест. После этого Менучихр [выслушав официальное сообщение], ответил, что он пойдет немедленно, и встал. Они вновь предложили ему сесть, но этого он не сделал. Главный стражник Мухаммед-паши схватил его за рукав, но, предвидя опасность, Менучихр вытащил свой меч и зарубил одного из приближавшихся прислужников паши. К нему подошел евнух Хасан-паша из Амида, но лишился уха и части щеки: только благодаря своему тюрбану, смягчившему силу удара, он не был убит. Мухаммед-паша сам получил пять ран, которые сочли смертельными, хотя позже он поправился. Менучихру удалось вырваться из рук [стражи, он] сел на коня и был таков. Турецкая армия, не понимая, что произошло, топорливо стала под ружье, но пока солдаты ничего не предпринимали. Затем несколько человек занялись ранеными. В официальном донесении, посланном с курьером, султана Мурада информировали обо всем, что случилось. Султан разгневался, узнав подробности происшедшего, взвалил всю вину на великого везира Синана-пашу, который, как он сказал, все время плохо его информировал. И тогда он освободил Синана от должности, назначив великим везиром Сиявуш-пашу, венгра по происхождению, и, таким образом, проявил благосклонность к христианам.

Царь Персии, получив известие об этих событиях, был уверен, что турки в течение следующего лета будут связаны по рукам в Грузии, ре-

шая дела с Менучихром, и им будет трудно перебросить какие-либо свободные силы в Тифлис. Почувствовав свою безопасность в этом районе, он назначил Амир-хана командующим западным фронтом, дав ему указания о том, что если турки начнут наступление, ему следует немедленно отразить его. Потом шах Мухаммед Худабенде с туркманскими союзниками и другими войсками выступил маршем из Казвина в Герат, чтобы привести в покорность своего сына Аббас-мирзу, а сейчас настало время и место объяснить причины происходящего.

Глава восьмая,

в которой выясняется причина, почему царь Персии пошел в Герат против своего сына, Аббас-мирзы; как Мирза Салман был наказан; как Фархад-паша был назначен главнокомандующим в Эрзуруме

В предыдущей главе речь шла о событиях на грузинском фронте: царь Мухаммед Худабенде возвратился в Казвин, где он собрал армию в 20 тысяч конных. Выступив маршем, он имел слева провинцию Гилян на Каспийском море, справа — Шираз и Кашан. Потом, пройдя область Мазендеран и города Семнан, Дамган и Вистам, он прибыл в Себзе-вар — первый город на западной границе области Хорасан. Отсюда царь послал приказ и предписание правителю этого города, управлявшему от имени принца Аббас-мирзы, чтобы он оставил свой пост, но получил отказ. Тогда царь приказал захватить город, и, используя лестницы, его солдаты вскоре ворвались в крепость, захватив правителя в качестве пленника. После этого они отрубили ему голову. Следуя дальше, армия увела с собой гарнизоны, обнаруженные в Нишапуре, Мешхеде, Туршизе и Турбат-и Хайдери, в то же время наказывая тех правителей городов, которые не проявляли лояльности к царю: вскоре армия прибыла в Герат — сильно укрепленное место, расположенное на высоте, защищенное стенами и каналами-рвами, наполненными водой из ручьев, так как в прошлом Великий Тамерлан полностью отстроил город.

Теперь Аликули-хан Шамлу в Герате держал молодого принца Аббас-мирзу в своей власти, и в действительности он был главной причиной всех бед. Как уже отмечалось выше, Томас Минадои полностью позаимствовал сведения об этих и других событиях из турецких источников, а о событиях в Герате он был плохо осведомлен, и поэтому то, что я расскажу, сильно отличается от того, что он написал в своей «Истории». Но факты именно таковы, какими я их подаю, так как мой отец присутствовал там лично в то время, а с ним и многие наши родственники.

Аликули-хан тогда, как оказалось, держал Аббас-мирзу в полном своем подчинении, принца, бывшего вторым наследником шаха Мухамме-

да Худабенде, принца, который не мог еще, по причине своей молодости, определить сущность собственной политики. Намерением Аликули-хана было повлиять на принца так, чтобы он, Аликули-хан, оставался фактически независимым регентом великой западной провинции Хорасан и чтобы всегда демонстрировал свою непокорность шаху, а это в Персии считается тяжким преступлением и влечет за собой немедленное наказание. Намереваясь наказать его за преступления, шах вместе с принцем Хамза-мирзой тогда дошел до Герата, города, который теперь осадила царская армия: шах, как было сказано, уже расправился со многими мятежниками, когда проходил по этой земле. Но Герат, надежно сооруженный, был хорошо защищен, и осада длилась три месяца, ибо Аликули-хан хорошо снабдил крепость провизией. Дела шли неблагоприятно, и стало очевидным, что взять Герат невозможно: далее пришли вести о том, что султан Мурад вновь готовится к захвату Западной Персии. Таким образом, самым благоразумным было оставить осаду Герата, по крайней мере, на время. Причина настоящего положения дела была, однако, хорошо понята всеми придворными. Они видели, что кампания с самого начала была плохо руководима и какие огромные суммы потрачены бесполезно, и относили это целиком на счет Мирзы Салмана, великого везира, который с самого начала убеждал шаха предпринять этот неудачный поход.

Тогда придворные собрались, чтобы держать совет, и возложили дело на некоего человека по имени Шабдах Султан⁴⁵. Под предлогом сделки, которую необходимо было заключить с везиром, он вошел к нему и тотчас заколол его насмерть. Мятеж среди войск вскоре был подавлен, и шах с принцем Хамза-мирзой, повернув назад из Герата, двинулись маршем прямо в Казвин, в столицу. Томас Минадои сообщает в своей «Истории», что Мирза Салман отдал одну из своих дочерей в жены принцу Хамза-мирзе, так как у него был честолюбивый план, чтобы его внук и правнук после этой женитьбы могли оба стать царями Персии. Отсюда следует, что он советовал царю взять на себя кампанию в Герат, с тем чтобы он мог добиться заключения в тюрьму или смертного приговора Аббас-мирзе. Минадои утверждает, что, когда царская армия достигла Герата, принц Аббас написал прямое объяснение своему отцу и брату, из которого измена Мирзы Салмана — или Салмаса, как Минадои всегда неверно называет его, — становилась очевидной. Таким образом, мирное соглашение оказалось возможным между принцем, его отцом и старшим братом; и затем последовал приказ отрубить голову везирию. Но все, сообщенное Минадои, противоречит в действительности происходившему, ибо Мирза Салман никогда не отдавал дочь в жены принцу Хамзе. И Хамза-мирза не достиг тогда еще возраста, чтобы вести

⁴⁵ Это имя, как и некоторые другие имена, нам неизвестно; видимо, оно искажено у Дон Жуана.

войну. И Мирза Салман не был обезглавлен по приказу царя: в действительности все происходило так, как я об этом уже написал.

Но продолжим. Как уже отмечено, султан Мурад, услышав, что царь Персии целиком поглощен в Герате делами сына, принца Аббаса, назначил Фархад-пашу командующим армиями на персидском фронте, приказав продолжать войну в Грузии. Также он должен был теперь сделать попытку взять штурмом город Ереван, где правителем был Токмак-хан. Фархад-паше далее было приказано удержать и сильно укрепить дорогу из Карса в Ереван: и он должен был послать помощь войсками в Тифлис. Что касается недавних дел Менучихра — которого теперь называли Мустафой, — Фархаду-паше было предписано на время закрыть глаза на сделанное грузинским принцем, чтобы он не пошел против турецкой армии в будущих кампаниях, так как в будущем году султан намеревался атаковать Тебриз. Турецкая армия была теперь собрана: Фархад-паша оставил Константинополь и достиг Эрзурума, где был дан краткий отдых и состоялся общий смотр. Из Эрзурума армия выступила в Карс, и по пути паша решил, что некий замок, расположенный на важном горном перевале и известный туркам как Акче-кала («Серебряный замок»), должен быть сильно укреплен. Здесь был оставлен один из военачальников с достаточным количеством артиллерии и 400 воинами. Из Карса, где были оставлены свежие силы, армия двинулась и наконец достигла Еревана. Этот город расположен около очень высоких гор, которые большую часть года покрыты облаками и льдом, хотя внизу в долинах есть прекрасные пастбища для скота и великолепные нивы и пашни. Земля вокруг хорошо орошается водой из притоков, которые текут в Аракс.

По пути в Ереван были взяты города Нахичевань, Меренд и Суфиян; и Фархад-паша беспрепятственно, без единого достойного упоминания инцидента, обосновался вблизи Еревана и приступил к осаде этого города: защита была возложена на храброго воина — Токмак-хана. Персы, однако, не могли оказать достаточное сопротивление из-за очень большой разницы в живой силе. Грузины тоже не могли оказать помощь, ибо были заняты обороной Тифлиса: нельзя было ждать помощи от шаха Мухаммеда Худабенде и принца Хамзы. Так что волей-неволей Ереван должен был пасть, но капитулировал на условиях, которые с готовностью представил Фархад-паша, и Токмак затем эвакуировал город. Вступив во владение, Фархад-паша тотчас приступил к сооружению крепости на том месте, где Токмак выстроил свой дворец и развел прекрасные сады, так что на их месте появились сильные укрепления. Ереван теперь был отдан под командование Синан-паши, сына Чигалы, и Хасанбека, сына Джанбулат-хана, в качестве второго начальника города; и достаточное количество артиллерийских орудий, и 8 тысяч человек были отданы под командование Синана, сына Чигалы. Фархад-паша после этого вернулся из Еревана в Эрзурум.

Ереван — большой город, столица провинции, но в наши дни вот уже несколько лет им владеют турки. Первоначально действительно его всегда считали принадлежащим Персидской империи: здесь достаточно отметить тот факт, что он попал под власть османов, хотя ему следовало бы, конечно, оставаться неотъемлемой частью Персидского царства. Ереван лежит на границе Грузии, к северу от него расположен город Тифлис и Калдеран — богатая лугами земля (ниже слияния рек Аракс и Кура). По направлению к тропику Козерога (к западу) лежит город Ван, с озером Ван, которое в древности было известно как море Маркиана.

Как только Токмак-хан повернул от Еревана со своим гарнизоном, он собрал вместе войска, которыми мог командовать, и начал рейд по всей соседней области, в один день предавая мечу по сто человек турок, в следующий — двести, большинство из которых были посланы из ереванского форта для овладения близлежащими землями либо для добывания провизии. Именно в этот сезон случилось событие, ставшее почти насмешкой, хотя достаточно неприятное для султана Мурада. С тем, чтобы показать Менучихру, что султан вполне уверен в его лояльности, Фархад-паша получил приказание отправить 30 тысяч дукатов под его охраной — сокровище, которое он, Менучихр, должен был конвоировать как единственный человек, хорошо знакомый с горными переходами, в Тифлис, где деньги должны были быть вручены турецкому командиру крепости для платы гарнизону. Менучихр поспешно принял поручение и выступил по дороге в Тифлис вместе с охраной и носильщиками казны. Однако ему случилось столкнуться с изменником Симоном, и Бог вложил в их сердца сознание вины из-за постыдного обращения в ислам. Раскаяние нашло на них, их суровые сердца смягчились, и после долгого совещания друг с другом они твердо решили перебить стражников и носильщиков сокровищ и, таким образом, завладеть деньгами. Это великолепное намерение было тотчас приведено в исполнение, и двое грузин бежали, а о турецкой казне больше никто не слышал и никто ее не видел.

Новость о случившемся вскоре достигла Эрзурума, и Фархад-паша, с возможно меньшей задержкой, послал Хасан-пашу оказать необходимую помощь гарнизону Тифлиса. Взяв с собой эскадрон отборных воинов, которые могли дойти маршем из Эрзурума в Тифлис за двенадцать дней, он отправился и, не встретив по дороге никаких препятствий, привез в Тифлис из Эрзурума 40 тысяч дукатов. Дела, таким образом, были улажены: затем Фархад-паша собрал значительные силы, которые могли бы отомстить за оскорбление, нанесенное ему Менучихром и Симоном. Турецкие войска исходили все земли Менучихра вдоль и поперек, разорили всю округу, но не встретили никакого сопротивления.

Наступила весна 1584 года: шах Мухаммед Худабенде и его сын Хамза-мирза начали готовиться к маршу в Тебриз с большим числом войск. Узнав об этом, Фархад-паша, со своей стороны, немедленно запланиро-

вал усилить фортификации в Хое и перебросить в это место 8 тысяч человек с 200 небольшими орудиями под началом Али-паши из Греции. Далее, этот Али-паша получил приказание укрепить Шейтан-кале — что на их языке означает «Замок Дьявола» и который является сильным укреплением, лежащим в десяти милях от Хоя. Затем Фархад-паша пошел со своей армией в Туманис, который Симон недавно разрушил, — в городе не было ни одного орудия, с помощью которого люди могли бы защищаться. Под наблюдением Фархад-паши Туманис был сильно укреплен и расширен: гористая местность в ущельях перевала была скрыта и сровнена; было заложено основание огромной крепости с длинными стенами, которые окружили место так, что оно могло теперь вмещать гарнизон в 12 тысяч человек. В центре этого нового форта они соорудили огромную башню, разместив на ее башенках двести артиллерийских орудий. Это укрепленное место теперь господствовало над пограничным переходом из Армении в земли Грузии: поэтому все земли, окружавшие Туманис, получили достаточную защиту. Далее дорога, по которой по мере необходимости мог быть послан конвой в Тифлис, была также защищена: чтобы доказать, что это было так, как тому и следовало быть, Фархад-паша немедленно отправил Ризван-пашу в Анатолию вместе с пашой из Кара-Амида (т. е. Диярбакыра из Месопотамии) во главе 20 тысяч войска, которое за один день дошло из Туманиса в Тифлис, доставив казну и необходимое продовольствие. Одновременно был смещен правитель Тифлиса, и туда был послан Багли-паша для командования. Обратный марш войск в Туманис прошел без инцидентов.

Именно в это время Давид, брат Симона, явился к Ризван-паше, только что вернувшемуся из опустошенных земель Менучихра, показав свою лояльность султану Мураду, что доставило удовлетворение этим двум турецким пашам, так как Ризван гордился тем, что его использовали в качестве союзника и советчика. Симон, как только получил известие о том, что сделал его брат Давид, послал шпионов на разведку в лагерь Ризван-паши, но они принесли ему ложную информацию, сообщив, что турки немногочисленны. Симон после этого выступил маршем и, атаковав турок в лагере Ризван-паши, сперва привел их фланги в большой беспорядок. Весть об атаке достигла лагеря Фархад-паши, который, подняв под ружье своих воинов, пришел на помощь Ризвану, так как оба паши считали, что вся персидская армия пошла на них с самим шахом во главе. Благодаря замешательству и панике среди войск Симон получил возможность отступить, пока турки не узнали, как незначительны были силы атакующего их врага. Симон на деле предпринял эту демонстрацию со своими малыми силами, намереваясь, если возможно, отвлечь своего брата Давида от турецкого альянса, или, по крайней мере, испортить новую дружбу между ним и Ризван-пашой. Симон, однако, вскоре понял, что у него слишком мало людей, чтобы выполнить это намерение, и действительно, враг имел такое преимущество по числен-

ности, что Симон сильно рисковал быть окончательно разгромленным. Он отдал приказ об отступлении, причинив ущерб, какой мог, но опоздал, так как в конце сражения оказался на грани захвата в плен. Позднее оба турецких лагеря пришли в спокойное состояние, и правда об этом инциденте стала известна.

Наступала зима, и Фархад-паша, оставив Хасан-пашу с гарнизоном в 8 тысяч человек в новой крепости в Туманисе, приготовился к отправлению. Он, однако, твердо решил, что будет целесообразным по пути домой подать еще один пример и снова опустошить земли мятежника Менучихра. Поэтому он направил всю турецкую армию на зимовку в эти местности перед тем, как выступить в обратный путь в Карс и Эрзурум. Намерение паши отложить, таким образом, возвращение домой вызвало ропот его людей, не понимавших цели такого отлагательства, и турецкая армия пошла вперед, прибыв через три дня поспешного марша в Триала. Здесь нужда и голод обрушились на турок из-за недостатка продовольствия, так как население ушло в горы. То же самое случилось в Ахалкалаки по соседству, в Алтун-кале и в Клиске, где люди так сильно страдали от голода, что 3,5 бушеля зерна — что равно венецианскому *stai*a — стоили 50 дукатов. Два полка янычар и часть пехоты из Константинополя взбунтовались, но были успокоены усилиями Вейса, паши из Алеппо. Фархад-паша попытался взять штурмом крепость Алтун-кале, которая хорошо обеспечивалась провизией, намереваясь затем построить для своих войск сильное укрепление в Клиске, но его люди разрушили все его планы, вновь подняв мятеж и угрожая ему смертью. Фархад-паша вынужден был пойти маршем в Ардахан, и здесь грузины предприняли рейд, атаковав женщин паши в повозках, охраняемых евнухами, и их конвой был разграблен. Говорили, что это были не грузины, а мятежные янычары. В Константинополе Фархад-паша потерял всякий авторитет из-за того, что позволил себя так ограбить.

Фархад-паша наконец достиг Эрзурума, где его войска были распущены на зимние квартиры. И вот случилось другое событие, которое привело к полной дискредитации паши. Персидскому генералу Аликули-хану, который, как уже говорилось, был захвачен в плен и заключен в тюрьму и для безопасности содержался в крепости в Туманисе, удалось бежать и благополучно достичь Персии; это сильно разгневало султана Мурада. В Персии же развивались иные события, близко касавшиеся потери шахом Тебриза: этот город в самом деле был взят у него, и подробности этого ужасного события будут рассказаны читателю в свое время. А произошло вот что: Амир-хан в это время удерживал власть в Тебризе; он был главным ханом и эмиром племени *туркман* и великим солдатом. По неизвестной причине Амир-хан отправился в некий сильно укрепленный замок, который он приказал выстроить в Тебризе, и дал знать, что склонен передать командование в руки шаха (который, как отмечалось выше, прибыл из Казвина). Предполагали, что за всем этим

был заговор против шаха Мухаммеда Худабенде, но ничего нельзя было доказать. Как само укрепление, так и окружающая местность, где расположились лагерем люди Амир-хана, были очень хорошо укреплены, и как только шах и принц Хамза во главе своих армий вошли в Тебриз, всем стало известно о восстании Амир-хана. Тогда царь послал моего отца, Султанали-бека, к Амир-хану, чтобы, если возможно, склонить его к покорности. Мой отец успешно выполнил поручение, и после небольшой задержки ему удалось убедить Амир-хана появиться в присутствии царя, но тот, будучи в гневе, тотчас приказал арестовать его и препроводить, как пленника, под сильной охраной в замок Кахкаха. По прибытии туда, или, как некоторые свидетельствуют, по пути туда, Амир-хан был предан смерти, и случилось это по указанию царя.

Именно в это время султан Мурад назначил Осман-пашу главнокомандующим армиями [в Грузии на место Фархад-паши], хотя великий везир в Порте, Сиявуш-паша, сделал все возможное, чтобы противостоять воле султана, так как он был явным врагом Осман-паши. Поняв, что намерение султана в этом деле должно быть выполнено беспрекословно, великий везир был вынужден согласиться с назначением и послал официального осведомителя к Осман-паше, который тогда находился в Шемахе. Однако, обнаружив, что он не может открыто препятствовать назначению Османа на место Фархада как главнокомандующего в кампании против Персии, Сиявуш-паша тотчас твердо решил организовать заговор, чтобы добиться смерти Осман-паши, и это должно было осуществиться следующим образом. Осман-паша некоторое время посылал жалобы султану Мураду на Кумана⁴⁶, принца крымских татар, который, как он писал, был худшим из соседей, всегда угождавшим персам и никогда не оказывавшим должного почтения османскому государю. Эти жалобы Осман-паши, однако, будучи написаны и отправлены с послом, никогда не доходили до султана Мурада, так как татарский принц взятками подкупал великого везира Сиявуш-пашу, подчинив его своим интересам, и тот держал у себя все, что отправлял Осман-паша. Султан Мурад же считал татарского принца своим хорошим другом и союзником.

События складывались благоприятно, и Сиявуш-паша написал татарскому принцу, который находился в городе Кафе⁴⁷ на Азовском море, что, если тот хочет поддержать мир с султаном Мурадом, он должен помешать Осман-паше прибыть в Константинополь, чтобы тот не смог узнать секрета, существовавшего между двумя этими людьми, и раскрыть их интригу с целью ввести в заблуждение султана. Поэтому, как писал великий везир, было бы удобно теперь убить Осман-пашу и при-

⁴⁶ В это время у власти в Крыму находился Мухаммед-Гирей, а не «Куман». В 1584 г. ханом стал Ислам-Гирей и оставался им до 1588 г.

⁴⁷ Феодосия во II половине XIII в. была переименована в Кафу, с 1783 г. снова называется Феодосией.

дать этому видимость несчастного случая: отряд татарских всадников должен быть послан в земли Колхиды и Иберии, где они смогут напасть на Осман-пашу и убить его. Он, везир, затем без труда убедит султана, что содеянное — дело рук людей из кочевых племен мингрелов или грузин, или московитских разбойников. Так был составлен заговор, а Осман-паша, получив официальное уведомление о своем новом назначении главнокомандующим, выступил в Константинополь, чтобы предстать перед султаном. Он намеревался идти вдоль северного побережья Черного моря, и татары ожидали его, чтобы убить. Но им не удалось осуществить свой замысел, так как эскорт Осман-паши победил их, взяв в плен многих татар. Попытками Осман-паша вынудил некоторых из них рассказать правду о случившемся; затем он благополучно достиг Константинополя. Здесь он рассказал о своем приключении султану Мураду, объясняя, что он должен был, в соответствии с приказаниями своего повелителя, оставить Дербент — который некоторые называют Демир Капы — и, минуя вершины Кавказа, оставить Мидию, Иберию и Колхиду по левую руку, а по правую — реки Волгу и Танаис, и вот наконец достигнув берегов Евксинского понта, был неожиданно окружен 12 тысячами казаков или бандитов, но он с воинами своего эскорта без труда справился с ними и от пленников узнал о заговоре, о том, что его хотели разгромить.

Султан Мурад был чрезвычайно рассержен, услышав все это, и тотчас призвал и сместил Сиявуш-пашу с поста великого везира. Затем он провозгласил татарского принца Кумана публичным врагом: он должен был получить по заслугам, ему нужно было заплатить его же монетой, и Осман-паша получил приказ заключить его в тюрьму и убить. После чего султан Мурад назначил на место Кумана, принца перекопских татар, младшего брата его, которого держали в качестве пленника в Конье, который также называют городом Ликаония. Султан Мурад продемонстрировал, таким образом, свое расположение к Осман-паше и формально назначил его главнокомандующим в будущей кампании против персов, сказав ему, что главной целью является Нахичевань, хотя в действительности у него было тайное намерение попытаться захватить Тебриз. Осман-паша, спешивший с выступлением, должен был, однако, на время отложить начало похода из-за событий в Каире.

Незадолго до того султан Мурад послал Хасан-пашу в Каир в качестве правителя Египта, и вот теперь было получено сообщение о том, что он проявляет себя тираном на своем посту, несправедливо судит население, имея единственную цель — накопление богатства. Султан тогда приказал ему тотчас явиться к нему в Константинополь, чтобы ответить на жалобы со стороны местного населения, но заставить того добровольно прийти оказалось невозможно. Тогда султан наконец решил послать Ибрагим-пашу [в Каир, на его место], но Ибрагим-паша вместо того, чтобы действовать по справедливости, тотчас выказал еще больший произвол:

разоряя египтян, действуя как тиран, и сам награбил огромные суммы денег, после чего наконец вынудил евнуха Хасана отправиться по морю в Константинополь. Затем Ибрагим-паша, покинув Египет, держал путь домой по землям Иудеи и Палестины, где силой подавил восстание эмиров этих земель, решивших стать независимыми принцами. Это были люди друзского народа, потомки крестоносцев, которые в прошлые времена завладели Иерусалимом и Святой Землей, но позднее стали мусульманами и подданными Османской империи. И у них Ибрагим-паша взял огромные суммы денег, разграбил их города и со всеми захваченными сокровищами прибыл в надлежащее время в Константинополь.

Теперь была установлена ежегодная дань Египта и Каира в размере 600 тысяч цехинов, и сумма должна была быть выплачена в казну, но вместо этой суммы Ибрагим-паша привез Мураду миллион цехинов. И это так восхитило султана, что он тотчас отдал ему в жены одну из своих дочерей.

Таким образом, султан Мурад успешно решил дела [Египта и друзов] с Ибрагим-пашой и отдал приказание Осман-паше выступить в поход против Тебриза. Паша выступил в Эрзурум, где предпринял общий смотр своих армий. После этого, 11 августа 1585 года, он вышел из Эрзурума по Тебризской дороге вместе с Максуд-агой — проводником, показывающим дорогу: последний, как известно, незадолго до того перешел в турецкий лагерь с персидской территории. Так сообщается в книге Томаса Минадои, но и в этом случае некоторые детали были искажены в турецких источниках, которыми он пользовался. Я, тем не менее, знаю правду о событиях, несколько отличающихся от того, что пишет Минадои, и это я сейчас сообщу. Максуд не был ханом, как называет его Минадои, не был он и придворным, так как он даже не носил титула *бек*, что по-испански значит «дон». Он был просто *ага* — что значит «богатый человек», который купил за свои деньги собственность около Тебриза с пятьюстами крестьянами; место было известно под названием Кузекунан⁴⁸. Этот Максуд был большим другом Амир-хана, покойного вождя племени *туркман*, и когда он узнал, что шах приказал убить его друга и что он сам, Максуд, под подозрением, так как он был суннитом (к которым относились и турки), и, зная, как его друг лишился головы, он отплыл в Константинополь. Затем он вернулся в Персию, чтобы действовать в качестве проводника в армии Осман-паши, так как он прекрасно знал окрестности Тебриза⁴⁹.

⁴⁸ *Кузекунан* — селение в районе Тебриза в округе Арванаг.

⁴⁹ *Максуд-бек* из кызылбашского племени Зулькадар в 1580 г. был направлен в Стамбул для ведения мирных переговоров, но вскоре вернулся, ничего не добившись. Дон Жуан утверждает, что Максуд-бек изменил шаху после того, как узнал об аресте своего друга Амир-хана Туркмана в 1585 г. Между тем из турецких источников известно, что Максуд-бек еще в 1583 г. перебежал от Сефевидов к султану в Стамбул, и поэтому его измена не связана с Амир-ханом.

Как уже отмечалось, когда Осман-паша выступил из Эрзурума, он подверг большому смотру свои войска; тогда же он обнаружил, что в них насчитывается 230 тысяч человек, по другим сведениям — 300 тысяч, и оказалось, что воинов было в избытке. Он распустил 50 000 человек, наименее опытных в ведении войны, и затем сделал публичное заявление, что собирается выступить маршем на Нахичевань. Однако вскоре стало ясно, что его действительной целью является Тебриз, а войска начали протестовать, считая, что их обманули. Но Осман-паша сумел усмирить их, и они выступили в Хой, город, расположенный недалеко от Вана; здесь армия отдохнула. Затем, пройдя через Меренд, первый город на персидском фронте, они вышли к Суфияну, маленькому городу на высоте, с которой, если смотреть вниз, можно увидеть Тебриз. Войска повеселели, особенно довольными они стали, когда достигли фруктовых садов в окрестностях Тебриза и не встретили ни единого вражеского союдата. Принц Хамза-мирза в это время пытался разведать, что делает турецкая армия за Суфияном. Он засел в засаде с 10 тысячами всадников, заметив, что враг рассыпался среди фруктовых садов. Потом он внезапно атаковал и разгромил их передовой отряд, убив 7 тысяч человек. Осман-паша, обнаружив близкое присутствие принца Хамзы, призвал Чигала-пашу и Мухаммед-пашу из Кара-Амида и послал их вперед с 14 тысячами воинов, чтобы они дали бой принцу. Но Хамза-мирза сражался умело, нанес еще больший урон врагу и захватил много турецких знамен. Но он вынужден был отступить и, покинув поле боя, присоединился к своему отцу, царю, который остался позади с основными персидскими силами в 12 милях от Тебриза⁵⁰.

В то время Аликули-хан был правителем Тебриза, имея под своим началом для охраны великого города лишь 4 тысячи всадников. Зная силы, которые Осман-паша привел против него — 70 тысяч кавалерии и 150 тысяч пехоты, — все, что он как доблестный солдат мог сделать, это выйти из города и дать бой туркам. Со своей маленькой армией ему, быть может, удалось бы убить 3 тысячи или 4 тысячи турков, но вряд ли было возможно защитить такой огромный город. К тому же население, хотя и многочисленное, не было приспособлено к войне, вот поэтому оставаться в городе означало рисковать честью, при очень незначительной вероятности приобрести хоть какое-нибудь преимущество. Тогда он решил разрушить городские укрепления, отправиться в горы, но в то же время давал указания населению Тебриза, объясняя, что они не смогут защитить город, и лучше, заключив мирный договор, сдать его туркам. Жители Тебриза, будучи доблестным народом, не пошли на это и некоторое время защищали свой город. Осман-паша вынужден был, в конце концов, взять Тебриз силой и, рассерженный таким долгим сопротивле-

⁵⁰ Первая стычка кызылбашей с турками у г. Суфиян произошла 18 сентября 1585 г. А через два дня, 20 сентября, войска Осман-паши с боями вступили в Тебриз.

нием, какое было ему оказано, разрешил воинам грабить город. Тогда произошли такие ужасы, какие никогда прежде не случались, даже при захвате вражеских городов варварами.

Тебриз стоит у подножия горы Oronte, которая возвышается на его северной стороне. Он расположен на расстоянии 8 дней пути от Каспийского моря, а к югу простирается земля Персии. Окруженный горами с одной стороны, город стоит на самой границе Большой Мидии. Его жители большей частью торговцы, и Тебриз построен на месте, где Восток имеет проход в Сирию и где Европа со своими многочисленными странами имеет великолепную возможность для торговли с Востоком. Климат очень холодный, и снег лежит здесь в течение целого сезона в году. Дома частью находятся наполовину под землей: большинство из них низкие, лишь некоторые возвышаются на небольшую высоту, но они построены из обожженного кирпича и имеют прекрасную наружность. К несчастью, Тебриз теперь вторично пострадал, потому что Осман-паша приказал своим войскам вновь разграбить город, и турецкими солдатами было совершено так много жестокостей, что женщины и дети в ужасе, спасая свою жизнь, бежали в горы. Заняв Тебриз, Осман-паша приказал построить крепость, окружив ее рвом более десяти метров шириной и более двух метров глубиной. Эта крепость была защищена многими орудиями, и для ее охраны был оставлен сильный гарнизон. Так на многие годы Тебриз оказался под властью османов.

У читателя может возникнуть вопрос: как Тебриз, город столь важный как для царства, так и для царя оказался незащищенным перед лицом врага; как случилось, что шах Мухаммед Худабенде, стоявший лагерем со своей армией всего лишь в двенадцати милях от города, не сделал попытки помочь гарнизону? Реальной причиной всего этого была смерть Амир-хана, так как он был героем и главой туркманов, а туркманы являются единственными жителями Тебриза и его окрестностей и по природе своей воинственны и способны сражаться. Его казнь так настроила их против шаха Персии, что шах не мог решиться сразиться с Осман-пашой, так как понимал, что у него в тылу находились эти восставшие племена, и знал, какое огромное бедствие может исходить от их вероломства. Так, царь вынужден был притвориться беспомощным (боясь даже за собственную безопасность), в то время как видел падение Тебриза. Но когда ему доставили весть о полном разрушении великого города и трагической судьбе его жителей, царь, ужасно рассерженный, отправил шестьсот всадников и пошел маршем против турок, вызывая их на бой. Тогда Мухаммед-паша из Кара-Амида и Чигала-паша появились во главе 40 тысяч турок; и шестьсот персидских всадников поступили умно, заманив их в место, где принц Хамза находился в засаде с 20 тысячами кавалерии. Последние ударили с такой силой, что паша из Кара-Амида постепенно отступил, и Чигала-паша остался один. В рукопашной схватке персы ясно показали, насколько они превосходили

гурок, и в конце концов они обратили Чигала-пашу в бегство, захватив многих из его людей.

Принц Хамза был так воодушевлен этой победой, что послал Осман-паше вызов на бой, и паша стал раздумывать. Теперь принц стоял лагерь в восьми милях от турецкого главного штаба, будучи напуган превосходством вражеской артиллерии, так как их пушки нанесли ему в прошлом большой ущерб. Их главный фронт был под командованием паши из Кара-Амида, и Чигала-паша вел войска из Ирака и Месопотамии, паша из Анатолии командовал левым флангом с эскадронами из Греции, тогда как правое крыло было отдано под начало Мурад-паши из Карамана, который также вел сирийские войска. В целом турки насчитывали около 70 тысяч воинов, а их товарищи по лагерю остались позади, в Тебризе, где занимались поиском сокровищ, зарытых, как предполагалось, в мечетях и частных домах. Янычары также остались в охране у Осман-паши, который в то время лежал больной. Турки подошли к месту, где принц Хамза ожидал их во главе 40-тысячного персидского войска, собранного из разных частей — из областей Мазендаран, Персидского Ирака и Ширвана. И как раз в этой битве я впервые участвовал, сражаясь на стороне моего отца.

Противостоящие армии тотчас же приняли вызов, и это было одно из самых тяжелых сражений, какие когда-либо происходили между этими двумя враждующими народами. Огромное количество знаменитых людей погибло в этой битве, особенно у турок: среди прочих — Мухаммед-паша из Кара-Амида, голову которому приказал отрубить и надеть на острие копья принц Хамза. Паша из Трапезунда был убит вместе с 5 командирами других частей, тогда как Мурад-паша из Карамана был захвачен в плен: сражаясь, он упал, беспомощный, в ров. Если бы не наступила ночь, ни один турок не спасся бы, но темнота вынудила принца Хамзу прекратить атаку и отступить со своей армией в лагерь, где оставался его слепой отец, царь.

Между тем день за днем Осман-паше становилось хуже. Тогда он решил начать марш обратно в Эрзурум. Он передал командование новой крепостью в Тебризе в руки евнуха Джафар-паши из Триполи, возложив на него право собирать дань с жителей Тебриза в течение трех последующих лет, оставив ему гарнизон из 12 тысяч человек. Остатки турецкой армии теперь выступили маршем из Тебриза. Когда они достигли места, известного как Шамби-Газан⁵¹ (Купол Газана) — древняя мечеть, находящаяся за городом на вершине холма — в двух лье от Тебриза, принц Хамза напал на них с войском в 28 тысяч всадников и, разбив арьергард, разграбил богатый обоз. Передовой отряд турок, услышав о случившемся, открыл огонь по арьергарду, убив многих, и наши люди вскоре вынуждены были отступить, не нанеся противнику большого урона. В дей-

⁵¹ Пригород Тебриза.

ствительности позже стало известно, что здесь потери составили 20 тысяч человек, так что вместе с потерями при взятии Тебриза общее число убитых турок в тебризской кампании составило 70 тысяч человек.

Едва мы, персы, отвели наши силы, как из турецкого лагеря поступили известия о том, что Осман-паша умер от болезни, и хотя Чигала-паша пытался скрыть этот факт, сделать это оказалось невозможным. Тогда Чигала-паша стал главнокомандующим османской армией, и мы, с персидской стороны, с 14 тысячами всадников под командованием принца Хамзы преследовали отступающих турок всю ночь. На рассвете следующего дня мы вновь встретились с ними, но Чигала-паша теперь имел в качестве советников и проводников двух грузин — Давида и Максудагу, тщательно разбиравшихся в методе, которым пользовался во время атаки наш принц; и противник, вместо того, чтобы быть увлеченным вперед нашими обманными маневрами, твердо укрепился на оборонительных позициях. Принц, понимая настоящее положение дел, теперь начал отступать и сделал попытку пересечь реку Аджичай, где он только что решил осуществить свое нападение, но, по причине дождей, вызвавших разлив реки, 3 тысячи человек из состава персидской армии утонули. Таким образом, Чигала-паша спасся и, выступив маршем, благополучно достиг Эрзурума.

Глава девятая,

повествующая о том, что предпринял царь Персии, чтобы вернуть под свою власть Тебриз; и как он осадил крепость, и что случилось с ее защитниками; и о смерти моего отца, Султана-ли-бека Баята.

С помощью Максуд-аги и Давид-хана, которые по опыту знали, как предостеречь Чигала-пашу от хитростей принца Хамзы, туркам удалось избежать засады, где ждал их принц, и далее они были благополучно проведены через такие реки и болота, которые без проводников ни один из них не смог бы пройти. Турки благодаря счастливой фортуне избежали разгрома; и далее, как описывалось в заключении предыдущей главы, они стали свидетелями поражения и гибели в водных потоках большего числа персов, чем они, турки, потеряли в пяти предшествующих битвах этой кампании. Таким образом, турецкая армия была оставлена в покое и получила возможность вернуться в Эрзурум, где войска были расформированы, а везиры, паши, командиры и беки — все вернулись в Константинополь, чтобы отчитаться перед султаном обо всем происшедшем. Султан Мурад горячо сожалел о смерти Осман-паши, который был человеком, имевшим великий опыт ведения войн, особенно кампаний против персов и грузин. В Константинополе были объявлены празднества в честь этой османской победы, хотя там было немало и недоволь-

ных, так как говорили, что, хотя султан и стал теперь господином крепости в Тебризе благодаря орудиям, наводившим ужас на персов, — и потери были для них печальным фактом — и что, хотя турки и владели теперь Тифлисом в Грузии, однако захват и удержание в руках этих мест стоили султану многих человеческих жизней, и что вместо публичных увеселений лучше было бы устроить печальные панихиды для успокоения горестных сердец всех вдов и сирот, бродящих теперь по улицам Константинополя.

В Персии, куда турецкая армия на время отступила, освободив местность вокруг Тебриза, шах Мухаммед Худабенде и его сын принц Хамза, хотя это и происходило в середине зимы, пытались извлечь выгоду из случившегося; так, они были вынуждены поднять свою репутацию в общественном мнении, пошатнувшуюся из-за потери у них же на глазах этого знаменитого города, теперь уже лежащего большей частью в руинах. Шах с принцем и со всей персидской армией вошли в город и вновь оккупировали районы Тебриза; там обосновался двор, и жители, спасшиеся от смерти и бежавшие в горы, теперь возвращались в свои дома. [Впоследствии была предпринята осада турецкой крепости.] Здесь, в соответствии с военным искусством, бок о бок были установлены два огромных осадных орудия, и они были так велики по своему калибру, что подобных им никогда раньше не видели в Персии. Два орудия днем и ночью обстреливали турок; бастионы с артиллерией были возведены напротив крепости среди развалин бывшего городского квартала. Турецкий гарнизон в 3 тысячи человек, однако, никоим образом не выказывал страха перед этими действиями персов, так как, во-первых, они все были солдатами, имевшими большой опыт в ведении войны, и, во-вторых, из-за того, что благодаря приказу Осман-паши они были обеспечены в крепости амуницией и провизией, достаточной для трехлетней осады, а стены крепости были в действительности чрезвычайно прочными. Убедившись в упорстве и доблести осажденных турок, принц Хамза решил сделать подкоп под крепость, которую нужно было, наконец, разрушить. Работа была начата, а турки ничего об этом не знали, так как персы старались это делать тихо и копали глубоко под землей, выбирая для работы удобные часы, и в то же самое время, днем и ночью, два огромных артиллерийских орудия продолжали бомбардировать крепость, таким образом отвлекая внимание турок от того, что делалось под землей.

Итак, разрушения, производимые двумя огромными орудиями, отвлекали внимание осажденных от того, что земля выбрасывалась людьми, которые соорудили подкоп, так как вся поверхность вокруг этого места была теперь покрыта кусками камней, отлетавших от стен во время их бомбардировки орудиями. Эти два орудия были так велики, что отверстие дула каждого составляло ярд в окружности, а длина ствола была пять ярдов. Так что турки никогда бы не узнали о том, что

происходит в месте, где рыли подкоп, если бы не предательство в тот момент двух персидских офицеров шахской армии. Один из них носил звание *курчи-баши-хан*⁵², он был контролером царских слуг — и его титул хана показывал, что он был важной персоной в царстве, — а другой предатель был Джафаркули-бек, его зять. Эти два придворных получили от своих шпионов сведения о том, что царь Мухаммед Худабенде и принц издали приказ о том, что их обоих следует предать смерти, но за какое преступление — неизвестно: и поэтому, извещенные об этом, они приняли решение, и однажды ночью, перед рассветом, покинули царский двор и, пробираясь через городские окраины, вошли в турецкую крепость, ища безопасности у врагов своей страны. В гарнизон они сообщили о подкопе, который рыли по приказу царя, и тогда турки немедленно начали рыть подкоп навстречу персидскому. Так что подкоп персов был вскоре блокирован камнями и землей, в то время как вся сторона крепости, бывшая у турок, была тщательно укреплена, и турки восстановили фасад великой стены в этой части, которая и стала позже причиной беспокойства. Все эти работы велись турками чрезвычайно быстро, а персы потеряли массу людей в безуспешных попытках предотвратить строительство и в тщетной борьбе за возможность закончить свой подкоп.

Принц Хамза, поняв, что два предателя, сбежавшие в крепость, раскрыли его тайный замысел, что его резонные надежды на уничтожение турок в их крепости теперь рассеялись в прах, переполнился гневом и нетерпением. Затем он попытался взять крепостную стену штурмом, применяя приставные лестницы, и хотя сперва турки были поражены этим невиданным нападением, однако скоро оправились и, обрушившись на нападающих, которые прикрепляли лестницы, начали стрелять по ним в упор через амбразуры в стене, а также с зубчатых стен и с соседних домов. Эта открытая атака на крепость продолжалась целых шесть дней, но, видя, что усилия бесплодны, принц, в конце концов, приказал дать сигнал к отступлению. В этой атаке было убито более 6000 персов, некоторые попадали с лестниц в ров, другие были расстреляны из мушкетов, и даже те, кому удалось взобраться на верх стены, были без труда уничтожены врагом в пределах крепости.

Мой отец, Султанали-бек Баят, который в то время сопровождал царя Мухаммеда Худабенде, получил приказ от принца Хамзы во гла-

⁵² Дон Жуан неверно объясняет должность *курчи-баши* как «контролера царских слуг». В переводе это — «глава курчиев» — шахской гвардии, несшей службу при шахской особе. *Курчи-коруджу* (от азерб. глагола *корумак*) — это стражник, гвардеец. Гвардейский корпус курчиев состоял от 4 до 6 тысяч воинов кызылбашских племен. Только часть их получала жалованье из казны. Длинные усы были отличительной чертой курчиев. «Слава о смелости и бесстрашии курчиев была такой, — пишет известный азербайджанский историк XVII в. Искендер Мунши, — что в любой битве, где их была сотня, они были равны тысяче из других членов свиты».

ве трехсот отборных воинов его собственного клана, вооруженных и приведенных в царскую армию за его счет, осуществить другую попытку. Все было организовано таким образом, что мой отец с компаньонами должен был однажды в ночь перед рассветом тайно достичь крепостной стены с передвижным щитом (или деревянной башней с платформой на колесах), который двести строителей должны были соорудить на открытом канале, где он стал бы защитой для кавалерии. Эта деревянная башня была построена и защищена мешками с землей, прибитыми с внешней стороны; и она была настолько высока, что с ее верха могла просматриваться площадь внутри крепости; с такой вершины подвесной мост с канатами мог в подходящий момент быть опущен через парапет крепостной стены. Все это сооружение было обито досками и защищено мешками с песком. Персы должны были осуществить свою атаку на врага на рассвете, как уже было сказано, пока турецкая стража не заметила их приближения. Затем триста наших воинов должны были ошеломить врага и закрепиться внутри крепости, в башне, которая с одной стороны возвышалась надо рвом. Эта башня была в стороне, выходящей на персидские осадные орудия, которые позже были установлены внизу домов в части города, теперь удерживаемой царскими войсками.

В назначенную ночь мой отец начал операцию в движущейся деревянной башне, но, хотя оси колес под платформой были обильно смазаны и колеса обернуты ватой во избежание шума, а факелы, сигнальные рожки и орудийные запальные каналы — все тщательно замаскировано, турки услышали наше приближение, и не успели мы подняться на внешнее ограждение, как они взялись за оружие. Они атаковали башню и ее платформу с помощью мушкетов, ядер, и, одновременно, семьсот турок, находившиеся в этом месте крепостного вала, вышли из крепости через задние ворота и отсюда также атаковали нас. Мой отец, поняв, что дела зашли так далеко, что отступить было уже невозможно, что случившееся даст ему небольшие преимущества, начал сражаться отчаянно, оставаясь внутри башни, так как под давлением наседавших турок выйти из нее было невозможно. Все же ему удалось убить семь человек, известных своей храбростью, не считая двух командиров и трех беков, но в тот же момент он скончался, получив ранения. Конец всему положило разрушение завесы парашета на нашей платформе, у основания башни, так как с этой стороны колеса внизу были сожжены. Враг бежал через упавший, подмявший более сотни турок, парапет. Поваленная стена препятствовала тому, чтобы я с моими людьми пришел на помощь отцу. Обнаружив, что вся персидская армия под командованием царя и принца спешила к нам на помощь, турки стали сдерживать атакующих нашу башню. Они отступили, вернувшись в свою крепость через задние ворота, которые немедленно закрыли, но их потери насчитывали 200 человек.

Против моей воли меня привели к царю, который стал восхвалять меня и пытался утешить, но я находился в таком состоянии, что ничего не воспринимал, более того, состояние мое ухудшилось, когда я увидел, как турки выставили, надев на острие копья, голову моего отца, чтобы еще более оскорбить и унижить меня (тело его в своей неистовой ярости они уже сожгли). Царь и принц торжественно почтили память моего отца. Позже шах Мухаммед Худабенде, который действительно любил моего отца, приказал написать картину, представив отца, стоящим над телами семи турецких командиров, которых он самолично убил. Эта картина до сих пор находится над дверью одной из мечетей Тебриза, построенной в честь великого Амира Хейдара, отца шаха Исмаила, которого мы, персы, считаем святым.

Глава десятая,

в которой речь идет о прибытии туркманов в лагерь царя и о бедствиях, вызванных их появлением

Как мы уже объясняли, страна туркманов не является ни провинцией Персидской империи, ни названием какого-либо города, поэтому мы и не говорили о ней как о провинции (отмеченных в главе II первой книги). Но они образуют народность очень большого значения среди прочих национальностей Персидского царства, так как они наиболее доблестный народ и довольно многочисленны. Их взгляды и действия зачастую привлекают огромное внимание — так было при потере Тебриза, где их отказ в помощи стал главной причиной падения этого города. Это случилось из-за их любви и уважения к командующему, Амир-хану, который был, как они считали, несправедливо предан смерти. В тот момент, о котором мы сейчас говорим, шах пребывал еще в огромной досаде по поводу их прошлого предательства в тот критический период, но старался забыть, надеясь, что они могли бы верно служить ему, так как их помощь и поддержка были очень важны для него в попытке выбить турок из крепости в Тебризе. Следует также помнить, что туркманы поселились в большом количестве на всех землях вокруг Тебриза, так же, как в Испании мавры селятся во всех областях, прилегающих к Орану в Африке.

В тот момент дела обстояли так, как уже говорилось в предыдущей главе: турки надежно закрепились в крепости в Тебризе, и у нас было мало надежды изгнать их оттуда; неожиданно 40 тысяч туркманов собрались под ружье, подошли и встали лагерем на расстоянии половины лье от Тебриза. Ими командовали два военачальника — Мухаммед-хан и Халифе-хан, и их прибытие поначалу чрезвычайно обнадежило шаха. Для осажденных турок, напротив, их прибытие было серьезным уда-

ром, так как это была значительная поддержка для осаждавшей их царской армии. Поэтому турки, без отлагательств, пришли к заключению, что будет разумно составить петицию о переговорах, и они отправили посла к царю Мухаммеду Худабенде и принцу Хамзе, обещая им, что они, турки, теперь покинут крепость, если им позволят с их знаменами и военными барабанами свободно пройти к форту Суфиян. Переговоры завершались, обещая выгоды для персов, но тут сказалося вероломство туркманов, и теперь будет объяснено то, что произошло.

Среди туркманов, как и многих других полунезависимых народов, являющихся подданными персидского трона, существует старый обычай, по которому сын шаха является номинальным правителем и вождем. В это время они еще несли в сердце гнев по случаю убийства, как было рассказано выше, их любимого Амир-хана. Теперь их тайным намерением было восстать и попытаться выкрасть одиннадцатилетнего юношу Тахмасиба-мирзу, самого младшего сына шаха, который находился в это время при нем в лагере около Тебриза. Чтобы лучше замаскировать свои предательские цели, туркмены публично заявили, что только чувство благородного патриотизма заставило их прийти и предложить свою помощь царю и что вся их недоброжелательность забыта и отвергнута. Однако в ночь их прибытия в лагерь, после того, как шах удовлетворил полностью их требования, триста вооруженных туркманов, самых необузданных и безответственных, под предводительством Сакали-султана⁵³ ворвались в царскую ставку в то время, когда часовые спали. Они предварительно взяли верх над главной армейской охраной, расположенной в Тебризе, так как незаметно сняли фонари караульных постов, которые фактически то же, что здесь, в Испании, имя святого, являющееся ночным паролем, который следует знать, — и похитители беспрепятственно проникли в царские покои. Здесь они перебили большинство солдат и дежурных привратников и захватили в свои руки принца Тахмасиба, которому они дали много обещаний, и ребенок, казалось, понял их и не стал кричать. Затем, вынеся его из дворца и города, они отправились в свой лагерь, сопровождаемые заговорщиками, бывшими среди личных служителей молодого принца.

Похитители во время нападения на царскую ставку потеряли около пятидесяти человек. Туркманские вожди Мухаммед-хан и Халифе-хан радостно приняли пленного принца. Тотчас весь состав племени получил приказ выступить в поход на Казвин в боевом строю, с тем чтобы быть готовым отразить любую атаку. Большое замешательство охватило царскую ставку и лагерь, а также город Тебриз; со всех сторон призывали к оружию. Турецкий гарнизон крепости, также охваченный тре-

⁵³ Во главе мятежа были правитель Кашана Мухаммед-хан Туркман и правитель Хамадана Вели-хан Текели. К ним присоединился также правитель Фарса Уммет-хан Зулькадар. Кто имеется в виду под Сакали-султаном, установить не удалось.

вогой, полагая, что пробил их последний час, приготовился к худшему. Некоторые предлагали убить своего пашу и в знак примирения выслать его голову царю Мухаммеду Худабенде. Но через некоторое время все утихло — люди снова воспряли духом, а потом выяснилось, что юный принц похищен. Туркмены беспрепятственно достигли Казвина и овладели царской столицей. Казвин был разграблен, осквернен, дома были полностью уничтожены. Я сам свидетель их дурных дел, так как большой ущерб был причинен дому моего отца, владельцем которого я уже стал по наследству. Затем туркмены объявили принца Тахмасиба царем Персии, но при этом заставляли его исполнять их волю. Они создали государственный совет, взявший на себя власть. Придворные царя и законслужители были изгнаны из города, изданы указы, терроризировавшие граждан. Невежественный люд страны, будучи неверно уведомлен обо всех делах, не отважился на возражение или сопротивление их действиям. Туркмены даже осмелились на выпуск новых денег (который всегда был прерогативой царства), и старые монеты были заново отчеканены с измененным гербом и титулом на лицевой стороне.

И все это происходило на расстоянии лишь ста тридцати лье от царского двора. Никогда раньше я не слышал, чтобы самые мятежные подданные творили такие действия против своего законного государя и принца, какие делали эти люди, и все оставалось без изменения, так как из-за продолжительных и обильных дождей и снега туркмены смогли спокойно перезимовать в Казвине, где они по своему усмотрению назначали или увольняли государственных чиновников. Наконец, когда наступила весна, принц Хамза, с нетерпением дожидавшийся конца сезона дождей и снега, с одной стороны, видя, что турки удерживают свою крепость в Тебризе, а с другой — ежедневно получая вести о дерзком поведении туркманов, теперь, с наступлением марга, получил разрешение отца и одобрение своего плана на выступление против мятежников, и мы двинулись в путь с 14 тысячами всадников во главе с принцем. Мне оказали честь, поручив командовать одним из эскадронов. Шах Мухаммед Худабенде остался в Тебризе с 50 тысячами пехоты и кавалерии, с помощниками по командованию Токмаком-ханом Кашлу⁵⁴ и Имамкули-ханом Каджаром. Принц Хамза достиг Султанийе, отстоящей лишь на тридцать лье от Казвина, и здесь мы остановились; подкрепились и люди, и кони, так как эта местность очень плодородная.

Здесь к нам примкнул Джафаркули-хан со своими тремя братьями: Неджеф-султаном, Шихали-султаном и Бедел-султаном во главе с 12 000 конных и пеших воинов, пришедших оказать помощь принцу. Все они были из племени Баят, из моего рода, который считается самой благородной крови в Персии. Их приход к нам для меня был очень

⁵⁴ *Токмак-хан Кашлу* — это Мухаммеди-хан Тохмак Устаджлу, правитель Чухурсаада (окрестности Еревана).

приятным, потому что эти четверо командиров фактически являлись моими троюродными братьями. Как только туркмены услышали о подходе Джафаркули-хана с тремя братьями, они направили к ним посла с предложением присоединиться к их мятежу и признать шахом принца Тахмасиба. Четыре Баятских хана, оставаясь лояльными подданными своего принца, не произнесли ни слова, но только отдали приказ, чтобы посла бросили головой вниз в соседнее болото, откуда он едва выбрался полуживым и, вернувшись в Казвин, доставил туркменам ответ Баятских придворных. Также в это время, а может двумя-тремя днями позже, к принцу присоединился Девлахар-хан с 10 тысячами конницы и пехоты, и все они были опытными в военном деле и принадлежали к клану по имени *Curthasi Amanzir*, пользовавшемуся глубоким уважением во всей Персии.

Оказавшись во главе армии с 40 тысячами конных и пехоты, прибывших из преданных ему разных провинций, принц решил двигаться прямо на Казвин, хотя ему и сообщили, что туркмены получили подкрепление в 10 тысяч человек. Вслед за тем мы выступили в поход, и в первую же ночь, когда разбили лагерь, было получено известие, что из Казвина выступили 20 тысяч туркманов для внезапного ночного нападения на нас. Мы стояли при оружии и ждали, готовые вскочить в седло по первому зову, но, выяснив, что мы знаем об их приближении, они дали отбой. Правда, к рассвету они предприняли неудачную атаку, но с подходом наших главных сил туркмены внезапно исчезли из виду. На следующий день, в пятницу, на заре, по нашему обычаю, они направили к нам вестников с приглашением на битву. Мы приняли их вызов, и был дан сигнал к атаке, в которой вначале мы не имели превосходства. Однако в конце счастье сопутствовало нам и была одержана победа, удачному исходу которой немало способствовал случай, о котором я сейчас расскажу. Один из служителей Халифе-хана, туркманского вождя, нес за плечами мушкет и бежал впереди своего хозяина, как вдруг без прикосновения его руки к оружию оно выстрелило и случайно убило Халифе-хана. А несколько ранее на глазах туркманских вождей наши люди сразили Али Пагмана, храбрейшего командира, с которым враг связывал свои главные надежды на успех.

Эти две потери привели туркманов в полное расстройство, и они, повернув к нам спины, бежали, а принц преследовал их. Победа была полная, убито около 8 тысяч, много предводителей обезглавлено, а среди них Сакали-султан, брат уже многократно упомянутого вождя Амир-хана. Было захвачено более 3 тысяч пленных, и юный принц Тахмасиб-мирза был доставлен к своему брату, отправившему его как пленника в крепость Аламут⁵⁵. Потом, после победы, принц Хамза мирно овладел

⁵⁵ *Аламут* — крепость к северо-западу от Казвина, где находилась штаб-квартира ассасинов.

Казвином, бывшей столицей туркманов, а теперь ставшей его столицей. Думаю, что читатель этой книги может потребовать объяснения того, как случилось, что Казвин, самый важный город Персии, так легко переходил из рук в руки врагов и друзей. Ему, моему читателю, я бы ответил испанской пословицей: «Наихудший вор тот, кто внутри дома». Огромное население Казвина, как и всякой столицы во всех странах, состояло из разных народов, и туркманские соплеменники всегда имели среди них своих друзей и родственников. Поэтому было столько же рук, которые распахнули бы перед ними городские ворота, сколько и тех, кто мог бы их закрыть. Этим также объясняется то, почему невозможно сохранить секрет двора одного принца от людей при дворе соседнего принца, ибо выходные ворота в городской стене столицы любого государства должны оставаться незапертыми, как в рассказе о ножовщике, горло которого было перерезано лезвием ножа, изготовленного им же самим. Нет необходимости излишне говорить о подобных делах, ибо войны в Персии намного отличаются от нашего представления о них в Испании, и все эти вещи не свойственны политике западных стран.

Вернемся поэтому к нашему рассказу. Принц Хамза, восстановив свое правление в Казвине и подвергнув наказанию тех жителей, кто участвовал в восстании, после двухмесячного пребывания вернулся в Тебриз, где он оставил шаха, своего отца. Мы нашли его все еще надзирающим за осадой турок в крепости, но, примкнув к нему, как можно легко понять, мы не имели даже часового отдыха от недавних военных дел. Наступала весенняя пора и с ней прекрасная погода, но она не принесла нам ни облегчения, ни удачи, так как вскоре после этого туркам на помощь подошла новая армия, которая, не встретив с нашей стороны отпора, вошла в крепость численностью, как говорили, свыше 200 тысяч человек. Командирами были Синан-паша (иначе известный как Чигала) и Фархад-паша, но главное командование было в руках Чигалы. К этому времени для шаха Мухаммеда Худабенде и его сына Хамза-мирзы стало очевидно, что в ближайшем будущем будет невозможно удержать городские кварталы Тебриза против огромного войска турок, и поэтому они решили, не откладывая, разрушить городские укрепления, эвакуировать все гражданское население со всем движимым имуществом в соседние безопасные местности. Затем персы снялись с лагеря, и армия выступила на север, к Гяндже (в Карабахе); в свите шаха был младший из его сыновей Абу Талиб-мирза. Когда мы достигли Гянджи, получили вести о том, что турецкая армия заняла Тебриз, что они разрушили все городские кварталы, оставив нетронутой только крепость, а городские стены были ими восстановлены.

Во время пребывания в Гяндже принц Хамза позаботился об опекунстве двух своих сыновей, родившихся от разных матерей. Это было сделано словно бы в предвидении печальных событий, которые скоро и произошли. Оба его сына были еще в очень нежном возрасте, их зва-

ли — Исмаил-мирза-султан и Хейдар-мирза. Их опекунами были назначены Исми-хан Шамлу и Аликули-хан⁵⁶. Во время стоянки в Гяндже Имамкули-хан Каджар прибыл во главе большого отряда, значительно пополнившего шахскую армию под верховным командованием принца Хамзы. Даже с таким пополнением принц счел неблагоразумным предпринимать дальнейшие действия против турецких сил в Тебризе. Отсюда было решено вернуться в Казвин, и вся персидская армия, конвоируя шахскую особу, совместно с двором, выступила из Гянджи. Наступила зима с дождем и снегом, и после дневного перехода мы остановились в местности в трех лье от Гянджи, в палатках, шатрах. Из-за плохой погоды мы прошли немного. Во время этой стоянки произошел тот ужасный случай, подробности которого будут изложены в следующей главе.

Глава одиннадцатая,

*о несчастной смерти принца Хамзы и многих других последовавших
событиях*

Турецкая армия, как мы узнали потом, оставила Тебриз (усилив гарнизон) лишь после того, как причинила городу страшные разрушения, так что не осталось ни одного целого дома, и трудно было судить, был ли здесь когда-либо город: не осталось ничего, кроме воспоминания о его былом величии. Турецкая армия теперь направилась на север, в Грузию. Случись им вторгнуться в район Казвина и Исфохана, судя по их настоящему вторжению в Грузию, и Персия оказалась бы в крайне тяжелом положении. Но, к счастью, фортуна никогда не благоволит только одной стороне; судьба переменилась, и, в конце концов, мы добились своего.

Бедственное событие (то есть убийство принца Хамзы, упоминание о котором было сделано в конце предыдущей главы, было осуществлено следующим образом. Недаром говорят: кто надеется на помощь другого, может остаться ни с чем, а принцы менее всех. Хотя счастливая судьба сделала их богатыми, но они вынуждены зависеть от чужих услуг, и это большое несчастье. Некоторые думают, что очень хорошо быть всегда объектом забот других; я считаю, что самое большое бедствие — быть принужденным зависеть не от себя, а от слуг. Исми-хан из клана Шамлу, как отмечено в предыдущей главе, стал опекуном и правителем при юном принце Исмаиле-мирзе-султани, старшем сыне принца Хамзы и, следовательно, втором законном наследнике в государстве. И Исми-хан был в смятении от высоты своего положения и почетности сво-

⁵⁶ «Исми-хан Шамлу и Аликули-хан» должны быть соответственно Исмаилкули-ханом Шамлу и Аликули-ханом Устаджлу.

ей должности. Ему казалось, и не без основания, что его новая должность может выдвинуть его еще выше, ибо, будучи опекуном законного наследника, он мог бы стать первым министром будущего царя, — эти должности близки, и тогда в его руках окажется власть над всей Западной Азией. Насколько я мог выяснить, в заговоре участвовали четырнадцать ханов и знатных лиц и близких родственников Исми-хана во главе с ним самим. Их целью было осуществить убийство принца Хамзы руками некоего Худаверди Даллака. Персидское слово «даллак» в испанском языке означает «цирюльник».

Итак, Худаверди⁵⁷ был цирюльником царя, что вроде нашего камердинера, и пользовался его особым расположением. Цирюльник владел списком с именами всех заговорщиков. Это вселило в него сознание важности своей роли в заговоре, и он решился на убийство принца в ту же ночь во время стоянки. Цирюльник спал в прихожей шатра принца и, считая глубокою ночь наиболее подходящей для осуществления своего замысла, после окончания вечерней попойки в царском шатре он незамеченным вошел в покои принца и перерезал ему горло со всем своим искусством цирюльника. Потом, когда он вышел из шатра, охранники его спросили, что ему понадобилось в столь поздний час. Он отвечал, что его высочество принц поручил ему исполнить одно дело, и, таким образом, ушел в безопасное место под защиту Исми-хана, главаря заговорщиков. В то время как цирюльник заметал следы, старый царь Мухаммед Худабенде стал громко звать, на что откликнулся начальник стражи. Тогда-то было выяснено, что принц убит, и эта весть быстро распространилась и вызвала беспорядки в армии и выкрики, что все потеряно.

И в самом деле так могло случиться, если бы Аликули-хан и Исми-хан, два соперника и наиболее могущественные сановники государства, поссорились и армия разделилась бы между ними; это едва не произошло, когда Аликули-хан, узнав о смерти принца, получил известие, что убийца нашел убежище у Исми-хана, прося его защиты. Старый царь, однако, пытался унять беспорядки, так как опасался, как бы турки, узнав о происшедшем, не двинулись бы вглубь страны и не поступили бы с ними так же, как в Тебризе, доведя государство до гибели. Так как вернуть принца к жизни было уже невозможно, его отцу не оставалось ничего, как проклинать свою несчастную судьбу и примириться с тем, чего избежать нельзя. Он сразу приказал найти и доставить к нему цирюльника, который должен был показать царю лист с именами заговорщиков и которому следовало бы донести на себя самого, но Исми-хан тут же ударил цирюльника кинжалом в рот — явное доказательство того, кто был настоящим предателем. Дело было замято, никто не привлекался к суду, кроме того несчастного цирюльника, которого царь приказал

⁵⁷ Худаверди был армянином из Хоя. Хамза-мирза был зарезан во сне во время стоянки у речки Кыркчай около гробницы Низами Гянджеви 10 декабря 1586 г.

сжечь живым. Как только волнение среди войска улеглось, оно двинулось в город Ардебиль, неся тело убитого принца, ибо в этом городе погребены все принцы-суфи, а именно: в мавзолее первого великого суфи, шаха Исмаила I, который известен как шейх-суфи, что означает то же самое, что святой суфи⁵⁸. Его могила находится в мечети, являющейся святилищем для всей страны, и ежедневно здесь более тысячи бедных людей получают пищу и милостыню за счет царя. Город Ардебиль находился на расстоянии около ста лье от нашей стоянки, где был убит принц. Для исполнения царской церемонии погребения мы двигались очень медленно из-за крайней усталости наших солдат. Наконец мы добрались до Ардебилья и там совершили похоронные обряды, после чего армия сразу выступила в Казвин.

Не успел старый царь обосноваться в своей столице Казвине и прийти в себя от навалившихся на него невзгод и забот, как поступила весть, что Али-хан, сын Мухаммед-хана Туркмана, приступом овладел городом Кашан, где совершил разные дурные дела. Туркманские соплеменники, которых он собрал из всех частей страны, грабили жителей того города и окружающих деревень. Итак, хотя мы со старым царем все еще скорбели о принце, но вынуждены были без надлежащей подготовки двинуться на борьбу с ними, и наш поход против туркманов окончился безрезультатно. Положение во всей Персии пришло в полное расстройство. Не было царя, перед которым сановники испытывали бы благоговение. Многие провинции открыто восстали, и едва одна область приводилась в подчинение, как в другой поднимался мятеж. Не успели мы вернуться из Кашана, как должны были направиться в Исфаган, где грузинский изменник возглавил восстание, но и здесь нам не многое удалось: мятежников было больше, чем нас, и нам дали отпор. Словом, никто из ханов, знати, командиров войска не подчинялся старому царю; здесь уместно привести строки известной кастильской баллады:

Хорош только тот мавр,
который использует свое копые
против своего господина.

Когда на западе мы были тщетно заняты подавлением восстаний, стараясь вернуть провинции под контроль царской власти, на востоке, в Хорасане, также царил анархия. В Герате, как мы уже отмечали, юный принц Аббас был номинальным правителем, а вся власть в провинции в то время полностью находилась в руках Аликули-хана. В Мешхеде правителем был Муршидкули-хан, явный враг и соперник Аликули-хана, и, хотя Мешхед отстоял от Герата на 100 лье, каждый из этих людей

⁵⁸ Здесь Орудж-бек неправ. Мавзолеей шейха Сефи был основан шейхом Садр ад-Дином; в нем захоронены почти все члены Сефевидской династии. Он стал святилищем всех шиитов в XVI–XVII вв.

демонстрировал свое полное пренебрежение к другому. Теперь оба двинулись, чтобы разрешить свой спор в сражении, в котором у Муршидкули-хана было 12 тысяч всадников, а у Аликули-хана — 20 тысяч. Они так жаждали драки, что, едва увидев друг друга, тут же бросили своих людей в битву. Это была одна из самых жестоких битв, когда-либо имевших место в этих краях, и хотя по численности войск Муршидкули-хан уступал своему сопернику, но его войска были лучше дисциплинированы, что обеспечило им успех; Аликули-хан был наголову разбит, и принц Аббас оказался под властью Муршидкули-хана. Как было уже разъяснено, со смертью принца Хамзы оба его совершеннолетних сына, лишённые отца, не считались способными на наследование [трона своего деда, слепого царя]. Наследником всего царства Персии стал принц Аббас, который, как мы только что видели, находился под опекой Муршидкули-хана. Вести о смерти принца Хамзы и восстаниях в западных провинциях всего лишь недавно дошли до Хорасана, но Муршидкули-хан, одержав полную победу над Аликули-ханом и имея на своей стороне принца Аббаса, находящегося при нем в Мешхеде, полагал, что опасаться чего-либо в ближайшем будущем у него нет никаких оснований.

В Казвине ханы и знатные придворные, подавленные развалом царства, собрались на совещание и решили направить посла к принцу Аббасу, умоляя его светлость прийти к ним и обещая публичное признание его прав на царство, кроме этого, они указали, что малейшая задержка в прибытии была бы пагубной для государства, так как его отец, будучи слепым и старым, уже совершенно неспособен править и его нахождение во главе дел является помехой для нормального правления и губительно для государства. Когда послы прибыли и изложили все откровенно перед принцем Аббасом, он, решительный в действиях, тотчас с небольшим эскортом выехал из Мешхеда в Казвин, приказав Муршидкули-хану следовать за ним с большой армией. Как только во дворце в Казвине узнали о приближении принца Аббаса — к городским воротам вышли все жители, чтобы приветствовать его: ханы и беки, а также находящиеся при дворе командиры немедленно поспешили к дому, где остановился принц, так что едва ли хоть кто-то остался в услужении слепого старого царя. Все выразили свою преданность принцу, бывшему на заре юности, признавая его своим государем и повелителем, и поистине, как говорится, все, что ново, нравится. Было много совещаний, созванных главными придворными и ханами. Пришли к соглашению, что все должны объединиться и помочь правительству, предав забвению вражду и соперничество с тем, чтобы положить конец гражданской войне, приносящей гибель государству: уже много голов было снесено, и бесчисленны были жертвы враждующих сторон.

Итак, было решено сложить всем оружие войны, объединиться, а врагам примириться и стать друзьями. Затем группа придворных с торжественными выражениями почтения и подчинения отправилась к

старому слепому царю во дворец и с двадцатью восемью его ханами и командирами, неотлучно находившимися при нем, явились к принцу, после чего старый царь обнял своего сына и вручил ему скипетр и корону империи. Потом все присутствующие признали принца своим царем и повелителем, оказывая почитание целованием его руки, и Аббас-мирза принял титул шаха — ибо «шах» по-персидски значит «царь». Новый монарх принял на службу гвардию из 12 тысяч грузинских вероотступников (ставших мусульманами) и приступил к реформам в области военной и гражданской администрации, хотя в это время ему было не более пятнадцати лет. Наконец воцарился мир, а благоразумие шаха и расположение к нему были такими, что все властители провинции выразили ему покорность, а соседние властители засвидетельствовали свое почтение.

В первый день, как было сказано выше, как только закончились церемонии присяги в верности новому монарху, шах Аббас отдал приказ, чтобы на следующий день ханы и командиры посетили его во дворце в мирном одеянии, без оружия, так как он желает посоветоваться с ними об учреждении *дивана*, или государственного совета, который обеспечивал бы надлежащее управление царством. На следующее утро, когда все собрались, как было велено, шах Аббас отдал тайный приказ своей грузинской гвардии закрыть все ходы и выходы на улицы, выходящие на площадь вокруг дворца. Когда ханы и командиры вошли в царское присутствие, они нашли шаха Аббаса сидящим на троне, а по правую руку от него сидел его отец, старый слепой Мухаммед Худабенде. Затем шах Аббас обратился с вопросом к собравшимся — а именно, какое наказание заслуживает тот, кто убил своего принца? Те, кто чувствовал себя более виновным, на этот вопрос ответили шепотом, в то время как те, у кого совесть была чиста, громко произнесли свой приговор: одни предлагали одно наказание, другие — более суровый приговор. В конце концов, однако, все единодушно сошлись на том, что подданный, осуществивший убийство своего принца, заслуживает смерти. Едва этот приговор был произнесен, как по знаку шаха Аббаса грузинские гвардейцы напали на присутствующих в дворцовом здании, предав смерти всех без исключения заговорщиков, после чего двадцать две головы на конечниках копий были выставлены из окон дворца на обозрение народа; ужасное зрелище, вызывающее благоговейный страх в сердцах самых самонадеянных.

Но гнев шаха не остыл и, послав за своими двумя младшими братьями, Тахмасиб-мирзой и Абу Талиб-мирзой, он приказал тотчас ослепить их обоих, а затем отправил в заточение в хорошо укрепленную крепость Аламут. Примерно в то же самое время прибыли выказать свою верность и поцеловать руку шаху Аббасу Али-хан Туркман и Фархад-бек, два командира, которые, как упоминалось выше, восстали (против шаха Мухаммеда Худабенде) в Кашане и Исфакане. Царь очень милостиво

принял их покорность, но после этого немедленно приказал казнить обоих. Шах Аббас, чтобы покончить со всеми сомнениями в том, кто сейчас подлинный хозяин царства, убедил своего отца, старого царя, формально отречься в его пользу, и, хотя его вступление на престол и принятие власти потребовали мужества от старой знати двора, но все вопросы в столице были урегулированы, и никто не смел даже подумать восстать или противиться его воле и приказам.

Глава двенадцатая,

повествующая о кампании, которую шах Аббас предпринял против мятежников. — Также о смерти султана Мурада III, о вступлении на престол Османской империи его сына, султана Мухаммеда III. — Как шах Аббас перенес правительство и двор из Казвина в Исфахан

Хотя, как мы уже отмечали, при дворе и в непосредственном окружении царя все боялись его за непомерно суровое обращение с теми, кто противился его власти, но было еще много недовольных, особенно среди родственников людей, казненных царем, то есть тех, кто жил не при дворе, а также среди правителей отдаленных провинций, и они стали уже бунтовать и объявили, что этот новый царь шах Аббас не кто иной, как враг государства. Это открытое неповиновение шах Аббас, будучи в расцвете славы и считаясь гордостью империи, не мог стерпеть; но вначале, посоветовавшись с Муршидкули-ханом, который был в то время его тайным советником, он решил, чтобы развязать себе руки, отправить своего посла в Константинополь, стремясь договориться о мире с султаном Мурадом, хотя многим показалось, что этот унижительный акт означает его подчинение Турции.

Избранный посол Персии Кара Хасан-хан, женатый на одной из племянниц шаха, по прибытии в Константинополь нашел, что Османское государство согласится заключить мир с Персией на гораздо более жестких условиях, а именно: султан оставляет за собой все те земли, прежде включенные в Персидское царство, которые его армии опустошили и завоевали во время последних кампаний, и что река Аракс должна считаться границей⁵⁹, разделяющей Османскую империю с царством шаха. Кроме того, только купцы, торговцы или послы будут иметь право пере-

⁵⁹ По Стамбульскому мирному договору 1590 г. граница между османскими и сефевидскими территориями проходила не по р. Араксу, как указывает Дон Жуан. По этому договору все земли, занятые османскими *аскерами*, перешли к Османской империи. Сюда входили почти вся (кроме Ардебильской области и Талыша) территория Азербайджана — области Тебриз, Караджадаг, Гянджа, Карабах, Нахичевань, Чухурсаад (Ереван), Ширван, Дагестан с прилегающими районами, а также области Грузии, Нихавенда, Луристана.

секать эту пограничную реку, и под угрозой смерти ни один вооруженный солдат, турок или перс, не сможет перейти ее. В конце концов, шах и султан подписали этот договор, и каждый дал слово и торжественно заявил, что готов поплатиться своим добрым именем, если хоть в чем-то нарушит один из пунктов, и тогда он будет не кем иным, как клятвопреступником, неспособным на благородное дело или поступок. Таким образом, договор был утвержден, и с него были сделаны две официальные копии, одна — в Константинополе, подписанная в присутствии всех правителей Порты, другая — в Казвине, также подписанная персидскими ханами и правителями. К тому же среди прочих было такое условие, что шах Аббас должен послать султану Мураду в качестве заложника, с неперменным проживанием в Константинополе, племянника Султана Хейдар-мирзу, второго сына умершего брата принца Хамзы, и молодой человек был тотчас отослан туда под надзором хана Мухаммедкули-халифа.

Договор с Турцией, таким образом, был окончательно заключен (и его северо-западная граница была в безопасности). Шах Аббас собрал 30 тысяч пехоты и выступил из Казвина, а поводом для этой его первой кампании послужило следующее. Среди ханов и знати, находящихся во дворце в Казвине на второй день после вступления шаха на престол, когда, как было рассказано в предыдущей главе, двадцать два изменника из их числа были казнены, но некоторые из оставшейся недовольной знати избежали смерти, а именно трое: Мухаммед Шариф-хан, Султан Махмуд и Азам-бек Колгачи. Эти ханы спаслись тогда бегством, найдя убежище у хана Ахмеда, принца Гиляна в Басте и Гешере, провинциях, лежащих на северном берегу Каспийского моря. Этот принц, хан Ахмед, был женат на сестре покойного шаха Мухаммеда Худабенде, и эта провинция, будучи подвластной Персидскому государству, должна была ежегодно выплачивать дань около миллиона золотых монет в шахскую казну.

Шах Аббас немедленно потребовал от принца Гиляна, чтобы он выдал сбежавших трех изменников-ханов, но хан Ахмед отказался; более того, он отказался платить дань, наложенную на него, и шах Аббас разгневался на это оскорбление и сопротивление. Провинция Гилян — гористая и непроходимая земля, где лошади мало используются для передвижения, вот почему царь мог взять с собою только пехоту, и ее число в этой кампании указано выше. Все, начиная от самой высокой знати до самых низших, следующих в обозе, должны были идти пешком, и для их удобства были припасены огромные запасы обуви, — главным образом, обувь, сшитая из воловьей кожи особого сорта, известная как *чарьки*. Царь сам носил их, чтобы показать пример, шагая, таким образом, во главе своего войска, и мы все шли по его следам.

Так мы продвигались, и за двенадцать дней покрыли пятьдесят лье, отделяющие Казвин от Гиляна. Хан Ахмед и его знать тем временем не

сидели сложа руки, так как они были уже осведомлены о нашем походе; так, огромные деревья были срублены и лежали таким образом, что преграждали дороги и тропы, и дальше на всем пути воины устроили множество засад, чтобы помешать нам. Но сопротивление, однако, было тщетным, и наше войско вошло в Гилян, правда, с небольшими потерями, но не такими, как можно было бы ожидать. В действительности, мятежники не могли противостоять нам, так как шах Аббас выставил головной отряд, идущий впереди основной части войска, под командованием шейха Ахмеда, который был главным судьей его двора, будучи также начальником стражи, и все эти люди были одеты в одежды алого цвета, от чарыков на ногах до шапок на головах; у персов это было формой палачей царского правосудия. Эти люди тем временем вошли в город под названием Нохум, предали мечу 10 тысяч его жителей, из которых более половины были женщины и дети, схватили жену правителя города, спасшегося бегством, и сожгли ее живьем, а она была прекраснейшей женщиной.

Таким образом, мы с главной армией вошли в Гилян, пройдя дорогами и тропами, большей частью безлюдными или заброшенными, и не успел хан Ахмед, принц Гиляна, узнать о нашем прибытии, как торопливо убежал со всем двором, покинув свою столицу, великий город Ладиджан, как мы уже говорили в книге первой, главе II этой работы. Он оставил городские укрепления полностью незащищенными, захватил с собой свои сокровища, а также прекрасную грузинку-невольницу, в которую был сильно влюблен; она была недавно куплена им за 10 тысяч крон. Принц Гиляна и его свита поспешили в порт на Каспийском море, чтобы сесть на корабль; этот порт был в его владении (и лежал на побережье к западу от пути из Грузии в Черное море), откуда он отплыл в Константинополь. После его бегства все города провинции Гилян подчинились шаху Аббасу, который сразу повернул назад, к Казвину, радостный и победоносный, оставив в Гиляне гарнизон из 12 тысяч персов под командованием Мехтикули-хана Шамлу, который был назван правителем. Шах Аббас в своем караване вез домой свою тетку, принцессу, чей муж, принц Гиляна, спасся бегством. Таким образом, мы вновь вошли в Казвин, но имели мало времени для отдыха. Не прошло и двух месяцев, как пришли новости, что восстал принц Луристана по имени Шахверди-хан.

Этот принц, женатый на племяннице шаха Аббаса, дочери принца Исмаила, ранее был обложен данью в 50 тысяч дукатов. Ныне причиной восстания послужило то, что шах Аббас в момент своего вступления на престол Персидского царства не послал ему приглашения, хотя он, Шахверди-хан, был своей женитьбой близко связан с шахом Аббасом. Далее, в этот момент турки и татары (его ближайшие соседи, начавшие уже бунтовать) уговорили его смело отказаться от выплаты дани, что он и сделал, хотя принцесса, его жена, еще более настоя-

тельно пыталась отговорить его от этого шага. Однако безрассудство взяло в нем верх, и, вместо того, чтобы последовать ее совету, он сильно ударил ее по лицу, и обида была столь велика, что принцесса в отместку тайно сообщила своему дяде, шаху Аббасу, обо всех планах мятежников. Шах сразу собрал 30 тысяч всадников и, не сообщая нам о цели похода, за восемь дней привел нас за сто пятьдесят лье к юго-западу, это было расстояние между Казвином и Хорремабадом, столицей земли Луристан. Таким образом, Шахверди-хан не был предупрежден о нашем приближении, пока мы не подошли к его воротам. Мы достигли горы на его границе, где он держал караул из ста человек для охраны, которые были поражены приходом нашей армии, а один солдат тотчас же убежал, чтобы сообщить правителю Луристана об опасности. В награду за принесенное предупреждение Шахверди-хан отрубил вестнику голову.

Затем, взяв жену и сокровища, он бежал из столицы, ища убежища в Турции, в местечко, где в двенадцати лье от Багдада находился гарнизон. Таким образом, по прибытии в Хорремабад мы обнаружили, что Шахверди-хан бежал от нас, и все жители столицы также бежали, ища приюта в соседних холмах. Поэтому шах Аббас сразу отправил одного из командиров по имени Аллахверди-хан в погоню за правителем во главе отряда из 12 тысяч грузинских всадников, все они были вероотступники, так как приняли ислам, отказавшись от Христа, но они исполняли все приказания так благоразумно, что, войдя в тот город, занятый турками, сожгли дотла все, не причинив никакого вреда войскам султана, — и, таким образом, специально избежали разрыва мирного договора между Персией и Османской империей, до сих пор сохранившего силу. Таким образом, они схватили Шахверди-хана собственной персоной и вместе с принцессой, его женой, доставили в Хорремабад к шаху Аббасу, который приказал немедленно его казнить. Принцессе как племяннице шаха было оказано уважение, ей было даровано пособие, а Хусейн-бек, всегда остававшийся верным слугой шаху Аббасу, был назначен правителем земли Луристан. После этого мы все вернулись назад, в Казвин, но если мы вошли в город с одной вестью, выходили уже с другой — начался бунт, главным образом в провинции Мазендеран, которая лежит на границе с татарами, а одна ее часть простирается вдоль побережья Каспийского моря.

Сюда пришел принц под именем Бенги Мелик (это было его прозвище), что означало «безумный, пьяный царь», и это прозвище было дано ему потому, что он вел образ жизни, пользующийся дурной славой. Решив не платить больше обычной дани, он поднял восстание, и хотя, как мы уже говорили, вел дурную жизнь, тем не менее был на поле боя умелым солдатом. Шах Аббас в этом случае не намеревался выступить лично против него — по какой причине, я не знаю — и потому послал своего представителя, главного инспектора шахского двора, известного нам,

персам, под именем *курчи-баши*⁶⁰, происходившего из знатной семьи племени каджар. Таким образом, он выступил из Казвина во главе армии из 50 тысяч солдат и, проведя в походе всю следующую зиму, достиг Мазендерана и осадил там одну крепость, где благополучно укрылся Бенги Мелик. Но это было, однако, ловким обманом, так как такое мог задумать только хитрый человек, и этот план следует подробно объяснить.

Правитель Бенги Мелик был вынужден построить в тех местах на вершине горы удивительную внешне крепость со многими бастионами и башнями, полностью состоящую из деревянных частей, простых тонких досок, покрытых гипсом. Это было сделано с таким искусством и мастерством, что вся крепость казалась построенной из камня, и надо было потрогать стены рукой, чтобы обнаружить обман. У Курчи-баши, который осаждал крепость, не было пушек, так как в армии шаха Персии полевая артиллерия обычно мало использовалась. Таким образом, крепость казалась неприступной, оставался только штурм, но персидские начальники, будучи напуганы небольшим количеством артиллерийских орудий, которые Бенги Мелик собрал и разместил в нужных местах, даже не пытались предпринять что-либо. Таким образом, он в течение всего зимнего сезона дерзко обманывал Курчи-баши, а персы, осаждая крепость, надеялись, в конце концов, уморить гарнизон голодом. Так это было или нет, но тут один из людей Бенги Мелика, руководствуясь частными соображениями, бежал из крепости, и от него Курчи-баши узнал, какую шутку с ним сыграли. Темной ночью он подошел к стенам крепости и, убедившись, из какого материала они сделаны, тотчас предал дерево огню, а когда Бенги Мелик попытался бежать, был взят в плен. Курчи-баши немедленно отрубил ему голову, но и сам был посрамлен и разгневан той шуткой, которую с ним сыграли. Когда он вернулся в Казвин, над ним действительно много смеялись, распевали песни об осаде Курчи-баши неприступной крепости, так что в течение долгого времени он не смел появляться при дворе.

Эти насмешки, однако, были недолговечны, так как Али-бек, правитель Астрабада, плативший дань шаху Аббасу, вдруг объявил себя самостоятельным и отказался платить ее. В этом случае шах Аббас немедленно выступил против него с 30 тысячами всадников, но я, к несчастью, заболел и не смог принять участие в походе. Судя по сообщениям, которые я слышал, Али-бек был взят в плен в первой же атаке, по другим сообщениям, он пришел добровольно, умоляя о прощении. Как бы то ни было, в результате шах Аббас приказал немедленно выколоть ему глаза, а затем, назначив одного из своих командиров правителем земли Астрабад, которая граничит с землями татар, с победоносной армией вернулся в Казвин.

⁶⁰ См. примеч. 52 на с. 121.

В предыдущих главах мы не раз говорили о великой силе государства татарского народа (обычно они известны как узбеки), чьи правители ведут род от Тамерлана, или Тимур-бека, и чей род восходит к Чингисхану, и чье имя, говорят, означает «Самый Главный» или «Высший» из всех. Когда в Персии на престол взшел шах Аббас, монархом узбекских татар был Абдулла-хан [Узбек], у которого был обычай время от времени делать набеги на районы, граничившие с его землями. Сейчас, заметив, что шах Аббас большей частью предпринимает походы против своих восставших подданных — как мы описывали выше, — он тотчас принялся грабить соседние со своими границами земли Персидского царства. Татарские орды опустошили весь Хорасан, завладев тридцатью двумя его городами, включая столицу Герат. Здесь они убили правителя Аликули-хана Шамлу, который держал гарнизон из 6 тысяч персов, и эти люди дорого заплатили за свою жизнь. От Герата до Мешхеда сто лье, и узбеки прошли их. Здесь был похоронен потомок халифа Али по имени имам Рза, которому мусульмане-шииты воздавали особую честь как святому, и к его гробнице, как мы уже рассказывали, на паломничество персы приходили за много лье босиком. Следует также упомянуть, что там есть маленькая башенка, высотой примерно в полтора древка пики или немного больше, полностью построенная из массивного золота. На ее вершине находятся сделанные из драгоценных камней арки, которые, в свою очередь, удерживают на своей вершине алмаз величиной с большой каштан, и все это ночью сверкает так, что тьма освещается на расстояние лье вокруг. Я не упоминал бы об этом чуде, если б не видел его собственными глазами.

У Мешхеда Абдулла-хан Узбек⁶¹ встретил Исмет-хана из племени устаджу, который, будучи персидским правителем и бывшим наместником Хорасана, в течение трех месяцев героически защищал город. Татары, однако, в конце концов, вошли в город, хотя докладывали, что они потеряли 200 тысяч человек во время осады. Таким образом, овладев положением, Абдулла-хан Узбек был повинен в больших жестокостях, так как по его приказу собрали вместе всех знатных персов и заперли в главной мечети и на ее дворе, и он сказал, что ради святого имама Рзы дарует им жизнь. Однако когда все собрались и их число приблизилось к 40 тысячам, их заперли и, по приказу узбекского вождя, все были казнены. Весть об этих событиях была доставлена шаху Аббасу, который в то время в Казвине занимался приготовлениями для переноса своей столицы из Казвина в Исфahan. Но это дело шах отложил, решив немедленно выступить и отомстить узбекам за эту страшную жестокость и оскорбление, которое они нанесли ему. Но в нужный момент шах обнаружил, что в казне мало средств, и он не знал, как выкрутиться, чтобы выплатить деньги войску. Поистине золото — энергия и подлинно дви-

⁶¹ Абдулла-хан из династии Шейбанидов (1583–1598).

жущая сила войны: тот, кто имеет деньги, всегда находит солдат. В этом случае я говорю как человек, имеющий жизненный опыт, и следует упомянуть эту мудрость, услышанную мною однажды от нашего царя шаха Аббаса, так как действительно это был тот самый случай. И вот он издал приказ, чтобы немедленно расплавили всю его золотую и серебряную посуду (для примера, его запас золотой и серебряной утвари был самым богатым в сравнении с иными правителями). Три раза был отдан приказ, и трижды его управляющие откладывали исполнение, и когда шах поинтересовался, ему ответили, что в результате этой работы было бы получено всего лишь 900 тысяч дукатов. «Тем не менее, — сказал шах, — все должно пойти в плавильный котел, чтобы заплатить солдатам». И еще сказал он: «Мой отец, слепой царь Мухаммед Худабенде, часто повторял поговорку, что хорошее жалованье принесет столько побед, сколько не может самая большая удача». После этого вся его золотая и серебряная посуда была расплавлена и перелита в монеты, посредством чего было собрано и экипировано 80 тысяч всадников. Тогда мы выступили на Мешхед.

Татары, однако, как только получили весть о нашем приближении, уехали, и мы вернулись в Казвин несолоно хлебавши. Но, когда мы невредимыми вернулись в столицу, Узбек-хан предпринял другой рейд во главе 200 тысяч татар, на этот раз осадив Турбат-и Хайдери (город, лежащий на некотором расстоянии к югу от Мешхеда), где был правителем Мухаммед-хан Баят. В течение месяца или больше он храбро сдерживал орды татар, и действительно, во время своих вылазок из форта убил их около 30 тысяч, но каждый день все больше узбеков присоединялось к осаде, и показалось благоразумным пойти на соглашение с врагом. Мухаммед-хан согласился сдать город, и персам, по условиям капитуляции, было разрешено выйти из города с развернутыми знаменами и литаврами. Тем не менее шах Аббас, услышав об этом, был далеко не удовлетворен, и, хотя Мухаммед-хан Баят имел верных друзей, ему, по прибытии в Казвин для выяснения своего дела, чуть не пришлось сложить голову. В конце концов, однако, шах помиловал его, так как действительно обстоятельства вынудили его пойти на этот шаг.

В течение последующих восьми лет шах Аббас вел постоянные войны против Абдуллы-хана Узбека и узбекских татар. Время от времени мы возвращали себе большую часть провинции Хорасан, но затем они, в свою очередь, снова переходили границы и занимали некоторые из отдаленных его провинций. Неоднократно шах Аббас посылал личный вызов Абдулле-хану Узбеку, призывая его выйти во главе своего войска и устроить заранее подготовленное сражение, или же двум монархам сразиться на победителя, как говорится, лицом к лицу. Любопытный способ боя достоин царей, сказал шах Аббас, тогда как эти набег и засады были только грабительскими схватками. Татарский принц, однако, всегда давал ответ, что его предки воевали таким способом, и он не наме-

рен изменять древнему обычаю своего народа. Таким образом, в упомянутое время эта пограничная война продолжалась до тех пор, пока, наконец, смерть не прервала тщеславие и хвастовство Абдуллы-хана Узбека. Затем, по счастливой случайности, его сын [Абд-ал-Мумин, сменивший его] спустя несколько месяцев последовал за ним в могилу. Как очевидец, я ручаюсь головой, что в продолжение семи с половиной лет или около того, пока непрерывно длились эти войны, шах Аббас предпринял более пятидесяти крупных кампаний, и я принимал участие в двадцати двух или двадцати трех из них: я не ошибусь в своей оценке, если скажу, что с обеих сторон, как персов, так и татар, погибло на полях сражений в течение этих лет более миллиона человек.

После смерти Абдуллы-хана Узбека последовало много значительных событий. Шах Аббас, избавившись от своего главного врага, решил навести и упрочить порядок в делах своего правительства и государства, тем более что приблизительно в это же самое время умер в Константинополе султан Мурад III, его сменил сын Мухаммед III, который в момент написания этих страниц является султаном Османской империи. Таким образом, и на северо-западной, и на северо-восточной границах Персии внутреннее положение турок и татар давало возможность передохнуть от нападений, к тому же султан Мухаммед III высказывал пожелание, чтобы твердо выполнялись условия мирного договора, много лет назад подписанного его отцом султаном Мурадом III вместе с шахом Аббасом. Шах Аббас воспользовался мирной передышкой, чтобы возвести множество сооружений, которые он планировал, и в это же время он осуществил визит сыновнего почтения к могилам своих предков в Ардебиле. В это же самое время были обнародованы новые законы и основаны учреждения, и тогда же была перенесена столица из Казвина в Исфахан. Как мы уже говорили, Исфахан был главным городом провинции Ирак, которая прежде была Парфией и в то же самое время имела более удобное месторасположение, чем Казвин, так как огромный капитал вместе с растущим населением, таким, как сейчас, сосредоточился в центральных метрополиях Персии, и районы вблизи Исфахана, столь обширные и плодородные, были вполне способны прокормить все население новой столицы.

Пока мы отдыхали таким образом от военных трудов и устраивались в наших квартирах, Талим-хан стал вождем у узбекских татар, наследовав верховную власть после смерти своего дяди, вышеупомянутого Абдуллы-хана Узбека. Этот Талим-хан был юношей, жаждущим известности и славы, и он повел войну дальше, не имея мудрых советников, которые сдержали бы его честолюбивый пыл. Поэтому, собрав силы в 300 тысяч татар, он начал вторжение в Хорасан, где не было достаточного количества персидских войск, чтобы оказать сопротивление бешеным атакам налетчиков. Талим-хан вскоре захватил всю провинцию, разместив свою резиденцию в городе Герате. Шах Аббас тем временем устал

от мира и, узнав об этих событиях в провинции Хорасан, немедленно послал Фархад-хана, тогда самого главного среди своих приближенных, дав ему 12-тысячную кавалерию, чтобы остановить татарский набег. Фархад-хан любыми средствами старался избежать атаки врага, но, поняв, наконец, что это невозможно и он находится лицом к лицу с татарскими силами, повернул назад и бежал. Шах Аббас, услышав о такой трусости, был очень разгневан, но, соблюдая приличия, не показал испуга или видимого недовольствия. Он собрал войско из 100 тысяч кавалеристов и решил выступить сам против Талим-хана; и в этой кампании я принял участие вместе с моим другом Аликули-беком — с тем, кто, как будет сказано дальше, впоследствии сопровождал меня в Испанию, где потом, приняв крещение, получил имя дона Филиппа Персии, — и обоим нам шах Аббас дал высокие должности в армии.

Когда персидские войска достигли границ Герата, шах Аббас, который все еще оставался в Исфахане, прискакал верхом и присоединился к ним, став во главе армии. Талим-хан, в юном рвении, жаждал открытого боя: он немедленно атаковал нас, и тогда шах принял вызов, хотя мы, персы, имели только 100 тысяч человек против 160 тысяч татар. В тот день, однако, удача сопутствовала нам, так как, начав великую битву против нас, татары поняли истинную цену того, как по-иному могут бороться наши командиры и солдаты, если ими командует лично их шах. Татары оказались совершенно не способными отразить наши атаки и повернули назад, спасаясь бегством, потеряв всю славу, которую они приобрели, и в то же самое время потеряв и господство над провинцией Хорасан. В своем беспорядочном бегстве они оставили своего предводителя Талим-хана, который попал к нам в плен и немедленно был казнен по приказу шаха Аббаса. Тогда мы освободили Герат, взяв в плен более 6 тысяч татарских солдат и вдобавок такое же число их женщин. Видя, что все его враги побеждены, шах отдал армии приказ вернуться в столицу Исфахан. Более того, он простил Фархад-хану его трусость и предложил назначить его правителем Герата, но Фархад-хан не изъявил желания принять назначение, так как он чувствовал себя более свободно среди интриг и скандалов двора, чем способным руководить провинцией и носить оружие. Фархад-хан, таким образом, освободил бы себя от этих обязанностей, но разгневанный шах, узнав о его отказе служить и вспомнив недавнее позорное поведение, незамедлительно приказал отрубить ему голову. Правителем Герата тогда был назначен Хусейн-хан Шамлу с гарнизоном в 40 тысяч персидских солдат; и, будучи удовлетворены и счастливы богатой добычей, мы все повернули назад, везя 24 тысячи отрубленных татарских голов и, кроме того, много пленных.

На обратном пути, однако, мы не пошли в Исфахан, так как приближенные и слуги шахского двора оставались с шахом, который пошел прямо в Казвин. Здесь некоторым из придворной знати поручили служить у принца Сефи-мирзы, самого старшего сына и престолонаслед-

ника шаха Аббаса; он родился от жены-грузинки, и в то время мальчику было около десяти лет. Было приказано затем сопровождать молодого принца в Исфахан, что мы и сделали, устроив его в подходящий дворец с услугами, соответствующими его рангу. Так прошли в Исфахане два года без каких-либо событий, о которых следовало бы упомянуть, и в конце этого времени пришли вести, что снова от неоднократных набегов турок начались беспорядки на наших северо-западных границах. Шах быстро решил этот вопрос, так как был не прочь разорвать мир с султаном Мухаммедом III, и своевременное прибытие неких англичан утвердило его в этом мнении.

Эти люди прибыли из Шотландии и через Венецию направились в Алеппо и Багдад, выдавая себя за турок. Согласно условиям существующего мирного договора (между Персией и Турцией с их вооруженной охраной), их остановили на границе у реки Чисир, где они делали вид, что путешествуют как турецкие купцы, — и так как они вполне говорили на этом языке, турецкий конвой отпустил их. Затем несколько персидских купцов, проходя мимо, перевели их через реку, а оттуда довели до Казвина, где и стало известно, кто они есть на самом деле. Прибыв из Хорасана, мы нашли этих людей уже ожидающими нас в Казвине, где, однако, шах Аббас не встретился с ними. Позднее им было дозволено пойти в Исфахан, где они были допущены ко двору и где царь дал им аудиенцию (его величество, как было сказано, до сих пор не видел их). И вышло так, что в свое время мы вместе с ними в составе посольства отправились в Испанию, но об этом подробнее будет рассказано в третьей книге нашего сочинения.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Дон Жуан Персидский излагает здесь причину своей поездки в Испанию и другие достопримечательные события, свидетелем которых он стал во время своего путешествия, а также рассказывает о своем обращении в христианскую веру, а позже и об обращении двух других персидских вельмож

Глава первая,

в которой рассказывается о прибытии ко двору царя Персии двух португальских монахов, и о двух братьях-англичанах, и о том, как царь решил отправить посольство к восьми христианским правителям

Шах Аббас жил в мире, покое и довольстве, отдыхая в своих поместьях, наслаждаясь победами, одержанными над врагами и покоренными провинциями, когда к персидскому двору прибыли с посольством Мухаммед-ага¹, великий чавуш² султана Турции Мухаммеда III³ в сопровождении свиты из трехсот владетельных особ и знати. Требованием султана было, чтобы шах Аббас послал своего сына Сефи-мирзу в Константинополь ко двору султана — престолонаследнику в то время было двенадцать лет — веселить и развлекать султана. Царь, зная по собственному опыту жестокие нравы османского двора, отвечал послу таким образом: царь в действительности только слуга своего сына, так как в Персии, когда рождается принц-престолонаследник, он номинально становится царем страны, поэтому он скорее сам отправится засвидетельствовать свое уважение его величеству султану и

¹ Личность его установить не удалось.

² Великий чавуш, баш чавуш — начальник слуг для особых поручений во дворце султана.

³ Мухаммед III (Мехмед III) — турецкий султан (1595–1603).

окажет честь его двору; но если будет отослан его сын, даже если он захочет послать его, придворные вельможи никогда не согласятся отпустить принца.

Османский посол не был рассержен этим ответом, но рассержен был шах дерзким требованием султана и той коварной хитростью, с которым это требование было послано: видно, что наследника Персии хотят предать смерти, и действительно, османский султан имел обыкновение поступать таким образом.

Итак, шах понял намерение султана Мухаммеда III и тотчас же дал приказ сбрить бороду послу и отослать в качестве подарка султану.

Подобный способ оскорбления считался в обычае между этими принцами, и шах Аббас был вправе сделать это, как бы напомнив султану Мухаммеду III злую шутку, которую сыграли по приказу его отца Мурада III с его бывшим персидским послом. Мне хочется напомнить, что во время торжественной церемонии в Константинополе персидского посла усадили на специально сооруженный помост, который затем развалился в самый разгар церемонии.

Приблизительно в то же самое время ко двору шаха прибыл англичанин (о нем уже мы говорили), назвавшийся сэром Антонием Шерли⁴, со свитой из тридцати двух сопровождающих, и они сделали остановку в Казвине. Он объявил себя двоюродным братом шотландского короля Якова, уверяя, что все короли христианского мира признали его и сейчас уполномочили в качестве посла вести переговоры с царем Персии, который должен заключить с ними союз, чтобы вести войну с Турцией, с их общим врагом. Христианские джентльмены пришли вовремя, так как царь Персии сам собирался послать посла с подарками к королю Испании через Португальскую Индию. Сэр Антоний, однако, довел до сведения шаха, что кроме его католического величества короля Испании есть много других христианских королей в Европе и на Западе и есть более сильные монархи, которые с охотой объединятся с ним против Турции: ему следует послать также письма и подарки каждому из этих королей. Сэр Антоний так преуспел в продвижении этого вопроса, преподнося его как срочный, что шах сделал так, как он советовал, и тотчас отдал приказ, чтобы были начаты все приготовления для послов, предполагая, что сэр Антоний будет сам сопровождать персидское посольство. Сэр Антоний охотно согласился на это, благодаря его величеству за честь, оказанную ему, и предложил восемь христианских держав, где он и персидское посольство будут уполномочены вести переговоры; и эти монархи следующие: Папа Римский, император Германии, король Испании, король Франции, король Польши, правитель Венеции, королева Англии и король Шотландии.

⁴ См. введение, с. 12, а также примеч. 38 на с. 176.

Все дела были приведены в порядок, сэр Антоний согласился оставить своего младшего брата Роберта⁵ с пятнадцатью англичанами в Персии; всем оставшимся шах дал дом с достаточным содержанием в соответствии с рангом, который они имели. В то же самое время сюда прибыли из Ормуза два португальских монаха-путешественника, уроженцы Лиссабона. Один был доминиканец, другой — францисканец⁶; первый называл себя монахом Николао де Моло. Эти люди также одобрили шаха за его идею послать своих представителей к христианским монархам, и его величество одарил их подарками, называя монахов *падре* и оказывая каждому из них учтивость: они просили шаха жаловать им письма с рекомендацией для их святейшества и другое — для его католического величества короля Испании. Шах тотчас согласился, приказав написать такие письма и отдать им, отдельно от всех других рекомендаций. Направляясь в Персию, сэр Антоний держал свой путь через Грецию [и Османскую империю] и, зная турецкий язык, ему было легко выдавать себя за турка, но вернуться домой этим же путем было просто невозможно. С другой стороны, путь через Индию требовал очень долгого морского путешествия, и в результате именно это и решило, что путь нашего посольства будет пролегать через Татарию и Московию.

Все необходимые приготовления были сделаны. Его величество жаловал свои грамоты и приказы для свободного перемещения через все его земли и территории, где будет проходить посольство; далее, были даны необходимые кредиты с распоряжением оплачивать наши путевые расходы, и то же самое было сделано для англичан — все, таким образом, было оплачено за счет царя Персии. Персидские придворные, которые

⁵ Роберт — брат Антония Шерли, более известный как граф Шерли (1581–1628). Он оставил Иран в 1608 г. и отправился в Европу вместе с послом шаха Аббаса I с целью уговорить европейские страны создать коалицию против Османской империи. Граф Шерли отправился через Краков, доехал до Праги (1609 г.), затем через Флоренцию прибыл в Рим, где Папа Римский Павел V принял его. Далее, двигаясь от Генуи морем к Барселонё, он достиг Мадрида в 1610 г. и в августе 1611 г., наконец, вернулся в Англию и получил аудиенцию у Якова I. После 18 месяцев сэр Роберт выехал в Иран, но на этот раз длинным морским маршрутом вокруг мыса Доброй Надежды, покинув Дувр в 1612 г. Ему не удалось высадиться в Персидском заливе, и он последовал в Индию и покинул Сурат только в сентябре 1614 г. Он достиг Исфахана в июне 1615 г. и в октябре того же года снова вместе с послом Ирана был послан шахом Аббасом I в страны христианского мира. Достигнув Гоа, он обнаружил, что упустил ежегодную навигацию и не сможет достичь Лиссабона раньше, чем через год. Наконец он прибыл в Испанию в 1617 г. и остался здесь на 5 лет. В 1622 г. оставил Испанию и через Рим прибыл в Англию, где оставался с января 1623 г. до марта 1624 г., когда в третий и последний раз отправился в Персию. Вновь поплыл вокруг мыса Доброй Надежды, достигнув Персидского залива в ноябре, и прибыл в Исфахан в апреле 1628 г., где был принят шахом Аббасом I, но не получил достаточной благосклонности. Через три месяца он внезапно умер в Казвине в возрасте 47 лет.

⁶ Имя францисканца в примечании Ле Стренджа указано как Альфонсо Сордеро, а доминиканца как Николао де Мето.

сопровождали посла в качестве секретарей, были должным образом снабжены. Мы попрощались с шахом Аббасом в его резиденции в Исфахане, где находился весь двор, и в четверг вечером, в 9 день июля 1599 года от Рождества Христова, мы начали наше путешествие. Те, кто отправился путешествовать из шахского дворца по приказу и на средства шаха, были вельможами его двора, людьми высокого ранга и были соответственно экипированы для путешествия. Персидского посла звали Хусейнали-бек, с ним ехали четыре знатных человека в качестве секретарей посольства и пятнадцать слуг. Затем шли два монаха, а затем сэр Антоний с пятью переводчиками и пятнадцатью другими англичанами. К тому же тридцать два верблюда везли подарки, не считая необходимого числа верховых лошадей для тех, кто отправился в путешествие, а также обычные вьючные животные для переноски багажа уже упомянутых лиц. Разнообразны были чувства в сердцах тех, кто уезжал, и различны были проявления этих чувств; так, одни выглядели радостными, а другие — печальными. Шах милостиво простился с нами и дал слово щедро вознаградить нас по возвращении, но так печальны показались нам лица наших друзей, так плакали наши родственники, такое отчаяние и горе выражали, хотя и по-разному, наши жены, что мы волей-неволей поторопились распрощаться и тем же вечером, покинув столицу, держали путь в город Кашан — там нам предстояло сделать первую остановку.

Дорога от Исфахана до Кашана заняла у нас четыре дня; мы отдохнули там два дня, а затем двинулись к городу Кум, и на следующее утро уже достигли города Саве. От Саве мы шли три дня и достигли Казвина, бывшей столицы Персии, как мы уже сообщали в соответствующей главе нашей книги, описывая провинции Персии. Здесь мы остались на восемь дней, так как шах приказал нам взять отсюда некоторые вещи для подарков, которые мы должны были преподнести христианским монархам, это вдобавок к тем, что мы везли из Исфахана; и мы добросовестно занимались этими делами. Оставив Казвин, за пять дней мы дошли до Гиляна, территории, где говорят на языке, отличном от персидского, хотя, как мы уже объясняли в предыдущей главе, это единая часть Персидского царства. Эта провинция лежит вдоль побережья Бакинского моря, также называемого Гулзум, или в древности — Каспийским морем, и поскольку мы должны были погрузиться здесь на корабль, то задержались на десять дней, пока все необходимые приготовления не были завершены. Много наших друзей и родственников сопровождали нас сюда из Исфахана, мы с грустью попрощались с ними, и вот, наконец, погрузили вещи на корабль и, ступив на борт, отправились в далекое плавание.

Каспийское море недостаточно изучено древними, которые еще со времен Цезаря Августа считали, что оно — залив океана, но арабы знали, что это не так, и назвали его «Закрытым морем». Оно восемьсот миль в длину и шестьсот миль в ширину; в него впадают многие полно-

водные реки, и хотя нет недостатка в тех, кто заявляет, что по этой причине вода в нем не может быть ни горькой, ни соленой, я, переплывший его и раз или два пытавшийся попробовать на вкус, могу утверждать, что она плотная, горькая и соленая, и далеко не вкусная. Главные реки, которые впадают в это море, — это Чессел, Гейсон, Теусо, Коро и Волга. Эта последняя известна в тех местах как Эдер, и по этой реке, как будет описано позже, нам было предназначено двигаться в глубь России. Итак, как уже сказано, сев на борт корабля, мы вышли в море, и за день и ночь достигли маленького островка, где обычно жили рыбаки, так как рыба здесь в изобилии и разных видов. Многие из них ловили поблизости большое количество морских собак и заготавливали их шкуры, которые, будучи сначала высушены, повсеместно использовались как галлоны для хранения оливкового масла: вот почему эти шкуры ценились дорого. Здесь мы остались на день, переночевали, ожидая хорошей погоды, и на следующий день, как только море успокоилось, мы пустились в путь. Очень скоро, однако, стало ясно, как плохо моряки знают погоду, так как поднялась буря, и не успели мы проплыть три или четыре мили, ветер расколол наши паруса и не единожды мы думали, что уже тонем. Но, действительно мы, персы, настолько непривычны к морским путешествиям, что большинство из нас не почувствовали опасности, и мы искренне смеялись над португальскими монахами, которые проливали слезы, очевидно, готовясь к смерти. Шторм продолжался целую ночь, а утром мы обнаружили, что снова находимся в том же порту и городе Гиляне, где мы ступили на борт несколько дней назад.

Те, кто оказался малодушен, хотели сойти с корабля и вернуться в Исфакан, так как им казалось, что Небеса не желают, чтобы мы совершили это долгое путешествие. Но, по правде говоря, мы все слишком боялись гнева шаха Аббаса, и, как только погода установилась, снова вышли в море, и за два дня вновь проплыли уже пройденный путь, а на другой день, отправляясь дальше, достигли порта, где и в помине не было зданий, а были только поселения людей различных племен. Эти люди жили на манер кочевников-мавров из Марокко среди своих стад и верблюдов; они все татарской нации и стране дали имя Земли Великого Тамерлана Татарики, хотя, фактически, они — подданные шаха Персии. Образ жизни этих людей совсем дикий, говорят они мало, что является вопросом разума, ходят почти обнаженными, надевая только рыбацкие штаны или очень короткие блузы. Это бедные и очень простые люди. По обычаю, они приветствуют каждого, кто прибывает в их страну. Они хорошо обращались с нами, выделяя нам из своих стад щедрое угощение в течение тех двух недель, что мы задержались здесь ввиду мертвого штиля на море. В этой стране, которая иначе называется Мангышлак [и лежит на восточном побережье Каспия], люди очень чтят местного персидского Идола, и чужестранцы тоже, и мы, взяв много подарков, принесли Идолу жертву, чтобы он даровал нам попутный ветер. Мы

встретили здесь перса, который умолял нас взять его с собой, и, дождавшись, наконец, попутного ветра, мы снова вышли в море. Тем не менее в течение следующих двух месяцев мы постоянно задерживались из-за ветреной погоды; так мы долго плыли вдоль побережья, а при попутном ветре могли бы за двенадцать дней закончить наше путешествие через Каспий.

Под конец этих двух месяцев мы пришли в место, которое является заливом Каспия, где вода чище и менее солена, чем в открытом море, как верно отметил это Джованни Ботеро в своей книге, но этот залив — отдельный рукав Каспия, а не часть основного моря. И здесь надлежит подчеркнуть, что вода здесь менее соленая из-за рек, текущих в этот залив; но вот что ясно доказывает, что вода Каспия по природе поистине соленая: когда штормовой ветер гонит воды из рукава, о котором мы говорили, в устье реки, здесь вода становится горькой, как желчь, и в этом я сам убедился. Местные жители называют эту реку Волгой, другим именем — Идел⁷. Тридцать лье вверх по устью на север проплыли мы и вошли на территорию, занятую москвитами в Азии, и первое населенное место, куда мы пришли, был христианский город, который называется Астрахань. Один из наших персов и англичанин с моряками-гребцами сели в маленькую лодку и отправились нанести визит генерал-губернатору города, который находился на тридцать лье выше того места, где наш корабль бросил якорь, так как около города было так мелко, что мы не могли туда пройти, не сев на мель. Пока мы стояли там на якоре, изменение ветра привело к тому, что наше судно подверглось великому риску, так как, когда налетел шквал, оно чуть не перевернулось, хотя и было больших размеров, и мы уже считали себя обреченными. Немедленно мы начали бросать за борт тысячи бушелей пшеницы и муки, затем много провизии, которой мы были снабжены, много сундуков с одеждой, под конец несколько ящиков ценных подарков; и в конце концов благодаря этому опустошению корабль был спасен, а буря улеглась.

Эта опасность прошла; те, кто пошел в город, вернулись, и с ними генерал-губернатор прислал нам на четырех галерах провизию. Мы перегрузили продукты, затем нас взяли на борт. По прибытии в город мы высадились с галер, и нам был устроен торжественный прием, и присутствовало на нем огромное количество народа. Здесь мы встретили другого посла шаха Персии, специально посланного в Московию, со своей свитой в триста персон⁸. В Астрахани мы пробыли шестнадцать дней, и нам был оказан превосходный прием, и поскольку была осень, то в стране в изобилии было дынь и яблок очень хорошего качества. Здесь не только земля приятная, но также и люди; так, генерал-губерна-

⁷ *Идел, Итил* — так арабские географы называли р. Волгу.

⁸ Сведения об этом посольстве встречаются только у Орудж-бека.

тор, которого великий князь Московии назначил сюда правителем, велел объявить, чтобы никто не смел требовать с нас деньги за то, что мы пожелаем купить, а за непослушание — наказание в двести плетей. Город Астрахань — правильное Астархань — имеет население в 5 тысяч домовладельцев (или 22 500 душ); все дома деревянные, за исключением одних крепостей; хорошо укреплена усадьба, где проживает генерал-губернатор. Это высокое здание и сделано из очень толстых каменных стен; оно охраняется большим гарнизоном, и никто не смеет войти туда без особого разрешения. Церквей там бесчисленное множество, но не очень больших; в них полно изображений святых, и хоть они маленького размера, но нарисованы и покрыты лаком, перед каждым изображением весь день горит зажженная свеча; далее местные жители не позволяют чужестранцам входить в церкви.

Согласно заметкам Джованни Ботеро, мы узнали, что Астрахань — один из городов, где, по приказу правительства, постоянно селятся татары, бесчисленные их племена, и евреи. Но в действительности все татары сейчас проживают в сельской округе, по образцу, который мы видели у мавров (наших соседей в Марокко), и христиане-москвиты одни селятся в городе. Астрахань стоит на берегу Волги, или Эдера, и город часто посещают купцы из Москвы, Армении, Персии и Турции, и их главная торговля — солью. Ботеро утверждает, что город лежит в одном дне пути на лодке от Каспия, но я, который был там, говорю, что даже при хорошем попутном ветре мы с трудом смогли доплыть до него за два дня. Этот город в прошлые времена полностью разрушил Великий Тамерлан, да и в более поздние времена он страдал от войн, которые шли между Персией и Турцией.

Глава вторая,

в которой рассказывается о путешествии через Московию, описывается страна и все, что мы видели там примечательного

За время нашего шестнадцатидневного пребывания в Астрахани были подготовлены пять галер для дальнейшего путешествия, и вместе с другим персидским послом, к которому мы присоединились в Астрахани, погрузились на корабль.

Вместе с нами послали сотню солдат князя Московии, сопровождающих нас по приказу генерал-губернатора Астрахани, с тем чтобы охранять в дороге. Галеры были очень хорошо построены, и каждая имела судовую команду из сотни гребцов. Мы сели на корабль на берегу той реки, которая, как мы уже говорили, называется Эдером, или, по-другому, Волгой; ширина течения здесь составляет половину испанского лье. Эта местность заселена по обоим берегам татарскими народами, которые

делятся на орды или племена и которые большей частью живут в сельской местности среди своих стад, являющихся их главным пропитанием. На реке много рыбаков, и они ловят здесь главным образом осетра, не похожего на лосося в Испании. Самый маленький весит не менее двенадцати или тринадцати фунтов, и вызывает удивление, что никто не смеет есть мясо этой рыбы и что они ловят ее исключительно ради икры. Количество икры может достигать шести или семи фунтов в каждой рыбе, и она черная, как спелая винная ягода. Она очень вкусная, а высушенная сохраняется два или три года, не портясь, так же как здесь, в Испании, мы сохраняем айву и гранат.

Вдоль берега Волги, по правую руку нашего движения к Московии, мы видели племя татар, пасших верблюдов, лошадей и стада овец. Они живут так же, как кочевники Марокко, во все времена года передвигаясь вместе с жилищем. И носят они имя *Ногай*, и когда истощаются пастбища на одной стороне реки и надо их искать на другой, и нет мостов, чтобы переправить свои стада, то обычно они делают переправу через реку в августе месяце, когда вода в ней немного мелеет. Чтобы перейти вброд реку, они придумали следующий способ. Лошадей и верблюдов связывают вместе хвостами, тридцать на тридцать или пятьдесят на пятьдесят, и загоняют в воду. Их большое число позволяет бороться с силой течения, и таким образом они переправляются. Чтобы переправить овец, кладут на поверхность воды огромные тюки грубой шерсти, покрытые дегтем, как это сделано на кораблях, и, крепко связанные вместе, они выталкиваются один за другим шестью (как чашки на гончарном круге) и таким образом бараны и овцы, помещенные на них, могут быть переправлены. Но так как ширина реки очень большая, нередко бывает и так, что половина стада тонет, потому что в самом узком месте реки расстояние от берега до берега составляет лье. Эти татарские племена являются подданными разных вельмож, и стада, которые они имеют, так многочисленны, что овца здесь стоит менее *риа-ла*. Эти ногайцы — язычники в вопросах религии, но они очень гостеприимны; так, когда прибывает какой-нибудь чужестранец, его немедленно приглашают на пир, убивают лошадь, вырезают самую нежную часть, варят и кладут перед гостем в доказательство того, что его почитают и уважают.

В течение двух последующих месяцев мы плыли на галерах вверх по Волге, но каждые десять дней высаживались на берег и шли к небольшим поселениям, которые все расположены вдоль берега реки. На каждой остановке мы меняли некоторых уставших гребцов, брали свежих людей, чтобы грести на галерах. Все это делалось по команде солдат, которые сопровождали нас, выполняя приказ князя Московии. Холмы по обоим берегам Волги очень высокие, и на них много поселений. Мы видели на этих холмах бесчисленных медведей, львов и тигров, а также многочисленных куниц. Через каждые сто лье или около

этого вдоль реки стоят города князя Московии, и первый город, куда мы пришли, назывался Черный Яр, следующий — Царицын, третий — Самара и другие, которые мы не называем. Когда неблагоприятный ветер дул вниз по реке, гребцы вынуждены были садиться на лошадей на одном или другом берегу реки и тащить галеры на толстых веревках. Каждую ночь мы обычно высаживались на сушу, чтобы спать на берегу среди полей, и наша охрана из сотни солдат караулила и охраняла нас. К концу двухмесячного путешествия по реке мы пришли в очень большой город князя Московии, называемый Казань, с населением около 50 тысяч домовладельцев (или 225 тысяч душ), и все христиане. Этот город наполнен церквями, и в каждой есть колокола, и в праздничные дни, когда звонят вечерню, невозможно спать или оставаться в городе из-за их громкого перезвона. В день, когда мы прибыли в этот город, огромная толпа народа вышла встречать нас и удивлялась, когда мы проходили по площади и улицам. Мы оставались в Казани восемь дней, и нас так обильно кормили, что мы не могли все съесть и выбрасывали еду из окон.

В этой стране нет бедных, здесь пища так дешева, что каждый, кто голоден, выходит и находит еду на дороге. Чего у них нет, так это хорошего вина, и они имеют только один напиток, который делают из пшеницы или ячменя, и он такой крепкий, что тот, кто выпьет его, часто пьянеет. По этой причине здесь есть закон и указ, по которому ни один человек не смеет носить оружие, иначе они могут убить друг друга в любой момент. Климат здесь крайне холодный, поэтому они носят одежду из шкур куницы, которой здесь изобилие. У них нет сочных фруктов, только дикие яблоки, и тех немного, и они не сладкие, а совершенно кислые. Люди в Казани изящной породы: мужчины красивы, высоки и крепки, а женщины, как правило, привлекательны. Они выходят на улицу очень хорошо одетыми, носят широкие меховые одежды из куницы с капюшонами. Они широко пользуются печами, и в каждом доме есть собака, большая, как лев, так как они боятся ночных грабежей врага. Днем собак сажают на цепь, но в первый же вечерний час звенят колокольчики, предупреждая людей, что собаки повсюду спущены и что прохожие должны остерегаться. И так как все выпускают собак на свободу, никто не смеет выйти из дому из боязни быть разорванным на куски.

Все дома в Казани сделаны из дерева, но там есть большая крепость, очень прочно построенная из каменных плит; она охраняется солдатами, и они дежурят здесь ночью в своих кварталах, как это делается в Испании, Италии и Фландрии. Эта охрана была установлена потому, что раньше турки и татары имели обыкновение нападать ночью и, поджигая дома, похищать людей.

Из Казани мы отправились дальше на семи галерах, которыми комендант снабдил нас вместе с охраной из сотни солдат, получивших приказ доставить нас в сохранности ко дворцу князя Московии. Мы

продолжали путешествие тем же путем, продвигаясь на север, начиная все больше чувствовать суровый климат этого края; через шесть дней мы подошли к городу на том же берегу, который называется Чебоксары. Той ночью Волга, или Эдер, покрылась таким толстым слоем льда, что нам пришлось изменить путь нашего следования. Люди вынесли на берег весь наш багаж и все, что мы везли на галерах, снабдили нас лошадьми и саними, дав, таким образом, возможность без промедления продолжить путь ко двору.

Джованни Ботеро утверждал, что в Волгу впадают семьдесят восемь рек и что эта река, так же, как и Борисфен (Буг) и Двина, берет свое начало в озере Волаппо⁹. В этом вопросе он, по-видимому, правильно осведомлен, так как река, кажется, течет из отдаленных районов Литвы. Причиной, почему все эти рукава, притоки и устье Волги замерзают зимой, является то, что земля здесь получает мало солнечного тепла; даже в полдень солнце смотрит на восток, и суровая зима здесь длится полных девять месяцев. Далее, леса вдоль берегов не пропускают к земле солнечные лучи; они являются частью великих Херсонских лесов, которые тянутся отсюда на север. Таким образом, за три месяца летнего времени солнце не может до конца согреть землю. Однако, хотя зима очень холодная и земля вся покрыта снегом и льдом, это время года в действительности более благоприятно для передвижения, перевозки товаров и для путешествий, чем лето, так как за короткое теплое лето снег тает, земля везде покрывается озерами и болотами, почти непроходимыми до тех пор, пока снова не ударят морозы и можно будет передвигаться по воде и по суше.

Сани, которые нам дали в этом городе на Волге, называемом Чебоксарами, были на манер складных стульев, похожие на небольшие носилки или маленькую карету и устанавливались на полозьях, сделанных из гладких деревянных брусьев. Эти сани по внешнему виду такие же, какими пользуются фламандцы в Нидерландах или во Фландрии на реках Маас и Шельда, когда замерзает вода, и итальянцы, которые живут в верховьях реки По. Но сани, которыми пользуются москвиты на Волге, гораздо больше и бегут ровно, не опрокидываясь на замерзшую землю, как это обычно бывает в Германии. Форма саней такая: это квадратная коробка, внутри нее два сиденья; крыша имеет пирамидальную форму и покрыта шкурами. Впереди находится табурет или половина сиденья, на котором сидит человек, правящий лошадьми, запряженными в сани, между тем как внутри в безопасности располагаются два путешественника, совершающих поездку. Сзади коробки находится выступ, своего рода полка, где можно поместить багаж. Лошади несутся быстро и проходят двенадцать или пятнадцать лье в день; но так как на

⁹ Волга и Западная Двина берут свое начало на Валдайской возвышенности, а не из озера Волаппо.

каждых санях может поместиться только два пассажира, то потребовалось более пяти сотен таких саней, чтобы перевезти всех наших людей и багаж. Таким образом, мы путешествовали от Казани, пока не достигли города, называемого Нижний Новгород, с населением свыше 8 тысяч семейств (или 36 тысяч душ). Дома здесь, как и везде на Волге, деревянные, но город окружен каменными стенами, одной стороной нависающими над берегом реки. Как только мы прибыли сюда, пришел приказ от князя Московии — весть была послана к нашему приезду, — чтобы мы задержались здесь на месяц, и поэтому мы отложили наше дальнейшее путешествие.

Люди Нижнего [Новгорода] — христиане и подданные князя Московии; но у них есть сладострастный обычай, и ходит молва об их банях, где мужчины и женщины имеют обыкновение мыться вместе, без одежд, прикрывающих их наготу; следовательно, их общение чрезвычайно вольное, более, чем в любой другой стране может быть допустимо. Пища в Нижнем [Новгороде] очень дешева, как повсюду в Татарии и Московии, — мы об этом уже писали. Одежда здесь, однако, дорогая, хотя мы по приказу князя могли свободно все брать, и поистине, у нас было изобилие одежды. В конце месяца, который мы спокойно прожили в Нижнем, пришел приказ нам продолжать путь и отправляться ко двору. Мы путешествовали способом, предложенным одним из дворецких князя, прибывшим в Нижний за нами в санях с крытыми сиденьями наподобие тех, которые использовали мы. И сейчас нас сопровождал генерал-губернатор крепости Нижнего. Эта крепость охраняется гарнизоном из 6 тысяч солдат, которые днем и ночью сторожат ее от турков и татар. Я не знаю точно, действительно ли те татары, о которых мы говорим, Перекопской орды, но мне кажется, что эти (живущие на Волге), хотя они и заняли земли, расположенные так далеко на север [от Крыма], — настоящие татары, живущие как кочевники-мавры из Марокко, их образ жизни — как у людей нецивилизованной страны.

В течение шести дней мы двигались, держа в поле зрения берега реки Эдер, и пришли в город, называемый Муромом. Это большой и очень населенный город, но так как мы ехали с поспешностью, то не имели возможности насладиться многими любопытными особенностями Мурома. Однако я не могу обойти молчанием то, о чем нам поведали и показали, и это хотя и своеобразный, но очень суеверный рассказ. По видимому, главным занятием и торговлей этого города является дубление шкур крупного рогатого скота, и это делается в таком изобилии, что здесь находится тысяча и одна дубильня, всецело занятая этим ремеслом. Далее, в городе есть колодец, в который каждый дубильщик бросает свои тысяча и одну шкуру, чтобы они быстрее продубились. Но, когда в надлежащее время они вытаскивают шкуры из этого колодца, то всегда обнаруживают, что тысяча и одна шкура одного какого-нибудь дубильщика совершенно испорчены и загублены. Тогда его товарищи-

дубильщики собирают вместе каждый свою тысячу, а одну шкуру тотчас дарят тому, чьи все шкуры были испорчены — а каждый знает свои шкуры по меткам и знакам, — и получается точно тысяча и одна шкура в компенсацию. Я полагаю, что это уловка сатаны, и даже сказал бы, что эта история ложь и не заслуживает доверия, так как мы сами не наблюдали ее. Но, с другой стороны, рассудим дальше: так как для дубления есть только один колодец с водой и так как все шкуры, которые бросают в колодец для выделки и дубления, одного вида и качества, то, по-видимому, почти невозможно поверить, что шкуры, принадлежащие одному лицу, пострадают больше, чем шкуры, принадлежащие другому лицу. Например, как можно утверждать, что у колодца имеются особые свойства — дубить в одном случае и портить в другом? Далее, как могло получиться, что число шкур так точно держалось, что всегда портилась именно тысяча и одна шкура? Все это несомненно доказывает, что это не природное действие воды, а в действительности дьявольская работа Сатаны.

Таким образом, мы проехали Муром, и в три дня достигли Владимира, двигаясь, как и раньше, к истоку Волги на саях. Этот город намного больше Мурома, имеет 12 тысяч дворов (или 54 тысячи душ) и имеет вид хорошо организованной и управляемой общины. Женщины здесь прекрасны, но их манера одеваться так безобразна и странна, и они обнаруживают так мало вкуса в подборе оттенков цвета, что одежда не украшает их. Мужчины все высоки и крепки. Вид этого города такой же, как и других городов, через которые мы проехали: и поскольку мы остановились во Владимире не более чем на день, то не имели возможности воспользоваться любезностью жителей города. Уже отсюда мы потеряли из виду реку Эдер, оставив ее по правую руку. Путешествуя по-прежнему тем же описанным выше способом, в сопровождении генерал-губернатора, у которого было сотни две солдат охраны, мы, наконец, прибыли ко двору великого князя Московии.

Его столица называется Москва, и она очень густонаселенна. По имени столицы названо княжество, Московия, а само название происходит от реки Москвы, которая омывает город Москву. Река берет свое начало в девяти милях от города, и судоходство по ней затруднено по причине извилистости ее русла, особенно между столицей и городом Коломной. Об этом упоминает Джованни Ботеро, который заимствовал это из сочинения Антонио Поссевино¹⁰. Далее он утверждает, что Москва, после того, как была сожжена и разрушена руками крымских татар и турок в 1570 году, стала размером не более чем два лье в окружности. Но я с особым вниманием обошел ее вокруг, исследуя это дело очень

¹⁰ Поссевин Антоний (1534–1611) — один из наиболее видных деятелей католической реакции. Дважды посетил Москву (1582 и 1586 гг.) с дипломатической миссией. В 1585 г. в Вильно издал свой труд под названием «Московия», что и использовал Орудж-бек.

тщательно. Население города, я подсчитал, составляет 80 тысяч дворов (или 360 тысяч душ) и более. Они живут в отдельных домах с сараями и амбарами, и, следовательно, количество земли, занимаемой здесь людьми, более чем необходимо. Действительно, населенная площадь, показалось мне, полностью занимает окрестность, по меньшей мере, в три лье, а может быть, больше. Город, однако, не обнесен стеной и стоит на открытой местности, и защитой ему служат болота, реки и лагуны, окружающие его. Огромный дворец (Кремль) окружен стеной, и он настолько обширный, что сам по себе является приличного размера городом. Дворец весь построен из камня и прекрасно сконструирован, особенно царские покои, которые спланированы на итальянский манер. Кремль так велик, что вся знать, которая лично служит князю, живет в Кремле. Я не знаю в действительности общее число тех, кто его населяет, но домов, которые видны за его стенами, насчитывается более шести тысяч. О нашем приеме я более подробно напишу в следующей главе.

Глава третья,

повествующая о приеме, оказанном нам при дворе князя Московии, о том, что мы увидели в Москве, и о том, что произошло между нами и князем, когда мы уезжали

Однажды в пятницу в 10 часов утра ноября месяца мы прибыли в столицу и нас гостеприимно вышло встречать множество народа, так как московиты — народ, падкий на церемонии. Так, когда ко двору князя прибывает какой-либо принц или иностранный посол, общественным указом объявляется праздник, и в этот день никто не работает. Далее, каждый должен там появиться, одетый в самые лучшие и красивейшие одежды, чтобы пойти на место встречи у входа в город. Это действительно хорошо, что они не делают никакой работы в эти особенные дни, но в другие священные праздники в году они работают на совесть, от зари до зари. Во всех других вопросах, однако, они точно соблюдают заповеди греческой церкви, к секте которой принадлежат.

Число придворных, вышедших встречать нас по указу князя — все они знатные вельможи, люди титулованные, графы и господа высокого положения, — показалось мне, превышает шесть тысяч человек. И чтобы привезти нас, князь послал две сотни маленьких экипажей, их везли красивые, ухоженные лошади, и каждый экипаж был утеплен, кучера хорошо одеты, лошади покрыты львиными и тигровыми шкурами; все это, чтобы защитить людей и лошадей от холода, который очень суров в это время года. За пол-лье до того, как мы достигли въезда в город, мы узнали, что посланы люди из княжеской охраны встречать нас, и затем они выстроились вдоль правой и левой стороны дороги, по которой мы

проходили. Охрана вся состояла из пехотинцев и мушкетеров, не считая других солдат, вооруженных луками и стрелами; тех, кто нес фитильный замок, насчитывалось 10 тысяч. Мы держали путь через их строй, и каждый солдат стоял смиренно и держал свой запальный фитиль зажженным. Чтобы вы могли понять, как велик царь, я должен упомянуть, что великий князь Московии¹¹ вдвойне царь, так как он владыка пятнадцати герцогств, шестнадцати княжеств и двух царств. Его земли протянулись на север к Арктическому океану, от залива Гранвик до реки Обь, на юге граничат с рекой Эдер, или Волгой, где достигают Каспийского моря; на западе граница его государства заканчивается Ливонией, где находится река Борисфен, или Буг; в то же время на восточной границе мы вновь находим Волгу. В длину Московия занимает 3 тысячи миль, а в ширину простирается на тысячу пятьсот миль.

Великий князь чрезвычайно богат, так как он владыка как жизни, так и имущества всех своих подданных, распоряжаясь ими по своему желанию. Он не допускает школ или университетов в своем царстве, чтобы, как он говорит, ни один не мог знать столько, сколько знает он сам; следовательно, ни один из его губернаторов, секретарей государства не может знать больше того, что великий князь позволит ему знать. Никому не разрешается обращаться к врачу для лечения, если тот иностранец, и ни один, под страхом смерти, не может покинуть Московию, чтобы поехать в другую страну, иметь общение с другим народом и выучиться чему-нибудь. В Московии нет ни нищих, ни воров; первым всегда дадут обильную пищу в любое время, а вторых наказывают заточением в тюрьму на всю жизнь. И никого не приговаривают к смерти за какое-либо преступление, а тому, кто в другой стране был приговорен, здесь дадут пожизненное заключение. Таким образом, человек, совершивший одно преступление, не может совершить второго, так как он, так сказать, заживо похоронен в тюрьме. В вопросах религии московиты очень чтят свою церковь. У них нет других книг, кроме Евангелия и Жития Святых, и все люди ходят с крестиком на шее. Когда человек входит в церковь, он вначале целует землю, в правой руке несет изображение нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа. Во дворце, над тронном великого князя, всегда висит изображение Богородицы с митрой и посохом, одетой в одежды, как у епископа, и на ее пальцах много колец.

Итак, когда нас, наконец, привезли в Москву, всех поместили в великолепных домах, похожих на крепость: в одном они поселили особого персидского посла, который был послан к князю; другой дом определили нам с нашим послом; в третьем они поселили всех англичан, а для

¹¹ Борис Годунов, царь в 1598–1605 гг. В комментарии Ле Стренджа ошибочно утверждается, что Борис Годунов «убил царя Федора I и незаконно занял его престол». В действительности же в 1598 г. царь Федор умер своей смертью, не оставив наследника. Земский собор избрал царем Бориса Годунова.

нашей охраны они назначили три сотни вооруженных солдат. Затем князь прислал нам девять переводчиков, которые отлично говорили на персидском языке, по три переводчика в каждый дом нашего посольства; далее он прислал нам много провизии. Затем мы отдохнули восемь дней, и в один воскресный день князь приказал своему мажордому привести нас к нему, и мы отправились в том же порядке, что и при въезде в город. Так же, как и в день нашего въезда в город, охрана выстроилась вдоль дороги, которая тянулась более чем на четверть лье, что мы должны были пройти от наших домов до крепости, в которой был дворец. Этот дворец, где живет князь, — крепость (Кремль), о котором мы уже говорили, где находятся 6 тысяч домов, все построенные из дерева, кроме царских покоев и внешних стен, сделанных из камня, как уже отмечалось, укрепленных и украшенных везде в итальянском стиле. Внутри крепости находится огромное число церквей, и в самой большой из них есть огромный колокол¹², в который ударяли, чтобы мы могли слышать его чудесный звон. Тридцать человек едва могли его сдвинуть, и он никогда не звонил, за исключением случаев рождения князя или его коронации.

Когда мы подошли ко дворцу, то увидели на дворе ожидающего нас мажордома, или управляющего двором князя, человека гигантского роста, который держал на цепи свирепую собаку; этот управляющий проводил нас до вторых дворцовых дверей. Здесь стоял второй камергер, который проводил нас до других дверей, где был третий камергер, и он привел нас к внутренней двери, открывающейся в княжеский зал. Здесь находились пять сотен вельмож двора, одетых в парчовые одежды, отороченные мехом куницы, в головных уборах, усыпанных драгоценными камнями, и у всех одежды были расшиты невероятными драгоценностями. Эти вельможи с почтением проводили нас в дальний конец зала, где сидел князь. Этот зал столь просторен, что от входной двери едва можно разглядеть, что происходит на другом конце. Помещение напоминает «придел» в церкви, но гораздо длиннее, как уже было сказано. Своды и купола, образуя потолок, поддерживаются сорока деревянными позолоченными колоннами, украшенными скульптурой с растительным орнаментом, и каждая колонна так широка, что два человека с трудом могут обхватить ее руками.

Когда мы достигли верхнего конца зала, увидели там великого князя; он сидел на троне, на ступенчатом возвышении. Это сиденье было сделано из массивного золота, инкрустированного драгоценными камнями. Великий князь был одет в мантию из золотой парчи, отороченную мехом куницы, застегнутую на множество бриллиантовых пуговиц, и на

¹² Царь-колокол был изготовлен по заказу царя Бориса Годунова и имел в окружности около 10 м, в диаметре около 2,5 м, толщину стенок 0,6 м. Вес этого первого колокола неизвестен.

нем была шапка, имеющая вид митры. В его руке был скипетр, похожий на пастуший посох, и позади князя стояли сорок вельмож, и каждый держал серебряный жезл в руке, который был для них знаком отличия. Кроме того, великий князь брал скипетр с собой, когда отправлялся на войну.

Когда мы предстали перед ним, то пали ниц, а особый посол Персии, который был, как мы уже говорили, послан в Московию, вышел вперед. Его звали Пиркули-бек, и он был из персидской знати самого высокого ранга. Перед тем как представиться, он поцеловал письмо, которое привез, а затем вложил его в руки его величества. При этом великий князь поднялся со своего сиденья и, получив письмо, также поцеловал его, а затем отдал его переводчику, который тотчас прочел и перевел его на язык русской страны. Затем наш посол, держащий путь в Испанию, вышел вперед и отдал свое письмо, в котором великого князя просили оказать нам покровительство в благоприятном проезде; и он тотчас обещал сделать это. Его величество разрешил нам сесть, и мы заняли места на длинных скамьях, покрытых бархатом и подбитых перьями. После паузы великий князь поднялся и удалился в дворцовые палаты со своими приближенными, а когда через короткое время они вернулись, то он сам и все вельможи, сопровождавшие его, появились одетые в белые мантии, отороченные мехом белой куницы, или, как мы называем в Испании, — горностаем.

Во время отсутствия его величества были накрыты столы, и великий князь сел обедать, и каждый расположился за столом согласно его рангу. Пищи было великое изобилие, и обслуживали великолепно; перед каждым гостем было поставлено более сорока блюд, и у каждого была полная порция, будь то телятина или оленина, баранина или утка. Караван хлеба, которые нам подавали, были столь огромны, что два человека с трудом могли поднять их, и перед каждым гостем стояло по серебряному блюду, огромному, как жаровня, с ручками по обоим концам. Великий князь оказал внимание каждому из нас, послав часть еды из своего блюда, согласно рангу получающего. Затем он обменялся с нами тостами, виноградным вином, самым дорогим из всех, которые есть в этой стране, оно ввозится сюда издалека, исключительно для великого князя и для епископов, которые распределяют его по церквям, где оно используется для причастия. В палате, примыкающей к залу, где мы обедали, все время раздавалась музыка на самых разнообразных инструментах, а также доносилось пение. Пир продолжался от двух часов пополудни до восьми вечера, а затем нас проводили с сотней факелов в наши комнаты во дворце, где мы проживали, в сопровождении той же охраны, что и утром, когда мы покидали наши покои. Далее, все наши слуги-персы также имели изобилие еды.

Когда бы мы ни пожелали осматривать Москву, от нас посылали к коменданту крепости за разрешением, и тогда он давал нам четырех

солдат для охраны. После двух недель, прошедших после нашего прибытия в Москву, мы стали выходить на прогулки и осматривать диковины города, и особенно сокровищницу великого князя. Здесь, перед воротами, стояли две статуи львов: одна, по-видимому, из серебра, другая — из золота, но обе грубо сделаны. О том, что мы увидели внутри сокровищницы, о невообразимых богатствах трудно рассказать, и описать все это невозможно, так что я замолкаю. Одежды великого князя также не поддаются оценке, и склад оружия так хорошо укомплектован, что можно вооружить 20 тысяч человек. Нам также показали огромную клетку с дикими зверями: среди других там был лев, громадный, как лошадь, чья грива падала по обе стороны его шеи, позже он в ярости сломал две огромные деревянные балки в своей клетке. После этого мы гуляли по городу и видели там удивительное разнообразие лавок и главную площадь, где разместилась основная часть артиллерии. Эти пушки так велики по размерам, что два человека должны влезть на ствол, когда необходимо его прочистить. Каждое из орудий имеет семь ярдов в длину, и чтобы зарядить его, кладут пятьдесят фунтов пороха.

Мы оставались здесь, в столице Московии, пять месяцев, задерживаясь по причине дождей и снега, наконец великий князь дал нам свое разрешение на отъезд. Поэтому мы отправились к нему попрощаться, и по возвращении он прислал послу три самые богатые мантии, вытканые золотом, каждая отороченная мехом куницы, чашу из золота, вмещающую в себя полгаллона вина, и 3 тысячи дукатов для дорожных расходов. И каждому из его секретарей великий князь прислал также три мантии, одну богатую и две более простые, и по восемь ярдов ткани каждому сопровождающему, чтобы сшили себе одежду для путешествия. Далее, серебряную чашу с позолотой всем, такого же размера, что и золотая, которую он подарил послу, и по двести дукатов на расходы по своему усмотрению. После этого мы любовно попрощались с нашим соотечественником, персидским послом, который оставался в Москве; он проводил нас более чем на два лье, и при расставании мы с нескрываемой грустью произнесли: *худа хафиз* — «до свидания».

Четверо слуг с нашего разрешения решили вернуться назад, в Персию; далее, мы потеряли из виду доминиканского монаха и ничего не знали о нем: он вдруг исчез и не подавал о себе вестей, хотя мы усердно разыскивали его. У нас появилось подозрение, что сэр Антоний Шерли избавился от него, так как еще в то время, когда мы путешествовали по Эдеру на галерах, он часто грозился убить монаха и иногда даже запирали его в каюте. Но мы, персы, сумели тогда спасти его, и монах объяснил нам, что он одолжил сэру Антонию тысячу крон и потом поручил ему хранить в безопасности девяносто маленьких алмазов, но когда он захотел получить обратно от сэра Антония алмазы и деньги, тот замыслил его погубить. И после этого мы больше его не видели, и в Пасхаль-

ную неделю¹³ выехали из столицы Московии в сопровождении капитана охраны с сотней солдат. Каждый день мы проезжали около десяти лье, и за три дня мы достигли большого города, который называется Переяславль, с населением более чем 30 тысяч дворов (или 135 тысяч душ). Население все московиты и христиане, у них много церквей, пре-красно украшенных на манер их страны.

Город обнесен стеной, построенной из камня, и окружен водами великой реки, которую мы потом пересекли, так как она преграждала нам путь. Насколько я мог судить, река течет в эту местность, по которой мы ехали, из окрестностей столицы. Ее течение очень сильное, и мы переправились через нее на плоту из бревен, который тащили крепкой веревкой. Плот был столь велик, что мог за один раз перевезти сотню вьючных животных. Я не знаю названия этой реки, но мне кажется, что это приток реки Москвы¹⁴.

От этого места мы путешествовали три дня и пришли в город, называемый Ярославлем; теперь наш путь лежал на северо-запад. Этот город с большим населением, чем Переяславль, в нем 40 тысяч дворов (или 180 тысяч душ). Они все московиты и христиане, город хорошо застроен, в нем много церквей и монастырей на русский манер. Далее, здесь одна из самых мощных крепостей, которые мы видели во всей Московии, и выглядит она еще сильнее и величественнее от реки Барем, протекающей вблизи крепости. Нашей целью было следовать отсюда через страны Лотарингию, Саксонию и Германию, но нам сказали, что от Ярославля туда самый быстрый, верный и прямой путь — это сесть на галеры и плыть около сотни лье по Волге к морю, которое фактически является Арктическим океаном. Некоторые, однако, говорили, что эта река впадает в Балтийское море, куда, я полагаю, впадает часть Западной Двины или Борисфен (Буг), о котором мы говорили. Это утверждают также самые надежные космографы. Будь что будет, мы погрузились и отправились за сотню лье по реке Волге к Белому морю, проплывая пятнадцать или шестнадцать лье каждый день, и нашей компании дали две галеры — одну нам, персам, другую — англичанам.

По обоим берегам реки [Волги] стоит много городов, и через два дня после погрузки в Ярославле мы пришли в город, называемый Рыбинском, который, как я считаю, имеет население 10 тысяч дворов (или 45 тысяч человек), и даже больше. Здесь мы сменили людей, которые были взяты на галеры, нам дали других, а также много провианта. После двух дней дальнейшего путешествия (и после волока в главные воды Двины), мы пришли в город Тотьму, расположенный на берегу этой реки¹⁵,

¹³ Пасха, упомянутая в тексте, отпразднована 23 марта 1600 г.

¹⁴ Орудж-бек, как отмечает Ле Стрендж, по-видимому, не знал, что река, по которой он плыл от Ярославля до Рыбинска, — Волга.

¹⁵ Имеется в виду р. Сухона — приток р. Северной Двины, где и ныне стоит город Тотьма.

который, по моему мнению, имеет население около 3 тысяч дворов (или 13 500 душ); здесь стояла крепость, одна из лучших, что мы уже видели. Мы снова сменили людей и затем через день мы достигли Брусенска¹⁶, откуда затем пришли в город Устюг, где нас снова снабдили обильным провиантом. Следующий день пути привел нас в город Туровец. Отсюда и дальше в нашем плавании темнота и ночь отступили, и все время был дневной свет, так как в этой части земли в марте, апреле и мае нет ночи; и напротив, в соответствующие месяцы зимы днем все время ночь и света нет. Этот непрерывный дневной свет объясняется тем, что мы пришли в очень высокие широты, но наш образ жизни стал нам странен, так как не было надлежащей темноты для сна.

Продолжая путешествовать, мы пришли в очень большой город, который лежит у берега Арктического моря, это Холмогоры. В нем насчитывается свыше 30 тысяч дворов (или 135 тысяч душ), и он стоит в десяти лье от места, где река Барем (или Двина) впадает в океан. В Холмогорах мы пробыли двенадцать дней, отдыхая и ожидая вестей об английском или немецком корабле. Затем мы двинулись вперед и окончательно достигли поселения, называемого городом Архангельском, в пяти лье вниз по реке, в устье эстуария. Население Архангельска составляет, на мой взгляд, около 12 тысяч дворов (или 54 тысячи душ); это очень известный порт, где французские, английские и германские корабли бросают якоря и ведут торговлю с северными окраинами Азии. Огромный мол прикрывает вход в порт, последний обращен на юг, будучи широким и безопасным для стоянки судов. Очень часто целых четырехста кораблей стоят в гавани, и таможенные налоги здесь дают хороший доход князю Московии. Мы оставались двенадцать дней в Архангельске, закончили все наши дела и, в конце концов, решили сесть на фламандский корабль с водоизмещением в тысячу тонн, зафрахтованный плавать от этого порта и вооруженный двадцатью пушками.

Здесь нельзя обойти молчанием один деловой вопрос, который мы уладили с сэром Антонием Шерли и о результате которого мы расскажем позже. Сэр Антоний был очень способный человек, хотя и маленького роста; он много хвастал, несмотря на то, что судьба не наделила его богатством. Как станет ясно позже, у него всегда была тайная мысль в отношении нас, к тому же ему был на руку приказ, который дал нам шах Аббас — слушаться во всем, что посоветует сэр Антоний, так как он имеет больше опыта в ведении дел с иностранцами, чем мы. Поэтому, когда мы собрались предпринять морское путешествие, сэр Антоний сказал нам, что будет более безопасным не брать большие дарцы с подарками для христианских монархов на фламандский корабль, поскольку это судно старое и не вынесет тяжести стольких вещей. И далее, если нас неожиданно застанет буря и придется выбрасывать за борт

¹⁶ Видимо, г. Брусенец (Вологодская обл.).

груз, то ларцы с подарками наверняка выбросят первыми. Затем он сказал нам, что у него есть в Архангельске большой друг, англичанин, хозяин прекрасного крепкого корабля и что он погрузит на него наши сундуки и передаст их нам, когда мы приедем в Рим. Все это показалось нам заслуживающим доверия и благоразумным, мы передали наши сундуки, как посоветовал нам сэр Антоний, этому англичанину, но что стало с ними дальше — об этом в следующей главе.

Глава четвертая,

повествующая о том, как проходило наше плавание по Арктическому морю и какие достопримечательности мы видели

Сейчас нам хотелось бы описать обычай людей, населяющих это морское побережье. Мужчины и женщины одинаковой наружности, мужчины не имеют ни бород, ни бровей; далее, они очень маленького роста, так что если какой-либо народ можно в действительности назвать карликами, так это лопарей. Они даже меньше, чем любой из карликов в Испании. Они используют оленей и ездят верхом на них. Глаза этих людей настолько малы, что они едва могут видеть ими. Все они очень суеверны, и их колдуны обещают своим колдовством даровать хорошую погоду тем, кто плавает по их морям, и пытаются торговать счастливым случаем. Они пришли предложить и нам, если мы щедро заплатим, что обеспечат нам прекрасную погоду, но наш посол спросил, как они могут обещать то, что поистине в руках Бога, и с тем они ушли.

Мы пустились в плавание и в течение сорока дней не видели ночи — солнце всегда стояло высоко; но под конец снова наступила темнота с луной и звездами. В тех морях, где мы плыли, было много кораблей английских пиратов, и два из них решили атаковать и ограбить нас. Мы, однако, были готовы сражаться и стали к орудиям; но когда они подошли ближе, англичане из нашей судовой команды окликнули их, объяснив, кто мы есть, и поэтому они не причинили нам вреда... Вскоре поднялась такая страшная буря, что мы все раскаялись, что пустились в плавание. Сила шторма была такая, что ни один канат из оснастки не остался целым. Наконец мы вынуждены были убрать все паруса и дать возможность кораблю плыть по ветру, стараясь только удержать руль и полагаясь на милосердие Бога. Не раз мы думали, что вот-вот погибнем в огромных волнах, обрушивающихся на верхнюю палубу, и наши руки постоянно качали насосы. В конце пятого дня буря утихла, волны улеглись, и попутный ветер дул нам, пока мы продолжали плыть, и, наконец встали на якорь.

Но другой корабль, который плыл недалеко от нас, во время шторма не имел такого счастья, и хотя наши матросы отправились на ялике к

ним на помощь, но пришли слишком поздно. Некоторый груз спасли, но из судовой команды никого не удалось подобрать, все утонули, так что мы никогда не узнаем, откуда пришел этот корабль. В продолжение всего времени, что мы плавали по этому морю, мы видели огромное разнообразие рыб: некоторые были столь огромны, что мы полагали, будто это корабли, плавающие на поверхности моря. Мы видели также рыб, называемых моржами; они плавали стаями по тридцать штук вместе и очень близко подходили к борту корабля, повергая нас в некоторый страх; тогда, видя их такое множество, мы выстрелили из пушки, после чего они оставили нас. Из этого великого северного океана мы поплыли дальше, но все время страдали от морской болезни, наши лица потеряли хороший цвет, а есть мы ничего не могли, и все, что мы ни ели, извергали обратно.

Затем после полных двух месяцев плавания в этих северных морях мы снова увидели землю — о, как мы сильно к ней стремились! — и вошли в устье великой реки, к Штаде — порту, стоящему в начале эстуария...

Порт Штаде — небольшое местечко и полностью заселено рыбаками. Проплыв вверх по устью Эльбы, мы высадились, но потом на борту двух галер вновь пошли вниз по реке. Устье Эльбы здесь так широко, что могут проходить большие корабли, и берега вокруг усеяны городами, которых, говорят, насчитывается более тысячи. От того места, где мы сейчас находились, можно видеть земли, принадлежащие в Швабии князю Вюртемберга, а также Нюрнберг, Франконию, Баварию, Эссен и Букавию¹⁷. Это, однако, земли, лежащие далеко от того места, где мы проплывали, а прямо под рукой можно видеть страны Минден, также Брауншвейг и Люнебург. Затем мы повернули наши галеры и, следуя из устья Эльбы, после трех с лишним дней плавания пришли в город, который называется Эмден, имеющий население в 30 тысяч дворов (или 135 тысяч душ). В нем много прекрасных зданий и одна из самых сильных крепостей во всей округе. Крыши всех домов покрыты свинцом, что придает им на расстоянии очень привлекательный вид, так как днем, когда светит солнце, они блестят и выглядят, как покрытые серебром. Здесь от имени принца этого края нас приветствовал капитан, но мы не смогли уделить большого внимания этой стране, так как у нас не было рекомендательного письма царя Персии этому принцу.

Город Эмден стоит между двумя великими реками [Везер и Эльба], окруженный ими с обеих сторон, и лежит в двух днях пути от моря. Порт здесь ведет обширную торговлю, и купцы всегда обильно снабжены товарами, большей частью английскими. Когда мы высадились, они поместили нас в доме, своего рода гостинице, очень чистом, однако

¹⁷ Букавия была восточной частью земли Гессен, главным городом которой являлась Фульда.

странно обставленном: так, в нем было более сотни кроватей, каждая с перьевым матрасом и голландскими простынями. Здесь нас принимали как положено; на следующий день пришел тот же капитан и проводил нас во дворец принца, которому мы поднесли персидский головной убор и несколько кусков сукна и полотна. Все это он милостиво изволил принять и пригласил нас отобедать с ним на следующий день. Он задал нам великий пир, длившийся шесть часов, и по обычаю и нравам этой страны они заставили нас выпить столь много, что многих из нас повергло в сон от опьянения. Самое достопримечательное, что мы обнаружили в этой стране, — это головной убор женщин. Он похож на круглый щит, который выступает как раз над головой, и можно сказать, что он прикрывает лицо от непрерывных дождей и снега этого климата, как крытые черепицами фронтоны крыш в Испании. И мне показалось, что ни в одной стране не было так много прекрасных женщин, собранных вместе, как здесь.

На следующий день нас пригласили посмотреть сокровищницу и арсенал принца, в которых было много дорогих предметов. Они поистине имели большую ценность, но не больше, чем обычные. Нам показали, среди других, склад для пшеницы, столь громадный и настолько полный, что, казалось, этого запаса хватило бы на девяносто лет, как они утверждали. Мы не могли в это поверить, но они так настаивали, что мы поверили. Но эта их пшеница не имеет сердцевин и вся лучшая, и зерно длиннее, чем в испанской пшенице; но, с другой стороны, эти зерна не тяжелее зерна нашего овса, которое по весу даже меньше, чем рожь. Этот сорт пшеницы есть в Персии, и персам он известен под названием *чавдар*.

От Эмдена мы отправились дальше, двигаясь в восьми каретах и через неделю прибыли в другой город, называемый Аурих, хорошо укрепленный и с населением в 10 тысяч дворов (или 45 тысяч душ).

Наше внимание привлекла крепость, которая выглядит очень мощной, и мы остановились в ней на один день, но более ничего примечательного не обнаружили. Отсюда за два дня мы дошли до города, небольшого по площади, но очень хорошо укрепленного, который называется Фриденберг. Путешествуя дальше, мы достигли города Нинбург, с большим населением и, насколько мы могли судить, хорошо защищенного укреплениями. На следующий день мы уже были в другом городе, называемом Ольденбургом, хорошо укрепленном и с крепостью; все эти города и крепости большей частью тщательно охраняются, их ворота запираются на ночь и ни по какой причине их не откроют до восьми часов следующего утра. Все это происходит потому, что каждый город принадлежит одному князю, а каждый принц является врагом своему соседу. Потом мы прибыли в Тюрингию, которая находится во владении ландграфа Хессе-Кассель, и это одна из самых плодородных областей Германии. Тюрингия — страна, что лежит между реками Зале и Вер-

ра, а это место Георгиус Агрикола¹⁸ называет самым сердцем Германии. Эта область не очень велика в длину и ширину, но она наиболее плотно заселена, как никакой другой район мира, и в пределах примерно двенадцати германских квадратных миль находится двенадцать областей, в которых собраны сто сорок обнесенных стеной городов и такое же число открытых поселков, а также 2 тысячи деревень, сто пятьдесят крепостей и двенадцать монастырей.

Первый город, в который мы потом пришли, назывался Веймар, следующий Алсфельд и третий большой город Кассель¹⁹, очень обширный, сильно укрепленный и с большим населением. Городская стена построена так широко, что по ней могут проехать в ряд три кареты. Далее, Кассель имеет крепость с земляным валом, который полностью защищает его против любых пушек. Как только ландграф²⁰ услышал о нашем приезде, он послал встречать нас своего камергера с тремя экипажами, и каждый был обит черным бархатом, и в них мы прибыли во дворец. Ландграф принял нашего посла, сэра Антония и нас очень любезно, оказывая каждому учтивость в соответствии с его рангом. Затем нас поместили в комнаты дворца, роскошно обставленные и с кроватями под вышитыми пологам. Ландграф разместил наших слуг в разных гостиницах, беря на себя всю оплату, и все было прекрасно организовано в течение тех десяти дней, что мы там оставались. Каждый день нам показывали новые достопримечательности. Однажды нам показали комнату, где стены были из белого камня, может быть, из гипса, и каждый камень был установлен с таким искусством, что ни один стык или расшивка шва вокруг двери или окна не были видны и казалось, что природа сама сделала это из целого куска. Мы полагаем, что это одна из самых редких достопримечательностей при дворе этого принца. Ландграф показал нам также свой кабинет — сокровищницу, полную неоценимых драгоценных камней, особенно алмазов. Но самое чудесное из всех богатств, что мы видели, — это то, что стены этого кабинета от пола до потолка были полностью обиты не гобеленами, а пластинами натурального коралла, что выглядит удивительно.

Мы не можем обойти молчанием арсенал и конюшни ландграфа, и то и другое обширны и любопытны для обозрения, и так хорошо снабжены, что, на мой взгляд, можно полностью экипировать десять тысяч всадников. Во время нашего пребывания в Касселе не было ночи, когда бы

¹⁸ *Агрикола Георг Бауэр* (1494–1555) — немецкий врач, металлург и минералог. Переехав в 1533 г. в Хемниц (Саксония), он через некоторое время всецело посвятил себя горному делу. Был специалистом по систематической минералогии в Германии. Издал несколько трудов по горному делу, минералогии.

¹⁹ Указанный в тексте город Веймар на значительном расстоянии к западу от г. Галле, а Алсфельд к югу от него и к северу от Касселя. Поэтому эти города можно посетить только после Касселя.

²⁰ Видимо, Луис II, ландграф земли Хессе-Кассель (1596–1626).

не устраивали праздника в нашу честь. Особенно интересно было, когда сын ландграфа, его престолонаследник, мальчик двенадцати лет, вместе с другими юношами его возраста, все роскошно одетые, сражались на турнире при свете факелов. После десяти дней пребывания мы, наконец, уехали из Касселя, увозя с собой в подарок сладости. Действительно, никогда в жизни я нигде не видел столько вещей, сделанных из сахара, как здесь. В самый первый день, когда мы обедали, буханки хлеба, салфетки, ножи и солонки, стоящие на столе, — все были сделаны из сахара, так же, как и различные виды фруктов. И каждый предмет точно походил и имитировал по форме и строению тот объект, который изображал. Велик был смех, когда мы попробовали разрезать некоторые фрукты ножами, которые, конечно, раскрошились и рассыпались на куски в наших руках. Мы были обеспечены всем необходимым для нашего дальнейшего путешествия. Перед отъездом ландграф подарил нашему послу два золотых кубка и каждому члену его свиты по такому же кубку. В последний день перед отъездом нас повели полюбоваться двумя галерами, стоящими на реке, протекающей у самых стен дворца, и на борту мы увидели нового образца пушки, сделанные более просто, так, что каждое орудие за полчаса могло сделать сорок выстрелов подряд.

Ландграф приказал капитану своей гвардии проводить нас через его земли с достаточной охраной до самых границ империи. Далее, он поручил нам этого капитана как специального посла к императору, так как ему очень понравилось письмо, которое мы привезли ему от царя Персии, такое же ему преподнес сэр Антоний; и в результате он предложил императору присоединить свои 12 тысяч войска, когда принцы соберутся вместе, чтобы выступить против турецкого султана. Поэтому мы отправились, радостные, двигаясь через различные города ландграфа, которые велики числом и величественны своим богатством. Особенно можно отметить следующие: Лейпциг, Роберг, Quimendec, Jub, Quimidas, Labinc, Aslaben, Xipric, Wilfuesen, Perbun, который является последним городом в государстве Хессе-Кассель. Затем мы вступили на земли князя Саксонии, которые мы прошли очень быстро. На своей территории князь Саксонии имеет Мансфельд, Магдебург²¹ и Миснию²², хотя многие считают, что этот последний лежит за пределами княжества. Саксония делится на Верхнюю и Нижнюю. В Верхней Саксонии главный город Виттенберг, одна из самых красивых и сильных крепостей в этой земле. Столица Нижней Саксонии известный город Галле, стоящий на реке Зале, и к западу от него лежит большой город Мансфельд, главный город области, который снабжает всю Европу минералами, разрабаты-

²¹ Единственное название из этого списка городов — Aslaben (Эйслебен), находится в 50 км к северо-западу от г. Галле; другие же названия городов не поддаются идентификации в напечатанной форме и, по мнению Ле Стрэнджа, ни одно из этих названий не упоминается у Ботеро.

²² Район около Лейпцига.

ваемыми здесь повсюду на рудниках. К западу, на берегах реки Эльбы, находится очень сильный город Магдебург, который делится на три квартала: невозможно захватить этот город и бесполезно осаждать его по причине мощности его стен и глубины рвов, что окружают его.

Мы пришли в Саксонское княжество, обойдя город Белтси²³, где много серебряных рудников. Все люди, которых мы встречали поблизости, были нездоровы и с плохим цветом лица, особенно те, кто кормился работой в самих рудниках; и это ясно доказывает, насколько вредна ртуть, с которой они сталкиваются в работе. Ее, действительно, в основном находят смешанной с другими минералами в жилах металла, глубоко залегающего под землей в этих районах. Вдоль всех дорог, что мы прошли в Княжестве Саксонии, мы видели великое множество ветряных мельниц; реки в этой местности с сильным течением, и немцы очень изобретательны: повсюду установлены лесопилки, чтобы работать на воде и резать доски для рудников, но я удивлялся, видя, что они, измельчая зерно для своего хлеба, полагаются исключительно на изменчивость ветра. Второй город Саксонии, который мы прошли, был Ильменау, а третий — Лейпциг. Этот последний очень большой город со значительным населением, и его здания кажутся мне лучшими из всех, что мы видели с тех пор, как начали путешествовать по Европе. Здесь князь Саксонии²⁴ имеет свой дворец, где он проживает. Нынешний князь в действительности юноша четырнадцати или пятнадцати лет, и в день, когда мы прибыли в его столицу, он уехал на охоту, так что мы не видели его. Поэтому через день мы двинулись к границам империи и пришли в первый имперский город, который лежит за границами Саксонии и который называется Ауссиг.

Глава пятая,

*в которой рассказано о том, как мы прибыли ко двору императора
Германии и что произошло там с нами*

Мы прибыли в Ауссиг и, двигаясь дальше, прошли через следующие местности: Neutri, Estratassenc, Verexen, Klussen, Kling, Pouscin²⁵ и так до Тринки, последняя находится всего в трех лье²⁶ от имперской столицы.

²³ Возможно, это Бельциг, расположенный на расстоянии около 70 км от Берлина, но он не лежит непосредственно на пути из Касселя в Лейпциг.

²⁴ Здесь: Кристиан II (1583–1611), курфюрст Саксонии (1591–1611).

²⁵ Между Ауссигом и Тринкой нет городов с такими названиями. Они воспроизводятся по дневниковым записям Орудж-бека и представляют собой названия сел, через которые проходили путешественники, и записаны они так, как их слышал автор.

²⁶ Фактически Тринка лежит в 9 лье к северу от Праги на р. Молдава.

Космографы обычно делят Германию на Верхнюю и Нижнюю, но я не знаю, почему они называют Нижнюю область Германией, так как не немцы, а фламандцы населяют эти края. Джованни Ботеро называет Германией все те земли, где говорят на немецком или тевтонском языке, и он включает в это название всю территорию, простирающуюся от Мааса до Вислы и от Альп до Северного моря. Но то, о чем мы будем говорить, относится к Верхней Германии, прекраснейшей стране с очень населенными городами; тевтонцы превосходят все другие нации по чистоте и красоте своих домов и улиц. Здания построены либо из камня или дерева, либо из того и другого вместе. Помимо страны, непосредственно управляемой его императорским величеством, Германия включает в свои границы много мелких владений и таких герцогств, как Австрия, Дания, Саксония и Тюрингия; затем есть церковные владения, а именно Майнц, Тревизо, Колонне, потом графство Пфальц на Рейне, Магдебург и, кроме того, много других городов. Земля везде очень плодородна и легко обрабатывается, так что достаточно вспахать землю один раз, чтобы обеспечить жизнь одной семьи на целый год. Мы увидели здесь много видов [диких] зверей и птиц, и в особенности большой приплод дают лошади. Вино изготавливают во многих районах, особенно в Эльзасе, на берегах Неккара и Рейна, а также в Австрии. Германия известна своими прекрасными реками, такими как, например, Дунай, которая является самой большой рекой Европы; затем идут Рейн, Эльба, Одер, Маас, Мозель, Неккар, Майн, Инн, Молдава, Эмс и Везер.

Есть много больших озер, но крупнейшие из них в Швейцарии; таковы озера Леман и Невшатель, а также Люцерн, Цюрих и Констанц. В Германии есть также много обширных лесов, самых крупных в мире, в частности их три, а именно: первый известен как Черный Лес, расположенный вокруг истоков Дуная; второй — Вронки во Франконии и Геркинианский лес, который от самой Богемии простирается далеко до Московии. По всей Германии можно найти все виды полезных ископаемых в большом изобилии, такие как железо, свинец, уголь, олово и сталь; есть также золотые рудники, ежегодная продукция которых исчисляется, по крайней мере, в один миллион крон. Встречается много серы, селитры и квасцов, имеются также соляные шахты. Что касается обычаев и одеяний немцев, они хорошо известны в Испании, и здесь нет нужды подробно говорить о различных народностях, обычаях, собраниях и пище. Но наиболее интересным можно считать то, что касается обычая в связи с избранием его императорского величества, но это хорошо описано многими серьезными авторами, а те, кто хочет знать, как был избран цезарь, пусть ознакомится с буллой святого папы Григория V (996 г.) и указами (называемыми Золотой буллой) императора Карла IV в 1356 г., и они тогда узнают все, что касается этого предмета.

В Германии много прекраснейших городов, таких как Клеве и герцогство с этим названием, с Крефельдом и Дуйсбургом; кроме того,

герцогство Йюлих, т. е. Дюрен, и можно назвать еще многие. Так, на берегах известной реки Рейн расположены Кёльн и Нойс в герцогстве Вестфалия. Города с большим населением — Падерборн и Оснабрюк, а также Мюнстер на Мозеле с Тревизо в Эльзасе. Между Австрией и Балем лежит Страсбург, один из укрепленных и богатейших городов во всей Германии; и наконец, в Швейцарии, наиболее возвышенной стране всей Европы, имеются тринадцать кантонов. Я дал это краткое описание Германии (взято из книги Джованни Ботеро), так как сам я не видел страну больше того, что мог наблюдать по пути, путешествуя к императорскому двору, а затем в Италию. Это, конечно, одна из замечательных стран Европы, местопребывание его императорского величества, и я тщательно консультировался обо всех подробностях у лиц, заслуживающих доверия. С самого начала, когда я выступил из Исфахана в путешествие, я дал себе слово тщательно записывать все то, что видел, для того, чтобы позднее передать отчет царю Персии; но теперь, благодаря милостивой щедрости Бога, я думаю, что, в первую очередь, он должен быть положен к ногам его католического величества короля Филиппа III, нашего господина и повелителя.

Возвращаюсь теперь к предмету нашего путешествия: находясь в городе Тринка, лежащем в пяти лье от Праги, где [Рудольф II] держал свой императорский двор, мы послали [человека] к Его величеству, прося у него разрешения для продвижения нашего посольства. Потребовалось пять дней, чтобы получить ответ; но к концу этого времени его императорское величество выслал к нам одного из своих камергеров и шесть экипажей, чтобы доставить нас в столицу²⁷. Перед тем как мы достигли города, его главный камергер вышел встретить нас с шестью прекрасными экипажами. Насколько я мог судить, с ним было более десяти тысяч человек, пришедших из Праги, чтобы встретить нас, и все эти люди были либо в экипажах, либо на конях. Кроме них были послы различных христианских королей и принцев, аккредитованных при императорском дворе, и они сопровождали нас с весельем и помпой до наших покоев. В большом дворце для нас, персов, были отведены отдельные помещения и такие же отдельно были даны англичанам. Позднее его величество послал охрану для нашего дворца, и многие его служители нанесли нам визит; потом он назначил на наше ежедневное довольствие сумму в 150 крон²⁸.

В конце недели, когда мы отдохнули, его величество послал к нам своего секретаря с приказами, и на следующий день на пяти экипажах нас привели в большой императорский дворец (Hradschin), самое рос-

²⁷ Датой прибытия посольства в Прагу считается 11 октября 1600 г.

²⁸ Во введении нами отмечалось, что данная книга написана для европейского читателя, вот почему здесь и ранее встречаемые денежные единицы представлены так разнообразно и судить об их реальной ценности не представляется возможным. — О. Э. и А. Ф.

кошное и прекрасное здание, которое мы когда-либо видели. От внешних ворот до первой лестницы выстроились по обе стороны четыре различных отряда императорской гвардии, с различным оружием, и мы прошли между ними. Когда мы достигли конца лестницы, навстречу вышли камергеры его величества и вместе с присутствовавшими там вельможами и дворянами нас привели к императорской передней. Мы вошли в большой зал, где нас ожидал его величество; камергеры и придворные при этом отстали, и мы вошли одни. Мы застали его величество²⁹, стоящим на прекраснейшем ковре в верхнем конце зала; за пределами ковра стоял готовый к услугам его главный секретарь, бывший переводчиком и владевший многими языками и который пользовался исключительной благосклонностью императора. Наш посол вышел вперед и с выражением почтения встал на колени и вручил императору послание царя Персии.

Затем через переводчика он справился, как чувствует себя посол, как доехал и хорошо ли отдохнул после утомительного путешествия. Посол отвечал на все его вопросы через переводчика с должным почтением и учтивостью, а потом в отдельности назвал его величеству каждого из нас, сопровождающих его, посланных с ним сюда, как он сказал, царем Персии. Его величество велел каждому из нас поочередно подойти к нему и представиться и через переводчика справился о самочувствии, выказав этим свое к нам расположение и все это с приветливой снисходительностью, несравненным благородством, характерным для Австрийского дома и составляющим отличительную особенность его императорского рода. Затем император милостиво отпустил посла, сказав, что он, император, тщательно ознакомится с тем, о чем просит его царь Персии в своем послании, и он с удовольствием исполнит то, что позволят обстоятельства. Потом один из камергеров его величества проводил нас во дворец, где мы жили.

В следующие дни мы часто выезжали в экипажах посмотреть город, который располагал значительным населением, прекрасными домами, исключительно хорошо построенными. Большая река (называемая Молдава) протекает через город, делая его еще более прекрасным и приятным, и через эту реку тянется величественный мост, соединяющий два главных квартала города, и связывает их с третьим, который называется Старая Прага. По моим измерениям, длина этого моста составляет четыреста шагов. Климат здесь (в ноябре месяце) такой холодный, что эта большая река полностью была покрыта льдом. И во всей Праге нет дома, даже самого бедного, который не имел бы печки для обогрева. Затем его величество приказал показать нам свой арсенал, зал драгоценностей, императорский гардероб и конюшни; в каждом из них мы увидели много замечательных вещей. Затем нам показали клетки с необычными жи-

²⁹ *Рудольф II* (1552–1612), император Священной Римской империи с 1576 г. — внук Фердинанда I, брата Карла V; его сестра была матерью короля Испании Филиппа III.

вотными, и особенно нас поразили четыре льва и четыре тигра таких огромных размеров, каких мы и вообразить не могли.

В течение следующих трех месяцев мы отдыхали, оставаясь в императорском дворце, и все это время нас великолепно развлекали, а потом (весной 1601 г.) император дал нам разрешение продолжить наше путешествие. Он подарил послу пятьдесят штук серебряной с позолотой посуды, а именно: блюда, сосуды для омовений, графины и подсвечники, а также 4 тысячи дукатов для дорожных расходов. Для каждого из нас, членов свиты, он послал высокую пивную кружку из позолоченного серебра и двести крон для путевых расходов. На двух приготовленных экипажах мы двинулись из Праги в сопровождении императорского камергера и в первый же день прибыли в город, называемый Бероун, где мы устроились на отдых. На следующее утро камергер расстался с нами, возвращаясь в столицу, а мы продолжили свой путь в Италию, проехав вначале по многим городам империи, о которых мы подробно расскажем в следующей главе.

Глава шестая,

повествующая о нашем путешествии через Германию и Италию, прибытии в Рим, о приеме, оказанном нам его святейшеством, и о том, как мы, наконец, достигли Испании

После того как камергер его императорского величества оставил нас в городе Бероун, на следующий день мы продолжили путешествие, пройдя через следующие местности: Rokitsan, Pilsen, Kladrau, Pfraumberg, Waidhausen, Fuderitz, Wernberg, Hirschau, Hahnbach, Sulzbach³⁰. Последний очень населенный город, с прекрасными домами, и хотя мы спешили, принц и владелец его, имя которого Отто Генрих³¹, радушно принял нас, отдав приказ обеспечить нас всем, в чем мы нуждались, во время однодневного пребывания у него. Отсюда мы проехали в город Херсбрукк, а затем в местность, называемую Лауф, хорошо отстроенную и со значительным населением. Херсбрукк также показался нам очень красивым своим расположением и восхитительно построенными домами.

Продвигаясь вперед, мы прибыли в Нюрнберг, где оставались три дня. Это очень населенный город, и его улицы и площади прекрасно содержатся; население здесь столь многочисленно, что производит впечатление столичного города. Правитель Нюрнберга, принц, назначенный в город императором, оказал нам великолепный прием. Он послал нам

³⁰ Все названия написаны с ошибками, и поэтому трудно идентифицировать большинство из них на карте.

³¹ Отто Генрих, пфальцграф Зальцбурга (1569–1604).

много подарков, и среди них графины и чашки из позолоченного серебра, представляющие большую ценность; каждому члену свиты он также сделал подарок. Во время нашего дальнейшего путешествия из Нюрнберга в Аугсбург мы ехали в экипажах, а местами верхом, двигались быстро и, пройдя следующие города: Kornberg, Roth, Windsfeld, Ellingen, Weissenburg, Münchem, Kaisheim, Donauwört³², доехали до Аугсбурга. Приятно было видеть этот город, великолепие всех его зданий, какими они и должны быть, поскольку он основан императором (Цезарем Августом). Это в самом деле большая страна и главный город большого округа, судя по скоплению здесь дворянства и бойкой торговле. В Аугсбурге мы оставались шесть дней, и правитель, очень благородный и влиятельный принц, отнесся к нам исключительно гостеприимно, ежедневно приглашая на различные приемы. Отсюда в экипажах мы поехали в город Мюнхен.

Мюнхен — столица отдельного герцогства, герцог и владетель этой страны известен как Благочестивый герцог³³. Он отнесся к нам весьма великодушно, поместив в покоях своего собственного дворца, где показал нам зал с драгоценностями, в особенности здесь было много добротной изготовленной посуды из серебра и золота. Среди того, что нам показали, чрезвычайно любопытным был сад, середина которого, исполненная необычно, представляла обеденный зал. Из камня выступал фонтан, вокруг которого, из камня же, были сделаны фигуры разных видов животных, птиц, рыб, и изо рта каждой из них бил фонтан. Целого месяца не хватило бы, чтобы полностью ознакомиться со всеми этими местами. После трехдневного пребывания в Мюнхене герцог предоставил нам экипажи, обеспечив всем необходимым для дороги и дал нам одного из своих камергеров для сопровождения. Затем, выразив глубокую благодарность за радушный прием, мы расстались с этим знатным принцем. Теперь мы вступили в Италию, оставив за собой земли империи, и так как первым местом назначения была Венеция, перед тем как поехать в Рим, мы направились прямо в Мантую, первый замечательный город Италии, который мы посетили. Несмотря на необычность своего местоположения, она достойна описания, так как Мантуя стоит на берегу большого озера с прозрачной водой, достаточно глубокого для плавания на обычных галерах. Сам город крупный и населенный, его дворцы изумительны. Он построен в манере итальянского зодчества, разделен на кварталы и улицы, которые спланированы таким образом, что каждая улица выходит на аллею. Прочную и высокую городскую стену окружает озеро, и на четырех углах города имеются четыре сильные форты, делающие Мантую неприступной.

³² Установить точное название этих городов невозможно, так как Орудж-бек писал их понаслышке.

³³ Видимо, герцог Вильгельм II по прозвищу Благочестивый (правил с 1579 по 1598 г.). Отрекся от престола в пользу своего сына Максимилиана, первого курфюрста Баварии.

Герцог (принц) из известного рода Гонзага³⁴ выслал нам навстречу экипажи и своего камергера, и мы вошли в Мантую. Герцог очень милостиво принял нас в своем дворце, приказав разместить в покоях, которые были весьма роскошно обставлены, так как герцог отличался большим гостеприимством. Здесь мы оставались два дня. Нам показали его сокровищницу и, в частности, картины, исполненные великими художниками; а также его гардероб, полный национальных одеяний различных чужеземных стран. Потом, дав в нашу честь обед и предоставив нам массу развлечений, он приказал приготовить для нас галеру, в которую мы сели, и он послал своих слуг сопровождать нас до самой Флоренции. Мы, однако, прежде чем ехать в Рим, должны были сначала повернуть назад к Венеции, чтобы вручить письмо царя Персии дожу Сеньеру. Поэтому мы за день проехали по озеру в галере, через устье двинулись вниз по реке [Минчо], сошли на берег и прибыли в город, называемый Отранто. Отсюда мы направились в Верону, город на венецианской территории и один из самых красивых городов Европы. Здесь мы задержались на три дня, ожидая возвращения дворянина, направленного нашим послом в Венецию для получения разрешения на свидание с дожем. Однако венецианцы ответили, что именно сейчас они обсуждают с турецким послом важные государственные дела, и поэтому им неудобно принимать нас; также нецелесообразно в присутствии турецкого посланника принимать посла царя Персии — этих двух держав заведомо враждебных друг другу, — чтобы это не нанесло ущерба христианским государствам. Однако все, в чем мы нуждаемся, будет немедленно нам послано. На это письмо наш посол, будучи оскорбленным, отвечал, что ему нет дела до турецкого посла и он воздерживается от комментариев по поводу неучтивости Венеции; наш визит, таким образом, был отложен и, продолжая путь, мы прибыли в Феррару.

Отсюда мы выслали гонца к великому герцогу Флоренции³⁵ сообщить ему о нашем прибытии, и он послал к нам своего главного камергера, который организовал наш постой по дороге туда. В момент нашего прибытия во Флоренцию герцог там отсутствовал, находясь на охоте, но послал приказ разместить нас в своем собственном дворце, к тому же многие его придворные вышли к городским воротам, чтобы встретить нас. На трех великолепных экипажах мы прибыли ко дворцу, окруженному массой людей, где нас обслуживали личные слуги великого герцога. Мы оставались во Флоренции две недели, нас прекрасно развлекали, показали все достопримечательности этого самого известного города, который славится красотой своих величественных зданий. Герцог послал за нами, приглашая к себе в Пизу, где он нахо-

³⁴ Видимо, Винченцо I, герцог Мантуи (1587–1612).

³⁵ Фердинанд I, великий князь Тосканы (1587–1609).

дился вместе с великой герцогиней³⁶. Когда мы прибыли туда, нас принял его брат принц Джованни де Медичи, который привел нас во дворец, где герцог и герцогиня устроили нам великолепный прием. Здесь нас держали десять дней, роскошно угощая, показывая нам богатые и редкие сокровища, бывшие собственностью великого герцога. Затем нас повели в Ливорно посмотреть новый город, который там строился, и местность здесь довольно привлекательна. Уже возведена крепость и обеспечен безопасный вход в гавань, которая затем должна стать одним из прекраснейших портов на всем Средиземном море. Для выполнения этих работ они располагают более чем пятью тысячами рабов. Великий герцог преподнес нашему послу прекрасную золотую цепочку, которая обернулась вокруг его шеи шестнадцать раз, с медальоном, отделанным драгоценными камнями, с его уменьшенным портретом; подарок такой же ценности он дал сэру Антонию Шерли. Членам нашей свиты он также оказал честь и одарил подарками. Затем отпустил нас, поручив одному из камергеров сопровождать и оплатить все наши путевые расходы вплоть до Рима.

Так мы расстались с ним и проехали до Сиены, где были в ожидании человека, посланного в Рим, чтобы сообщить Папе³⁷ о том, что мы в Сиене ждем разрешения прийти и поцеловать ноги его святейшества. На третий день нашего пребывания в Сиене к нам прибыл кардинал от его святейшества, приветствовавший нас от его имени, и отдал распоряжения по всем делам, касающимся нашего приема. Здесь, в городе Сиене, наш посол поссорился с сэром Антонием Шерли, и дело кончилось бы плохо, если бы кардинал, присланный к нам его святейшеством, не уладил спор, хотя ему и не удалось уговорить посла разрешить сэру Антонию вступить в Рим вместе с ним, как это и было задумано вначале. Причиной ссоры посла с сэром Антонием были тридцать два ящика с подарками, которые, как уже отмечалось, остались на хранении у английского капитана [в Архангельске] с последующей доставкой их в Рим. Посол требовал от сэра Антония полной передачи этих ящиков, чтобы он мог сделать из их содержимого достойный подарок его святейшеству. Теперь выяснилось, что все это дело было аферой, ибо ни один ящик никогда и не был доставлен в Рим; сэр Антоний продал их содержимое английскому торговому капитану во время нашего путешествия по Балтийскому и Северному морям. Это на самом деле так и было, так как нас известили, что наша парча и рулоны материи были открыто распроданы в Москве английскими купцами.

Однако ссора между нами была улажена любезными советами кардинала, и мы двинулись в Рим, где в лье от городских ворот к нам

³⁶ Жена Фердинанда I Кристина, дочь Карла II, князя Лорайне, а по материнской линии — внучка королевы Екатерины Медичи.

³⁷ Папа Климент VIII (1592–1604).

навстречу вышел племянник Папы в сопровождении римского дворянина. Много экипажей было выслано в нашу честь, но мы въехали в Рим верхом на конях. Нас сопровождали два римлянина с каждой стороны также на конях, в то время как рядом с племянником его святейшества ехал наш посол, а с другой стороны — знатный дворянин. Вся местность за воротами по этому поводу была полна экипажами, и я насчитал их более тысячи, и более четырех тысяч были на конях и мулах, а число тех, кто пешком пришел встречать нас, не поддается счету. Когда мы входили в город, был дан салют из пушек крепости Святого Ангела и из других башен, а также залп папских мушкетеров в честь нашего прибытия. В городе они повели нас в дом или дворец, недалеко от Ватиканского дворца, резиденции Папы, и туда к нам явился камергер его святейшества, отнесшийся предупредительно к каждому из нас. Потом он поселился с нами, исполняя до самого отъезда все наши желания и обеспечивая наше удобство. Затем, отдохнув три дня в Риме, мы получили приглашение от его святейшества. И тогда наш посол вновь был расстроен проделками сэра Антония, ибо был вынужден сообщить Папе, как неудобно для него прийти в назначенный день на целование порога его святейшества без надлежащего подарка, которого мошеннически лишил его сэр Антоний. Но Папа прислал ответ, что вопрос о подарках не представляет значения и что он займется этим делом позже и примет меры к устранению зла.

Наш посол решил представиться ему, и в сопровождении дворян мы направились к Ватиканскому дворцу; кардиналы вышли встречать нас и провели в зал, где мы застали его святейшество сидящим на папском троне. У ног его перед троном был расстелен ковер, на котором были подушки, и на одну из них сел наш посол, предварительно поцеловав ноги Папы. Его святейшество затем благословил нас, сказав: «Пусть Господь сделает вас христианами», после этого посол с должным почтением вручил ему послание от царя Персии. С помощью переводчика Папа стал беседовать с нашим послом, который вместе с другими делами ознакомил его с мошенничеством и обманом сэра Антония в деле с подарками. На это его святейшество отвечал: «Я не подвергаю наказанию тех, кто пришел ко мне, и тем более тех, кто прислан ко мне царем Персии. Пусть они доставят его к королю Испании и пусть король Испании накажет его». Вскоре посол попросил разрешения уйти, и его святейшество встал и, вновь благословив нас, вышел. Ежедневно после этого его святейшество справлялся о нашем самочувствии, а потом предложил посмотреть Рим. И каждый день нашего посла навещали кардиналы и принцы, и все мы выходили смотреть огромные церкви и святые реликвии; на берегах Тибра посетили различные парки и фруктовые сады.

Таким образом мы провели два месяца в Риме. Его святейшество послал нашему послу золотую цепочку и 2 тысячи дукатов, а каждому

из нас, секретарям посольства, Папа тоже подарил цепочку и свой портрет. Испросив разрешения на отъезд в Испанию, мы попросились с его святейшеством. Папа милостиво благословил нас и поручил канонику Барселоны по имени Франсиско Гуаске проводить нас в Испанию, снабдив его необходимой суммой для дорожных расходов. И вот, когда мы уже собирались покинуть Рим, стали искать сэра Антония, чтобы поехать вместе, но его не оказалось; не оказалось и других англичан, и никто не знал, куда они все уехали³⁸. Итак, мы уехали из Рима без англичан и в пути обнаружили отсутствие также трех наших персидских братьев. Мы решили вернуться назад, чтобы найти их, и обнаружили, что Всевышний уже приступил к ниспосланию своей божественной милости. Мы нашли трех наших персов во дворце его святейшества в Риме, и они готовились к обращению в христианство. Посол был очень встревожен и добился аудиенции у Папы; его святейшество отвечал ему, что Закон Божий благодеяние, что никто из них не был обращен насильно и каждый волен делать то, что желает, и что он, Папа, делал все по Божьей Воле. После этого посол разговаривал с каждым в отдельности и, видя их непоколебимость и твердость в намерении стать христианами, оставил в покое.

Через пятнадцать дней после этого, выехав из Рима³⁹, мы достигли Генуи, где оставались неделю. Дождь устроил нам великолепный прием; потом нас приглашали многие знатные люди Генуи. К отъезду из Генуи мы зафрахтовали две галеры, и, погрузившись на борт, через два дня добрались до города Савона. Здесь мы сошли на землю и продолжали путешествие через Францию верхом. Сначала поехали в Авиньон, резиденцию советника папского нунция, который принял и оказал нам гостеприимство в течение двух дней, что мы оставались у него. Затем, сменив наших лошадей и вьючных животных, мы обошли Ним и прибыли в Монпелье. Отсюда поехали в Нарбон и, пройдя через Сале, достигли Перпиньяна, где правитель и главнокомандующий приняли нас так, как это сделал бы великий принц. Из Перпиньяна мы выступили, эскортируемые тридцатью солдатами, из-за здешних разбойников, и в целостности были доставлены в Барселону, после того как пересекли трудные и опас-

³⁸ Здесь последний раз Орудж-бек упоминает о сэре Антонии Шерли. И более они не встречались. Что касается подарков, то ясно, что это было мошенничеством со стороны сэра Антония. После того как в июне он уехал из Рима, в марте 1602 г. появился в Вене, откуда подал петицию Филиппу III, королю Испании. Как пишет Ле Стрендж, ссылаясь на местные источники, сэр Антоний прибыл в Прагу, будучи приверженцем римской церкви. Весной 1605 г. он еще раз появился в Праге, и Рудольф II послал его с миссией в Марокко. Она окончилась полным провалом, и он возвратился в Лиссабон. В 1607 г. находился в Неаполе в качестве члена городского совета, в 1610 г. вернулся в Мадрид, где встретился со своим братом Робертом. В последние годы жизни жил в Испании и нищенствовал. Умер приблизительно в 1635 г. в Мадриде.

³⁹ Как указывает Ле Стрендж в своих комментариях на основе документальных источников, сефевидское посольство покинуло Рим в воскресенье 9 июня.

ные теснины Пиренеев. В полулье от Барселоны герцог Фериа выслал нам навстречу коней и экипажи; много каталонских дворян также пришли приветствовать нас. Так мы вступили в этот большой город, прекрасные здания и широкие чистые улицы которого доставили нашим глазам наслаждение. Герцог со всей доброжелательностью и гостеприимством относился к нам в течение десяти дней, взяв на себя расходы и оказывая нам всяческое внимание.

Потом нам дали лошадей и вьючных животных, и мы приехали в Сарагосу, где герцог Альбукерке, здешний вице-король, узнав о нашем приближении, выслал шесть экипажей и лошадей, чтобы с почестями доставить нас в город. Многие знатные люди Сарагосы вышли к городским воротам встречать нас, и в окружении огромного количества людей мы вступили в город. В Сарагосе мы оставались три дня, считаясь гостями вице-короля, как бы великого принца; он велел показать нам все достопримечательности города, особенно кафедральный Собор Богоматери, украшенный колоннами. Посещение святыни Мансарра в Барселоне доставило нам священную радость и словно очистило наши души. Отсюда мы двинулись в столицу Вальядолид и приехали в местечко, называемое Оливарес, где мы решили остановиться, и послали в Вальядолид переводчика с тем, чтобы известил о нашем прибытии его величество короля. Вскоре мы получили указание, согласно которому должны были на неделю задержаться в Туделе на реке Дуэро.

Глава седьмая,

о том, как мы вступили в Вальядолид, как поцеловали руку его величества и как племянник посла принял христианство

Как только мы приехали в Туделу, я вместе с каноником, прибывшим с нами из Рима, и по указанию посла направился ко двору для переговоров с герцогом Лерма, первым министром его величества, и с маркизом Велада, занимавшим пост великого гофмейстера. Когда я вступил в город Вальядолид, необычность моего персидского одеяния вызвала такое изумление, что вслед за мной по улицам шла огромная толпа. Наконец я достиг королевского дворца, где несколько дворян встретили меня с почтением и проводили в присутствие маркиза Велада, которому я осмелился представиться сам, объяснив причину этого тем, что персидский посол просил разъяснить, что необходимо предпринять по случаю прибытия посольства из Персии. Его превосходительство первым долгом велел мне сесть и выслушал со всей учтивостью, и в ответ сказал, что его величество уже получил весть о прибытии посла и в Вальядолиде приводится в порядок помещение, где он

остановится⁴⁰. Он добавил, что моему господину придется подождать еще дня два-три в Туделе и затем ему сообщает об официальном вступлении в Вальядолид. С этим ответом и рассказом о благоприятном приеме я немедленно направился с каноником в Туделу.

Я описал своему господину великолепный вид испанского двора, огромное стечение придворных, прием, оказанный мне, что было благосклонно им выслушано, и мы стали терпеливо ждать вызова. Спустя неделю мы оставили Туделу, так как его величество повелел дону Луису Энрике, одному из своих четырех камергеров, встретить нас по дороге к Вальядолиду. Дон Луис в сопровождении группы людей из своего рода, а он один из знатнейших в Испании, выехал с пятью экипажами, в которых мы вместе с ними в тот же день были доставлены в город. Здесь нас приветствовало множество вельмож и придворных; нас привели в прекрасный дом, роскошно обставленный, с богатым постельным убранством и висячими гобеленами из сукна и бархата разных цветов. Нас обслуживали слуги его величества, а у дверей были расставлены солдаты испанской и немецкой гвардий. Затем нашему послу нанесли визит представители всех иностранных послов, состоящих тогда при испанском дворе, и наш дом весь день был полон гостей, особенно в часы обеда и ужина. После четырехдневного пребывания в Вальядолиде нашему послу нанес официальный визит и герцог Лерма, сказав, что его величество повелел нам явиться во дворец. За нами прислали красиво убранных лошадей, на всем пути нас сопровождали придворные и королевская гвардия. У дворцовых ворот мы спешили и, поднявшись по лестнице, у наружных дверей приемной увидели камергера, проводившего нас в зал приемов. Здесь стоял король. Посол выступил вперед с посланием, которое по персидскому обычаю было написано золотыми и цветными чернилами на листе бумаги более ярда длиной и шириной в три пальца, любопытно свернутой, ибо на персидский манер лист складывается пополам, как, например, делается в Испании с полулистом. Это послание, вложенное в мешочек из золотистого сукна, посол нес в тюрбане, почти на голове, откуда теперь достал его, сначала поцеловал, приложил к глазам, а затем вручил его королю. Его величество, подняв шляпу, принял письмо и с помощью переводчика узнал, о чем писал ему царь Персии, и ему стала ясна цель приезда нашего посольства. Он сказал, что очень тронут дружбой, которую предлагает ему царь Персии, что с большой радостью сделает все, чего ждут от него, и что позже пошлет ответ на это послание. После всего того, что было сказано и сделано с обеих сторон, посол попросил разрешения покинуть его величество, и мы вернулись в нашу резиденцию, сопровождаемые эскортом.

⁴⁰ Филипп III сменил своего отца в 1598 г. в возрасте 12 лет. Он был полностью под влиянием герцога Лермы, который в 1600 г. убедил короля оставить Мадрид и основать свой двор в Вальядолиде.

Следующие два месяца нас великолепно принимали во дворце, мы разъезжали в экипажах его величества или верхом, знакомились с наиболее замечательными местами города, развлекались танцами на балах, смотрели бой быков и сражение на копьях на ринге. Все эти народные празднества, как нам показалось, в Испании проводились лучше, чем в любом другом королевстве или стране, которую мы посетили раньше, так как испанцам даже в состязаниях присущи великолепие и самообладание, которых не хватает у других народов.

Во время этих празднеств произошло событие, очень растревожившее нашего посла. Среди секретарей посольства, сопровождавших его из Персии, в составе свиты был его племянник по имени Аликули-бек, и тот, так как это нравилось ему, стал исполнять все обычаи и предписания христианской церкви. Он принял испанский образ жизни и стал носить испанскую одежду. Сначала это делалось из простого любопытства и развлечения, но вскоре для всех стало явным, что пробил час, когда Всемогущий Бог, в прошлые времена своей правой рукой открывший стезю сквозь воды Красного моря, которую сыновья Израиля перешли, не замочив ног, а другой — вновь сомкнув воды, чтобы утопить сатрапов и всех принцев Египта, — хочет снова быть провозглашенным Всемогущим Богом в Испании. Ибо из самых отдаленных частей Азии в противоположные концы Европы он привел людей с твердыми мятежными сердцами, которые, как воск, смягчились от жаркого света Евангелия⁴¹. Потому пусть будут благословенны Его милосердие и вечное счастье этого перса, принявшего и пользовавшегося милостями, которыми Бог удостоил его, побудив стать христианином. Теперь я возвращаюсь к своему рассказу. Аликули-бек, решившись стать христианином и причаститься, поведал нам о своих намерениях и затем попрощался с нами, отдавшись в руки духовных отцов Общества Иисуса для того, чтобы они обучили его канонам веры и подготовили стать новообращенным...

Посол и мы, оставшиеся персы, несомненно, сильно расстроились всем этим, но были отвлечены развлечениями и карнавалами [и ничем не могли предотвратить происходящее]. В конце двухмесячного пребывания в Вальядолиде его величество подарил нашему послу золотую цепь весом в пятьсот крон, а каждому из трех секретарей, еще остававшихся с ним, цепь стоимостью 3 тысячи риалов. Цепочки меньшей ценности были подарены нашим персидским служителям. Нам вручили также письмо царю Персии и дополнительно сумму в 10 тысяч дукатов (имея в виду путешествие морем), кроме того тысячу дукатов на расходы на поездку в Португалию. Потом была выдана субсидия канонику,

⁴¹ Парикмахер, повар и личный секретарь посла — три члена посольства, принявшие христианство. Позже они присоединились к римской церкви в Испании и Папа Римский выдавал им по десять крон ежемесячно.

который все еще сопровождал нас, и в Лиссабон был направлен приказ о нашей погрузке за счет его величества, со стоимостью перевозки багажа и нашего содержания на борту, так, чтобы мы ни за что не платили до высадки в порту Ормуз, пока не доберемся до территории Персии. Это была щедрость, поистине достойная великолепия его католического величества Филиппа III, славы Испании и Австрийского двора, истинной опоры веры и покровителя христианства во всех западных странах. Когда все дела были улажены, мы попрощались с его величеством, выразив нашу благодарность за все те милости, которыми он осыпал нас.

Для путешествия через Испанию у нас был переводчик, бывший из числа личных служителей его величества и знающий много языков, имя которого было Диего де Урреа. Мы тотчас выступили в Сеговию, где гражданский правитель с группой жителей города вышел встречать нас, оказав нам много почестей. В соответствии с целью, которую я поставил перед собой с тех пор, как начал свое путешествие из Персии, а именно — увидеть все, что возможно, и записать все, что я увижу по пути, чтобы потом опубликовать это в Персии, — я убедительно просил гражданского правителя показать нам четыре достопримечательности, которыми славится Сеговия.

Первым из них является дом с прекрасной статуей Богородицы, известной как Фуенцисла⁴²; она стоит под защитой скалы на соседней возвышенности, обращенной к югу. Лицо этой статуи божественной красоты, подобного которому я никогда нигде не видел, и перед ней горят несколько больших серебряных фонарей такого крупного размера, что никто не поверит, что они сделаны из серебра, если не увидит их воочию. Я поинтересовался, какие державные государи подарили их, и мне сказали, что это преподнесли королеве члены провинциальной общины, изготавливавшие шерстяную одежду, производство которой широко известно. Вторая достопримечательность этого города — Алкасар⁴³, дворец испанских королей; в самом деле — это одно из самых красивых и самых знаменитых сооружений, которые мы видели. Он построен на скале, которая с обеих сторон искусственно круто спускается, образуя стену очень глубокой канавы, отсюда река Эресма [и Кламорес] стекает вниз, делая крепость-дворец более неприступным. Третья достопримечательность этого города — [Романский] акведук⁴⁴, построенный из каменных блоков, высеченных прямоугольником и скрепленных без извести. По верху канала течет вода, используемая всей Сеговией, и протяженность этого акведука такова, что он имеет более двухсот арок. В некоторых местах города вода течет на

⁴² Эта статуя, согласно Ле Стренджу, датированная приблизительно временем готских королей, в годы арабского господства была упрятана. Церковь называется Санта Мария дель Салто.

⁴³ Этот дворец почти полностью сгорел в 1862 г. и сейчас восстановлен.

⁴⁴ Водопровод построен в годы правления римского императора Августа.

высоте, которая может равняться двум полным броскам пики. Четвертая изумительная достопримечательность — Монетный двор⁴⁵, где чеканятся миллионы золотых, серебряных и медных монет. Это делается не вручную, а машиной, приводящейся в движение мельницей на реке [Эресма], протекающей под Алкасаром. Во время пребывания в Сеговии мы выехали из города на два лье (к юго-востоку), чтобы посетить зимний дворец испанских королей, именуемый Балсаим (или Балсам); это огромный дом, находящийся в глубокой долине (притоке Эресмы), окруженной высокими горами, покрытыми сосновыми лесами; здешняя девственная природа — настоящий земной рай.

Покинув Сеговию, мы направились в Эскориал, самое удивительное творение человека, осмотреть которое люди идут из самых далеких краев. Здешний дворец построил для себя покойный король Филипп II, почивающий теперь в раю. Он расположен на склоне горной гряды, известной как Гвадарамма, на берегу реки. Это место, таким образом, защищено с севера и открыто на юг; здание представляет громадный прямоугольник и обнаруживает большое разнообразие стилей: здесь и дорический, и ионический, и коринфский; отделано шлифованным камнем, стоящим на вытесанном фундаменте. Имеется много дворов, башен, колонн, галерей и залов — и все с богатыми орнаментами. Не без основания Эскориал известен как восьмое чудо света. Сам я, несомненно, считаю, что ни одно из семи чудес древности не выдерживает сравнения с ним. Говорят, что король Филипп II построил его согласно данному им обету во время пребывания в городе Святого Квентина во Франции, где была церковь, освященная святым Лаврентием, которую в связи с войной снесли. И с тех пор церковь в Эскориале носит имя святого Лаврентия. Ее алтарные зарисовки представляют удивительное творение мировой живописи. Это также и монастырь Иеронимитских братьев, и у них здесь свои школы. Эскориал, кроме того, является местом захоронения королей Испании; здесь покоятся их останки.

Отсюда мы направились в зимний дворец славной памяти императора Карла V, который находится в пяти лье расстояния от Эскориала и двух лье от Мадрида. Это также великолепное сооружение. Вокруг него много лесов со всевозможной дичью, крупной и мелкой; в самом деле, их здесь в таком изобилии, что олень и дикий кабан повсеместно встречаются стадами. Затем мы посетили дворец в Мадриде, известный как Каса дель Кампо, для описания фонтанов, садов и водоемов которого потребовалась бы отдельная книга. Потом мы вступили в Мадрид, который является одним из крупнейших и красивейших городов Испании. Но его великолепие столь широко известно, что лучше и не пытаться описывать то, что уже достаточно изображено другими. Покинув Мад-

⁴⁵ Монетный двор оставался здесь и чеканил монеты для всей Испании вплоть до 1730 г., когда двор был переведен в Мадрид.

рид, мы совершили поездку в Аранхуэс, дворец королей Испании, построенный также его величеством королем Филиппом II на берегах могучей реки Тахо. Сады Аранхуэса с их аллеями, фонтанами, озерами, зелеными лужайками, чащами с дичью, крупной и мелкой, диковинными птицами, доставленными из далекой Индии, фруктовыми садами столь обширны, что для описания всего этого не хватило бы многих томов. Сказанного нами здесь достаточно, чтобы понять, почему Аранхуэс назван девятым чудом мира. Мы посетили также лежащий на нашем пути имперский город Толедо, столицу готских королей. Здесь находится Алкасар, и мы здесь увидели устройство⁴⁶, с помощью которого вода поднимается из глубин Тахо на уровень города, находящегося высоко над руслом реки; нас также привели в собор, епархиальную церковь Испании, благодаря которому город Толедо считается испанским Римом.

Отсюда мы, путешествуя через провинцию Эстрамадура к городку Трухильо, — многие знатные фамилии родом из здешних мест, — прибыли в город Мерида, бывший в древности вторым Римом, что подтверждают грандиозные размеры его развалин. Посол пожелал на день остаться в Мериде, тем более что скопилось огромное количество народу, с интересом и любопытством разглядывавших нас.

С самого начала нашего путешествия нас сопровождал *алфаких*, так сказать, посольский капеллан (священник), известный под [арабским] именем Амир, ибо, хотя по рождению он был персом, но фактически по прямой линии происходил от пророка Мухаммеда. Он стоял у порога нашего жилища, где образовалась сильная толчея, сдерживая натиск толпы, когда внезапно кто-то без всякого повода ударил алфакиха Амира кинжалом и убил его на месте. Так как это произошло почти ночью, невозможно было установить убийцу, хотя магистрат использовал все средства, вплоть до того, что бросил в тюрьму значительное число людей для удовлетворения громких требований посла, решительно направлявшегося в Вальядолид, чтобы изложить свое возмущение королю. Однако мы раз узнали, что король отправился на охоту. Поэтому мы решили поехать в Лиссабон, и пока там будет вестись подготовка к отплытию, я должен буду вновь возвратиться в Вальядолид и рассказать его величеству о том, как без всякого повода был убит наш бедный алфаких, и потребовать розыска и наказания убийцы. Потом мы по персидскому обычаю, согласно нашей религии, похоронили алфакиха Амира за пределами Мериды, и весь город вышел наблюдать зрелище, очень развлечшее их. Из Мериды мы направились в Бадахос, город, расположенный на границе Испании и Португалии, и здешний гражданский правитель, благородный человек знатного происхождения по имени дон Жуан де Авалос, поместил нас в своем доме, предоставив все, что мы желали, и, уделив большое внимание на-

⁴⁶ Это устройство было создано Джованелло Турриано, уроженцем Кремоны, в 1565 г. при Карле V. Оно могло ежедневно выкачивать 600 тысяч ведер воды из реки.

шему удобству. Из Бадахоса мы, наконец, выступили в Лиссабон, огромный город, прославленный во всей Испании своим прекрасным местоположением, название которого воскрешает в памяти его основателя, Улисса (в античности названного Лисбоном Олиссипо). Это столица и самый крупный город в Португалии, его население более чем 80 тысяч домовладельцев (или 360 тысяч душ). Здесь огромная гавань в устье Тахо, где река впадает в океан, она также главный порт, откуда отплывают все корабли, направляющиеся в Большую Индию и в Новый Свет.

Когда мы, оставив Бадахос, прибыли в Алдеа Галлега, то послали весть вице-королю Португалии, дону Кристобалю де Мора о своем местонахождении, и он выслал нам четыре галеры со многими служителями, которые и доставили нас в Лиссабон. Здесь нам устроили грандиозный прием и гостеприимно поместили в величественном дворце. Отдохнув несколько дней, будучи роскошно приняты многими португальскими дворянами и частными лицами Лиссабона, так как они в самом деле очень гостеприимные хозяева, наш посол приказал мне вернуться с каноником в Вальядолид, чтобы дать его величеству правдивые сведения о гибели нашего алфакиха. Я приступил к выполнению его приказа и здесь для себя уяснил, что именно рука Бога ведет сердца людей в соответствии с Его Божественной Волей. Ибо, как только я достиг Вальядолида, я пошел увидеться с Аликули-беком в Доме иезуитов, и как только я начал разговаривать с ним и беседовать с отцами Общества Иисуса — стало явным, что Всемогущий Бог пожелал, чтобы в меня проникло чудо. Ибо я сразу же в своем сердце почувствовал необыкновенное стремление получить Его Божественное благословение — пусть тысячу раз будет благословенно Святое Имя Его! — и в то время, как я еще пребывал в замешательстве мыслей и был не в состоянии выразить свое определенное желание, Божественная Воля освободила меня от сковывающих уз — как с Моисеем — и как только я вернулся в свое жилище, решительно воззвал к отцам [церкви] принять меня в христианство.

Персидскими буквами я заставил себя записывать молитвы, предписания, заповеди и другие христианские таинства, которые необходимы для тех, кто, как я, решился стать новообращенным. Возношу хвалу Божественной милости, что мне удалась здесь подробно рассказать о моем обращении, ибо это Его непостижимое провидение вселяется в тех, кого Он призывает к церкви и соединению с верой. Потом меня обстоятельно ознакомили с католическим учением. Дон Альваро де Каравахаль, главный священник и распорядитель милостыни королевского величества, подолгу беседовал со мной, разъясняя непонятные места в учении, всем сердцем праведного христианина поддерживая меня и помогая моему обращению в новую религию. Затем я осмелился просить аудиенцию у герцога Лермы, главного министра его величества, на плечах которого лежала вся тяжесть управления королевством, на что он милостиво согласился принять меня. Он сказал,

что был рад узнать о моих добрых намерениях, и я решился изложить перед ним свои планы, состоявшие в том, что, приняв христианство, мне хотелось вернуться в Персию и, захватив с собой жену и сына, возвратиться в Испанию. На все это герцог отвечал, что после обращения в христианство, если я останусь жить в Испании, его величество, без сомнения, проявит ко мне благосклонность и возвысит до почетного положения; и что он разделит бы мое горе по поводу потери жены и ребенка (в случае моего пребывания в Испании и невозвращения в Персию), если бы Бог не велел нам всем терпеливо переносить куда более тяжкие испытания, чем это.

Он привел много других действенных доводов, и я был полностью утешен и приободрен, ибо поистине Бог одарил герцога Лерму проникательным умом и добрым сердцем. Даже наш посол согласился с этим мнением после своей последней аудиенции у герцога Лермы, которому он потом выразил свое глубочайшее уважение. Заканчивая эту главу, я почувствовал, что Бог полностью овладел моим сердцем и помыслами — хотя в этом не было никакой моей заслуги — и твердо решился без промедления принять христианство, а затем вернуться в Персию за женой и сыном. Конечно, в Персии я намеревался скрыть свое обращение в христианство, с тем, чтобы воспользоваться удобным случаем и в благоприятный момент вернуться в Испанию. Наверно, поэтому все приготовления к моему крещению были завершены очень быстро.

Глава восьмая,

о том, как мы, племянник посла и я, были крещены; как я возвратился в Лиссабон и что произошло между мной и послом; и как еще один перс, имя которого Буньяд-бек, решил принять христианство

После моего возвращения от герцога Лермы, по особому указанию дона Альваро де Каравахалья, главного священника и распределителя милостыни Его величества, спешно были завершены все приготовления для крещения меня и племянника посла. Нас, персов, основательно обучили догматам христианской веры. Каждому из нас принесли белый атласный костюм, и дон Альваро де Каравахаль в экипаже привез нас во дворец, и мы были препровождены в присутствие их величеств, также одевшихся в белое и ожидающих нас. Потом в сопровождении большой группы людей мы спустились в королевскую церковь, и здесь дон Альваро де Каравахаль крестил нас. При этом нашими крестными отцом и матерью выступили король и королева⁴⁷. Аликули-

⁴⁷ Королева Маргарита, вторая жена и кузина короля Филиппа III, была дочерью герцога Штирии Карла, младшего сына императора Фердинанда, брата Карла V.

бек, племянник посла, получил имя дон Филипп Персидский, тогда как я, известный до того как Орудж-бек, стал Дон Жуаном Персидским и вслед за тем их величества неоднократно обняли нас, оказав этим самым нам высокую честь. Затем король дал мне письмо для нашего посла и приказал своему переводчику сопровождать меня в поездке, добавив расходы на дорогу. Итак, я вернулся в Лиссабон, одетый по-персидски, как и прежде.

Моей целью было, как я уже сказал, вернуться домой в Персию, где я скрывал бы факт своего превращения в христианина для того, чтобы мне разрешили увезти с собой жену и сына. Однако это могло быть возможно в том случае, если бы не узнали о моем крещении, иначе я должен был бы публично заявить о своей христовой вере и погибнуть за нее. С этими мыслями я направился в Лиссабон, прибыв туда без всяких приключений. По приказу герцога Лермы меня сопровождал господин (уже упомянутый) из числа придворных его величества, по имени Франсиско де Сан Жуан, турецкий переводчик, и вскоре я обнаружил, что, став уже христианином, от бесед с моими земляками, с которыми я прежде был неразлучен, более не получаю душевной улады. Благословляю тебя, Господи, за то, что Ты изменил мою душу. Посол, казалось, был очень доволен моим возвращением и поспешил с приготовлениями к отплытию.

Затем я пошел представиться вице-королю и, поцеловав ему руку, рассказал о своем крещении, чему он очень обрадовался. Когда я сообщил ему о своем намерении вернуться в Персию за женой и сыном, он стал предупреждать меня об опасности, советуя пока оставаться в Испании. Посол, сказал он, хорошо знает, что я перешел в христианство и был крещен в Вальядолиде, как и его племянник, так что мое возвращение на родину связано с риском для жизни, так как либо я буду казнен по приказу посла во время морского путешествия, либо же, если он не сделает этого, то сообщит обо мне по прибытии в Персию, где, конечно, я буду заживо сожжен. Я отвечал, что очень тронут добрым отношением и благодарен за его советы, но уверен, что послу все еще неизвестен факт моего перехода в христианство, так как он по-прежнему дружески расположен ко мне, и я твердо решил осуществить свой замысел. Вице-король на это отвечал, чтобы я тщательно взвесил все, пока есть время. После этого я вернулся домой, но что-то стало беспокоить меня. О моих намерениях знал только персидский дворянин Буньяд-бек, мой близкий друг (который был третьим среди нас, секретарей), только с ним я откровенно обсуждал этот вопрос. Спустя несколько дней как-то после обеда посол прошел в свою личную комнату вместе с Хасанали-беком (бывшим четвертым в ранге персидских секретарей); сомнения одолели меня, и я невольно приник ухом к двери. Прислушавшись, я понял, что речь идет обо мне. Посол предупреждал Хасанали-бека, чтобы он и остальные были очень осторожны со мной, чтобы я ничего не подозре-

вал о том, что он, посол, уже знает, как я был крещен под именем Дон Жуана, добавив, что он намерен держать это дело в тайне до нашего возвращения в Персию. Если мы благополучно доберемся туда, он прикажет схватить меня и привести к царю, который воздаст мне по заслугам.

Разумеется, я повел себя так, как будто ничего не знаю, но тотчас послал своего толмача к вице-королю, который перевел меня в другое помещение со всем необходимым для моего содержания и удобства. Естественно, посол понял, что я догадываюсь о его замысле, и стал искать повода для ссоры со мной, отношения стали столь напряженными, что каждый из нас держал руку на своем кинжале. И если бы не было рядом переводчика, со мной, несомненно, случилось бы несчастье, ибо я видел, что все слуги посла сговорились против меня. У посла не было обоснованной причины к открытой ссоре со мной, так как я еще ни публично, ни частным образом не признался в том, что я христианин. Вместе с тем я как бы между прочим сказал послу, что мне хотелось бы вернуться домой в Персию сухопутным путем, а не морем, вокруг Индии, и что я предпочитаю путь через Венецию, оттуда добраться до Турции и, выдавая себя за турка, я, таким образом, буду в Персии через три или четыре месяца. Посол вступил со мной в пререкания, обвинив меня в том, что обращен в другую веру. На что я спокойно ответил, что это подлинная правда.

Вынудив меня признаться в своем крещении, посол понял, что я собираюсь покинуть его и остаться в Испании. Убедившись, что уговорить меня не удастся и что я не соглашусь уехать с ними, он решил отомстить за оскорбление и организовать мое убийство. Для этого он вступил в переговоры с турецким рабом, которого недавно освободил от каторги на галерах маркиза Санта Круса, командующего испанским флотом и находящегося в это время в Лиссабоне. Этот турок постоянно находился при мне в качестве телохранителя и был его личным переводчиком, ибо хорошо владел турецким и испанским. Именно он готовился убить меня и для этого носил с собой кинжал, ища лишь подходящего случая, но о готовящемся злодеянии я был своевременно предупрежден. Поэтому я кинулся к вице-королю, согласившемуся переговорить с маркизом Санта Крусом, который, как он сказал, несомненно, вмешается в это дело. Получив сообщение, маркиз приказал двадцати солдатам сойти на берег и бесшумно схватить турка. Они привели его на галеры, где он был избит по приказу маркиза, а затем вновь закован в цепи и брошен на каторгу.

После этого случая я больше не встречался ни с нашим послом, ни с его служителями, и единственный перс, с которым я общался, был Буньяд-бек. Я убеждал его спасти свою душу и добиваться крещения. Однако он еще был в сомнении, то отвечал мне «да», то — «нет» и, будучи намного младше него, я впал в отчаяние и стал истово молить-

ся, чтобы Бог соизволил разрешить это дело, склонил моего друга к перемене веры, чтобы он стал моим собратом по религии. Мы обыкновенно встречались в доме венецианского купца, превосходно говорившего по-турецки и проживавшего тогда в Лиссабоне: звали его Николас Клавел. Он постоянно уговаривал Буньяд-бека сделать то, о чем я умолял его — а именно, принять крещение, ибо, говорил он, его спасение зависит от этого. И только Божественное провидение помогло мне. Так вот однажды, когда Николас Клавел беседовал с ним по-турецки, ибо Буньяд-бек прекрасно понимал и по-турецки, и излагал мистирию о том, как Святой Дух спустился к апостолам, как вдруг откуда ни возьмись и непонятно как в нашу комнату влетел белый голубь и сел на письменный стол, вокруг которого мы, сидя, беседовали. Отдохнув и не будучи ничем потревожен, он вновь улетел и больше не показывался. Мы были так удивлены, что долго не могли прийти в себя и сочли это большим чудом. Более ясного знака для Буньяд-бека не требовалось, ибо Бог уже смягчил его дух, и он сразу решил креститься. Поэтому я привел его к вице-королю, которому рассказал о случившемся, и это очень обрадовало его.

Без ведома нашего посла и без малейшего промедления — по приказу вице-короля нам дали на дорогу все необходимое — мы в сопровождении переводчика отправились прямо в Вальядолид. Как только мы прибыли во дворец, я попросил аудиенцию у его величества и с помощью нашего переводчика сообщил ему обо всем происшедшем и добавил, что принял решение остаться окончательно в Испании и вместо сына я привел к его величеству своего друга, который, следуя моему примеру, также хочет стать христианином. Его величество был чрезвычайно удовлетворен и сказал, что Буньяд-беку нужно пойти к дону Альваро де Каравахалу, который подготовит его к обращению в новую веру. Вскоре после этого король уехал из Вальядолида в Эскориал, и находившийся при нем дон Альваро де Каравахаль послал своего капеллана, приказав нам привести туда Буньяд-бека: оказалось, что он прекрасно осведомлен в доктринах христианской веры. Потом его одели в белый атлас и мы все направились в королевскую церковь, где крестными отцом и матерью выступали король и герцогиня Лерма. Дон Альваро де Каравахаль крестил его, и он получил имя Дон Диего Персидский. Король, этот самый христианский правитель, видя, что мы стали уже христианами, но оставались чужестранцами в этой стране, расположенной на многие сотни лье от нашей родины, по своему королевскому и христианскому великодушию приказал выдавать нам ежегодно пенсию в тысячу двести крон и кроме того дополнительную сумму для возведения собственного дома. Временно пожаловал также помещение в своем дворце. В отношении нас было сделано много добрых дел, и с каждым днем эти милости росли — щедрыми были дары королевской длани.

Пусть будет благословенно беспредельное милосердие Всемогущего Бога за Его доброту и благосклонность, которыми он удостоил нас. Во-первых, за дарование Света Праведной Веры и за пребывание в христианской земле, где Таинства в изобилии прославлены и где мы нашли учителей, указавших нам правильный путь Иисуса Христа.

Во-вторых, мы благодарны за то, что мы, персы, теперь находимся под знаменем нашего верховного господина короля Испании, ежедневно осыпающего нас своими милостями и почетом. И еще... Господу пусть будут все возблагодарения мои, и как сказал Иов: «Ему принадлежит все, и все происходит от Него же в этом мире...»

Сонет

*в похвалу Дону Хуану Персиядскому*⁴⁸

Увидел мир твой ратный подвиг снова,
Увидела земля твою победу,
И видит небо, ты идешь по следу
Достоинства и доблести суровой.

И видит Персия, что все готовы
Признать в тебе, чего не знали деды.
Так обнажи главу и нам поведай
О славе, что несет венок лавровый.

Оценит тот, кто вышел из пещеры,
Свет золотого дня, сиянье мира —
Вот подвиг твой, земле родимой плата.

Достоин славы ты сверх всякой меры,
Таких, как ты, еще не пела лира,
Ты мир завоевал мечом солдата.

⁴⁸ Сонеты посвящены Орудж-беку его испанскими друзьями. Часть сонетов, представленная здесь с учетом читательского интереса, переведена с испанского оригинала по изданию Н. А. Кортеса. Выражаем искреннюю благодарность Ф. Алиеву за подстрочный перевод сонетов с испанского и В. Портнову — поэту. — О. Э. и А. Ф.

Сонет
лиценциата Августина де Вируега
из Алкала де Хенареса

Хвала тому, кто смел, красив и строен,
У нас теперь с Испанией сроднился,
Аристократом выглядит, но бился
На бранном поле, как обычный воин.

Перо, как меч, и книги удостоен
Его рассказ о том, как он пробился
Раз в Балтику и даже очутился
С ладьей на Волге, дерзок и спокоен.

И был тому христианин свидетель,
Доподлинно узревший все воочью
(Смотрел во все глаза и днем, и ночью).

Кто истину хранит и добродетель,
Идет к Христу и окрещен во храме
И назван здесь моими же стихами⁴⁹.

⁴⁹ «Назван здесь моими же стихами», потому что в них содержится акростих Хуану Персидскому.

Сонет

*Донны Анны де Эспиноса Ледесма из Сеговии
Дону Хуану Персидскому*

Одарив друзей богато,
Дон Хуан единоверцам
Доказал, что в нем два сердца —
И студента, и солдата.

Муж воинственный и смелый,
Он владел и кистью тонко,
Рисовал, как мастер зрелый.

Удостоен славой громкой,
Он запечатлел потомкам
Тех, кто занят бранным делом.

Сочетание сонета с октавой *в похвалу Дону Хуану Персидскому*

Волнистыми густыми волосами
Ты, как Нептун, гордишься справедливо,
И Аполлон потупился стыдливо,
В Испании тебя увидев с нами.

Да, ты героем создан небесами,
Родился дважды и возник счастливо,
И все же ты тоскуешь молчаливо,
Снедаемый протекшими годами.

Но прошлым жить упорно не желая,
Испытываешь ты судьбу и ныне,
И видит свет, что в том дойдешь до края.
Ах, Дон Хуан, поверь, ты не в пустыне:

С тобой сама история, ты вправе
Учить потомков неподдельной славе.

Указатель имен

А

- Аббас I (Аббас-мирза) 7, 11–14, 21, 23, 61, 88, 107–108, 131–147, 161
Аббасиды 17
Абд ал-Малик 60, 61
Абдаллах 60
Абдаллах (Мамун) 63
Абдаллах ибн аз-Зубейр 60
Абдаллах ибн Мас'уд 59
Абдаллах ибн Мухаммед (халиф Мансур) 62
Абдарахман ибн Марджан 71
Абдий 48
Абдулла-хан Узбек 138–140
Абу Амр Кайсан 61
Абу Джафар (Саффах) 62
Абу Муса-ал-Аш'ари 59
Абу Муслим (Амир Сулейман, Амир ал-Муслимин) 17, 62
Абу Талиб-мирза 127, 132
Абу Хашим 61
Абубакр 17, 57, 59, 71, 87
Абул-Аббас 60
Авалос Жуан де 182
Авраам 41
Агафий 49, 50
Агрикола Георг Бауэр 165
Адаб 49
Адарман 53
Адиль-Гирей хан 21, 93, 96–100
Азам-бек Колгачи 134
Айше 71
Ак-Коюнлу 17, 18
Акраган 42
ал-Мухтар ибн Аби Убайд ас-Сакафи, прозв. Кайсан 61
Ала ад-Довле 78–81
ал-Газзали Джанберди 82, 83
Александр, сын Лаварза и Десмит 92, 97, 100
Александр, сын Левенда см. Искендер Левендоглу
Александр Македонский 29, 41, 46, 64
Александр Север 49
Алем 78
Алемшах-бегим 72
Али (ибн Абу-Талиб) 17–19, 59, 60, 62, 70–72, 74, 75, 78, 87, 138
Али Пагман 126
Али-бек (Ак-Коюнлу) 17
Али-бек, правитель Астрабада 137
Али-бек Конийский 65
Али-паша (Хадим Али-паша) 77, 111
Али-хан Туркман 130, 132
Алиев Ф. 189
Аликули-бек (Дон Филипп Персидский) 7, 12, 14, 15, 141, 179, 183, 185
Аликули-хан Устаджлу 22, 95, 101–103, 107, 108, 112, 116, 128–131
Аликули-хан Шамлу 21, 107, 138
Алкас 83
Аллахверди-хан 136
Алп-Арслан 64
Алфагало 17, 64
Аль-Мугира ибн Шуба 57
Альбукерке, герцог 177
Альвенд 74, 75
Амандус 70
Амин, халиф 63
Амир, алфаких 182
Амир ал-Муслимин см. Абу Муслим
Амир Сулейман см. Абу Муслим
Амир Хамза см. Хамза-мирза
Амир Хейдар см. Хейдар, шейх
Амир-хан Туркман 7, 22, 88, 101, 107, 112, 113, 115, 117, 123, 124, 126
Амурат см. Мурат, брат султана Селима
Анаксандрид 42
Антиох I Сотер 41
Антонин, св. 55
Ануширван 53
Апиан Петр 28, 29, 47
Арас-хан Румлу 96, 98
Арбак (Арбат) 44, 45, 58
Аргус 86
Ардашир I Папакан (Артаксеркс) 47, 49, 50
Ардашир II 51, 52
Арзес 46
Аркадий 52
Арсе Мария де 15
Артабан IV 50
Артаксеркс см. Ардашир I Папакан
Артаксеркс I 45, 58
Артаксеркс II Мнемон 43, 46
Артаксеркс III Ох (Ок) 46

Арфаксат 48
Аршак 29
Аршакиды 29, 58
Аскатад 41
Асхал 42
Атанасиус 47
Аттила 51
Афанасий см. Атанасиус
Ахасуер, Артаксеркс II
Мнемон 46
Ахемениды 42, 50
Ахмад (Мухаммед) см.
Махди
Ахмед, принц 76, 77, 134,
135
Ахмед-паша (Каракуш) 76,
77
Ахмед-паша Хаджибек-
оглу 102
Ахмед, шейх 135
Ахта Хусейн 86
Ашраф Кансу Гури см.
Кансу Гури

Б

Баарио 59
Багли-паша 111
Баграт III (Башачук) 92
Байсун-кур 65
Бала см. Беле Младший
Балас 52
Барардах 48
Барасих 49
Барбадильо Саласо
Алонсо Херонимо де
14, 15
Барбаро Иосафат 29, 67
Барнар 57
Бартольд В. В. 3, 6
Бахрам I см. Варахран I
Бахрам II см. Варахран II
Бахрам III см. Варахран III
Бахрам, сын Исмаила 83
Бахрам Чубин 54, 55
Бахрам-мирза 86
Бахрам-паша 91, 96
Башачук см. Баграт III
Баязид I Йылдырым (Мол-
ниеносный) 65, 66
Баязид II Вели 19, 69, 70,
75–78
Бегум 98, 99
Бедел-султан 125

Бел 41
Беле Младший (Бала) 41
Беленицкий Л. М. 3
Белесис 44, 45
Белохус 41–43
Белохус II 42
Белсефо 17, 64
Бенги Мелик 136, 137
Бенес см. Ботеро
Бернард из Брейденбаха
67, 70
Берос 41, 43, 48
Борис Годунов 12, 156,
157
Бостильо Хуан де 24
Ботеро Джованни (Бенес)
17, 25, 28, 29, 73, 74,
148, 149, 152, 154, 166,
168, 169
Бошалу 34
Буассар 18
Будак-хан Каджар 84
Буньяд-бек (Дон Диго
Персидский) 14, 15,
184–187

Буора 59
Бурджи 69

В

Валериан 47, 48, 50
Валид I 61
Варахран I (Бахрам I) 51
Варахран II (Бахрам II) 51
Варахран III (Бахрам III) 51
Варахран IV 52
Варахран V Гур 52, 54
Вахан 52
Вега Филипп де 15
Вейга Пинейро де 14, 15
Вейс 112
Велада 177
Вели-хан Текели 124
Вергилий, Публий Марон
46, 60
Вильгельм II Благочести-
вый 13
Винченцо I 173
Вламан (Улама-бек) 83
Вольтер 42

Г

Габсбурги 70
Гаг 41

Галарца Франсиско де 24
Галлиен 48
Ганг 41
Ганнибал 65
Гаянгос Паскуаль де 14, 15
Генебрард 65
Генрих III 65
Генрих Мореплаватель
(Энрико Навигатор) 28
Георгиевитс 65
Геродот 29
Гистасп 45
Гомес Мигель 15
Гонзага, герцог 13, 173
Гонсалес де Клавихо
Рюи 65
Гори 92
Григорий V 168
Гуаске Франсиско 16, 176

Д

Давид, царь 26, 42
Давид (Давид-хан) 92–94,
101, 111, 119
Даган 56
Дарий I 45, 58
Дарий II Нот 45
Дарий III (Кадоманн) 46
Дебора 42
Девлахар-хан 126
Декет 92
Дели Мухаммед 84
Дервиш-паша 91, 96
Деркул 42
Десмит 91, 92, 97
Деспине (Катерина) 18,
72
Джавхар 83
Джагатай 30
Джанбулат, султан Египта
69
Джанбулат-хан 97, 109
Джафар, турецкий
военачальник 81
Джафар ибн Мухаммед
ас-Садик 62
Джафар-паша 118
Джафаркули-хан 125, 126
Джаханшах 73
Джем (Джамшид) 69
Дженкинсон 92
Джунейд 72
Дзено Катерино 17

Дон Диего Персидский
см. Буньяд-бек
Дон Жуан Персидский
см. Орудж-бек
Дон Филипп Персидский
см. Аликули-бек
Дон Хуан Персидский *см.*
Орудж-бек

Е

Евдокия 55
Есайя 49

З

Зайд ибн Сабит 59
Зароес 48
Зелма 62
Зонара Иоанн 54, 55

И

Иаков, св. 48, 51
Ибн Абу-Суфьян *см.*
Муавия I
Ибн Мульдхам 71
Ибн-Зубейр *см.* Абдаллах
ибн аз-Зубейр
Ибрагим, принц Карамана 69
Ибрагим, сын Хейдара 73
Ибрагим Шейхшах 72
Ибрагим-мирза, сын
Тахмасиба 86
Ибрагим-паша 83, 114,
115
Ибрагим-хан 104
Игнаро 64
Иевфай 42
Иисус Христос 25, 26, 46,
47, 56, 179, 183, 188,
190
Имамкули-хан Каджар 21,
95, 96, 101, 102, 125,
128
Имбраел *см.* Амин, халиф
Инд 41
Иоанн, пресвитер 32
Иоанн, св. 82
Иоанн IV (Кало Иоанн) 18,
72
Иоанн Австрийский 85
Иоанн Златоуст *см.*
Христосом
Иоанн Комнин 18, 54

Иов 51, 188
Иракий 55, 56
Ирас 86
Иса-хан 86, 93
Искендер Левенд-оглу 92–
95, 97, 103, 104
Искендер Мунши 121
Ислам-Гирей 113
Исмаил I Сефевид 8–11,
17–20, 22, 68, 70, 72–83,
86–89, 123, 130, 135
Исмаил II 10, 20, 88
Исмаил-мирза-султан 128
Исмаилкули-хан Шамлу
см. Исми-хан Шамлу
Исмет-хан 138
Исми-хан Шамлу 128, 129
Исхак Ардебили 72
Иуда Таддеус, св. 48

Й

Йазид I 60, 71
Йазид II 61
Йездегерд I 52
Йездегерд II 52
Йездегерд III 52, 57
Йонас 49

К

Кавад I *см.* Кубад
Кадир 63
Каим 63
Кайсан *см.* ал-Мухтар
ибн Аби Убайд ас-
Сакафи
Кайтас-паша 96, 98
Кайытбай ал-Ашраф Сейф
ад-Дин 69
Кало Иоанн *см.* Иоанн IV
Камбай 33
Камбис (Камбиз II) 45
Канделор 64
Канидий Красс 93
Кансу Гури 20, 81, 82
Кансух ал-Ашрафи 69
Кансух ал-Закир 69
Каравахаль Альваро де 24,
183, 184, 187
Карагёз Ахмед-паша 76
Каракуш *см.* Ахмед-паша
Каркия, дин. 73
Карл II 174
Карл IV 168

Карл V 11, 13, 70, 83, 170,
181, 182, 184
Касим-паша 79, 80
Катай (Шахрух) 66
Катерина *см.* Деспине
Кир II Великий (Старший,
Куруш) 42, 45, 46, 58
Кирос Луис де 15
Кирос Хуан де 15
Клавел Николас 187
Климент VIII, папа 13, 174
Константин V 61
Коркут 69, 77
Кортес Н. А. 4, 7, 14–16,
189
Котарело Эмилио 14
Кристиан II 167
Кристина 174
Ксеркс I 45
Ксеркс II Согдиан 45, 48,
58
Ктесий 43
Кубад (Кавад I) 52
Куман 113, 114
Курс 53
Куспиниан Иоанн 66
Кутлу-бек 17
Куш 41
Кылыч Али-паша *см.*
Улудж-Али

Л

Лабассап 92, 93
Лаварз 91, 92
Лаврентий, св. 181
Лампрае 42, 43
Лаосфен 42
Ле Стрендж 4, 6, 13, 14,
16, 23, 31, 92, 145, 156,
160, 166, 176, 180
Левенд 91–93
Лерма 15, 177, 178,
183–185, 187
Луис II 165
Луис Энрике 178
Лукиан Самосатский 42

М

Маврикий 53–55
Маг 45
Магеллан 16, 25, 28
Македонская династия 46
Максимилиан 172

- Максуд-ага (Максуд-бек) 115, 119
 Мамедалиев М. И. 4
 Маммэ 49
 Мамун 63
 Мамут 41, 42
 Мансарра 177
 Мансур, служитель Якуба 74
 Мансур, второй аббасидский халиф *см.* Абдаллах ибн Мухаммед
 Марван II ал-Химар 61, 62
 Маргансиа 58
 Маргарита Австрийская 14, 184
 Мардук 41
 Мария 54
 Марта 72
 Массе Христиан 55
 Махди 19, 62, 63
 Махди Уляя 100
 Мегасфен 41, 42, 43
 Медичи Джованни де 174
 Менон 43
 Менучихр (Мустафа) 91–94, 97, 100, 101, 105–107, 110–112
 Мето Николао де 145
 Мехмед II Фатих *см.* Мухаммед II
 Мехтикули-хан Шамлу 135
 Минадои Томас (Томмазо Джованни) 16, 18, 21, 25, 28, 86, 89, 92, 107, 108, 115
 Мирза Али (Пир Али) 73
 Мирза Салман 21, 88, 89, 98, 107–109
 Моисей 42, 183
 Моло Николао де 145
 Мора Кристобаль де 183
 Мочениго Пьетро 66, 67
 Муавия I (ибн Абу-Суфьян) 59, 60, 71
 Муизз 83
 Мулкиано 59
 Мурад, брат султана Селима 78–80
 Мурад I 65
 Мурад II 66, 85
 Мурад III 10, 21, 23, 89–91, 95, 97, 100, 101, 103–106, 108–115, 119, 133, 134, 140, 144
 Мурад-паша 118
 Мурад-хан, сын султана Якуба 74, 75
 Муршидкули-хан 130, 131, 133
 Муса Казим 18, 62, 72
 Мус'аб ибн аз-Зубейр 60, 61
 Мустафа *см.* Менучихр
 Мустафа-мирза *см.* Султан Мустафа
 Мустафа-паша 21, 89–91, 93–98, 100–103, 105
 Му'тасим 63
 Мухаммед, пророк 17–20, 26, 36, 38, 58–60, 62, 64, 70–72, 75, 182
 Мухаммед, сын Игнаро 67
 Мухаммед, сын Мурада 104
 Мухаммед (Амин) 63
 Мухаммед бен Кайытбай ал-Насир 69
 Мухаммед ибн ал-Ханафи 61
 Мухаммед Махди *см.* Махди 63
 Мухаммед II Фатих 11, 17, 66–69, 133, 140, 142, 144
 Мухаммед III (Мехмед III) 133, 140, 142–144
 Мухаммед Худабенде 7, 10, 11, 21, 85, 86, 88–90, 96–99, 101, 103, 107–110, 113, 117, 120, 121, 123–125, 127, 129, 132, 134, 139
 Мухаммед Шариф-хан 134
 Мухаммед-ага 143
 Мухаммед-Гирей II 99, 113
 Мухаммед-паша 91, 94, 102, 105, 106, 116–118
 Мухаммед Соколлу 101
 Мухаммед-хан Баят 123, 124, 139
 Мухаммед-хан Туркман 124, 130
 Мухаммед-хан Устаджлу 79, 90
 Мухаммеди-хан Тохмак Устаджлу *см.* Токмак-хан
 Мухаммедкули-халиф 134
 Мухтар ибн Абу-Убейд 17, 60, 62
- ## Н
- Нарсе 51
 Наср ад-Дин Челеби 94
 Неджеф-султан 125
 Нептун 192
 Нерон 48
 Низами Гянджеви 129
 Никифор 47
 Никифор Каллист 49
 Нимрод 16, 25, 41, 43, 45
 Нин 42
 Ной 41
- ## О
- Оденат 51
 Ок (Ох) *см.* Артаксеркс III
 Октавиан Август Цезарь (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 46–48, 146, 172, 180
 Олабе Хуан де 15
 Ольденбургский, герцог 12
 Омар, «праведный халиф» 17, 57, 58, 71, 75, 87
 Омар, правитель Сафедата 104
 Омар II 61
 Омар Мирза 65
 Омар-паша 106
 Омейяды 17, 60, 61
 Ормузд IV *см.* Хормузд IV
 Орудж-бек (Дон Жуан, Дон Хуан Персидский) 3, 4, 6–8, 11–24, 28, 41, 58, 61, 63, 68, 78, 84, 95, 102, 108, 115, 121, 130, 133, 143, 148, 154, 160, 167, 172, 176, 185, 186, 189–192
 Орхан (Осман ибн ал-Афган, халиф) 65

Осман (Осман ибн ал-Афган), халиф 17, 58, 59, 71, 75, 87
Осман-бек Гази 64, 65
Осман-бек (Ак-Коюнлу) 17
Осман-паша 21, 22, 92, 96–101, 113–120
Османы, дин. 78, 84
Отто Генрих 171
Офрате 42
Ох (Ок), Умасу-Ох *см.* Артаксеркс III

П

Павел, апостол 25, 26
Павел V, папа 145
Палмерий Матвей 55
Панн 42, 43
Паоло Джовио 70
Папак 49, 50
Парвиз *см.* Хосров II
Паусоут 45
Перейра де Сампайо Хосе 15
Перион 48
Перихан-ханум 20, 21, 87–89
Пероз 52
Пертиад 42
Петрушевский И. П. 3, 6, 11, 19
Пехлеван-бек 17
Пигулевская Н. В. 3
Пинедра Хуан де 17, 55, 66
Пир Али *см.* Мирза Али
Пир Ахмед 67
Пир Мухаммед 86
Пиркули-бек 12, 158
Писасири 64
Поло Марко 16, 25, 28
Помпей 93
Портнов В. 189
Поссевино Антонио (Поссевин Антоний) 154
Приам 43
Прокопий Кесарийский 41, 49
Прусий 65
Птолемей II Филадельф 46
Птолемей III Эвергет 46, 48

Р

Ремон Алонсо 16, 24, 103
Рза, имам 138
Ризван-паша 101, 105, 111
Роблес Хуана де 15
Родриго 61
Рудольф II 13, 170, 176
Рукайя 58
Рустам 68, 73

С

Садр ад-Дин Муса 72, 130
Сакали-султан 124, 126
Саламанса *см.* Алфагало
Саламен 44
Салмас 91, 108
Сам-мирза 83
Самир-хан 96
Сангариус 77
Сан Жуан Франсиско де 185
Санта Крус, маркиз 186
Санчес Габриела 15
Сарданапал 42–45
Сасан 49, 50
Сасаниды 16, 47, 49, 50, 53
Сатурн 41
Саффах *см.* Абу Джафар
Свида 42
Селевкиды 29, 41
Селим 20, 78–83, 87
Селим II 85, 88
Семирамида 42
Сеньер 173
Сервантес 3
Сеспедес Максимилиано де 24
Сефевиды 7–11, 16, 18, 20, 21, 28, 72–74, 76, 115
Сефи ад-Дин 18, 38, 72, 130
Сефи-мирза 141, 143
Сиди Дауд 59
Сиди Ноккио 59
Сиди Тануин 59
Сикст IV, папа 68
Симон (Симон-хан) 21, 92, 93, 101–105, 110–112

Симон, св. 48
Синан-паша, изменник из Эпира 80, 82, 84
Синан-паша, великий везир 103–106
Синан-паша (Чигала-паша) 109, 116–119, 127
Сирис 41
Сисебут 55
Ситтас 54
Сиявуш-паша 106, 113, 114
Скалигер Жозеф-Жюст (Иосиф) 57
Смерд Бардия 45
Соколлу *см.* Мухаммед Соколлу
Солиман *см.* Алфагало
Соломон 42
Сордеро Альфонсо 145
Сосар 42
Сосарм 42
Страбон 28, 30, 93
Строева Л. В. 3
Суйургатмыш 65
Сулейман, омейядский халиф 61
Сулейман *см.* Алфагало
Сулейман, сын шейха Хейдара 74
Сулейман I Кануни (Великолепный) 9, 20, 81, 83–85, 87, 88
Сулейман Абу Муслим 62
Султан Али, сын шейха Хейдара 73
Султан Али-мирза, сын Тахмасиба 86
Султан Махмуд 134
Султан Мустафа (Мустафа-мирза) 86, 87
Султан Хейдар-мирза *см.* Хейдар-мирза, сын Хамза-мирзы
Султанали-бек Баят 6, 7, 21, 103, 113, 119, 121
Сфар 41

Т

Тал-оглу 104
Талим-хан 140, 141

Тамерлан *см.* Тимур
Тахмасиб I 9–11, 20, 30,
34, 83–86, 89, 93
Тахмасиб-мирза, сын
шаха Мухаммеда
Худабенде 22, 88, 124–
126, 132
Тевта 42
Тевтаמיד (Тевтанид) 42,
43
Тейс Мельхиор де 15
Текели, Текели-Кызылбаш
см. Шахкулу Текели
Теодор 47
Терджан 68
Тиберий II 53, 54
Тиберий Цезарь (Август)
48
Тиме 42
Тимофей 25
Тимур (Тимур-бек,
Тамерлан) 17, 65, 66,
107, 138, 147, 149
Титон 43
Тогрул-бек Сельджук 17,
64
Токмак-хан (Токмак
Султан-хан) 90, 91, 95,
96, 101, 104, 109, 110,
125
Токмак-хан Кашлу *см.*
Токмак-хан
Тонус-Конколерус *см.*
Сарданапал
Торнамира Хуана де 52
Транголипикс *см.* Тогрул-
бек Сельджук
Тридинтино 15
Тудела 178
Туманбай ал-Адил 69
Туман-бек 82, 83
Турали-бек 17
Турриано Джованелло 182

У

Убайд ибн Кааб 59
Убейдуллах 60
Узун Гассано *см.* Узун
Хасан
Узун Хасан 11, 17, 18, 29,
64, 66–68, 72–74
Улама-бек *см.* Вламан

Улисс 183
Улудж-Али (Кылыч Али-
паша) 90
Ум-Кульсум 58
Уммет-хан Зулькадар 124
Урреа Диего де 180
Устад-оглу 79

Ф

Фабия 55
Фарзалиев А. М. 10
Фаррух Ясар 8, 73
Фархад-бек 132
Фархад-паша 83, 94, 107,
109–113, 127
Фархад-хан 141
Фатима 18, 59, 60, 62, 70,
72
Федор I 156
Феодосий II 52
Феофил 63
Фердинанд 184
Фердинанд I, великий
князь Тосканы 173, 174
Фердинанд I, император
13
Фериа 177
Филипп II 85, 181, 182
Филипп III 13–15, 169,
170, 176, 178, 180, 184
Филипп Красивый 70
Фирдоуси 50
Фируз 57
Фока 55

Х

Хади Али-паша 76
Халиджа 72
Хайр-бек Сайф ад-Дин
81–83
Хайрадин-паша 78
Халилулла 72
Халифе-хан 123, 124, 126
Хам 41
Хамза-мирза (Амир
Хамза) 7, 21, 22, 88–90,
97–99, 108–110, 116–
121, 124–129, 131, 134
Хан Сеид-оглу 32
Харнар 57
Харун ар-Рашид 63
Хасан, евнух 105, 115

Хасан, имам 60
Хасан-бек, караманский
принц 67
Хасан-бек, турецкий
эмир 17, 64, 66, 68, 73
Хасан-бек, халвачи 88
Хасан-паша 97, 101, 102,
103, 106, 110, 112, 114
Хасан-халиф 76
Хасанали-бек 185
Хатаи *см.* Хейдар
Хейдар (Амир Хейдар,
Хатаи), шейх 17–19,
70, 72–74, 76, 87, 123
Хейдар-ага 104
Хейдар-мирза, сын
Тахмасиба 86, 87
Хейдар-мирза, сын Хамза-
мирзы 128, 134
Хейранниса-бегим 88
Хишам 61
Ходжа Али 72
Хормуз 57, 58
Хормуз I (Хормизд-
Ардашир) 51
Хормуз II (Хормизд) 51
Хормуз IV (Хормизд,
Ормузд IV) 54
Хосров I Ануширван 52–
58
Хосров II Парвиз 54–57
Хосров-паша 90
Хрисостом 47
Христос *см.* Иисус
Христос
Хуана Безумная 70
Худабенде *см.* Мухаммед
Худабенде
Худаверди Даллак 129
Хулагиды 63
Хулагу-хан 17, 63
Хусейн 17, 60, 62, 71, 72
Хусейн-бек 136
Хусейн-хан Шамлу 141
Хусейнали-бек 12–14,
146

Ч

Чигала-паша *см.* Синан-
паша
Чингисхан 30, 63, 138
Чубин *см.* Бахрам Чубин

Ш

Шабдах Султан 108
Шамхал 92, 97, 100, 101
Шамхал Тарковский 100
Шамхал-хан 87
Шапур I 47, 48, 50, 51
Шапур II 49, 51
Шапур III 52
Шарес 59
Шахверди-хан 135, 136
Шахкулу Текели 19, 76
Шахр-Барз 56, 57
Шахрух *см.* Катай
Шахсувар-оглу 81
Шеба 41
Шейбаниды 138
Шейтан-кули *см.*
Шахкулу Текели

Шереф-хан Бидлиси 95,
96, 100, 101
Шерли Антоний 8, 12, 13,
23, 47, 144–146, 159,
161, 162, 165, 174–176
Шерли Роберт 8, 145, 176
Шерси-оглу 81
Широ, Кавад (Кубад) 56,
57
Шихали-султан 125

Э

Эдвардс 92
Эдер 93
Энрико Навигатор *см.*
Генрих Мореплаватель
Эртогрул-бек 65
Эспиноса Ледесма Анна
де 24

Эупакмес 42
Эфендиев О. А. 11

Ю

Ювенкус 46, 47
Юлиан Отступник 51, 61
Юлий Цезарь 46, 88
Юнус-паша 77
Юсиф-бек 92, 94, 104,
106
Юстин 53
Юстиниан I 52–54

Я

Яков I 145
Якуб Ак-Коюнлу 68, 73,
74
Якубовский А. Ю. 3
Яхве 42

Указатель географических названий

А

Аба (Абус) 92
Аби-Аму *см.* Амударья
Абиано *см.* Амударья
Абус *см.* Аба
Авиньон 13, 176
Австрия 168, 169
Адалиях 66
Аджи-чай 119
Адрианополь 65, 81
Азербайджан 7–10, 20, 21, 23, 29, 32, 33, 72–75, 83, 89, 92, 133
Азия 9, 46, 66, 67, 70, 71, 75, 83, 89, 148, 161, 179
Азовское море 97, 113
Айербан 31
Ак-Коюнлу 8, 20, 64, 72
Акче-каласи 109
Аламут 22, 126, 132
Албания (Зуирия) 29, 92, 93
Алдеа Галлега 183
Александрия *см.* Дербент
Алеппо 20, 82, 94, 100, 105, 112, 142
Алжир 90
Алкал де Хенарес 190
Алкасар 180–182
Алсфельд 165
Алтун-кала 93, 100, 106, 112
Альбистан 78
Альпы 168
Амарская гора 82
Амасья 20, 76, 80
Америка 70
Амид 100, 105, 106
Амударья (Аби-Аму, Окс, Абиано) 33

Анатолия 19, 76, 77, 81, 84, 111, 118
Англия 12, 144, 145
Ангора *см.* Анкара
Анкара (Анкура) 65, 77
Анталья 76
Антиохия 47, 82
Антитавр 81
Аравия 28, 41, 43, 47, 61, 73
Аракс (Арас) 54, 64, 79, 92, 93, 95–97, 109, 110, 133
Араксинские земли (долины Калдерана) 92
Аранхуэс 14, 182
Арванаг 115
Аргианово поле 54
Ардахан 112
Ардебиль 70, 72, 73, 90, 98, 130, 140
Ардебильская область 133
Ардистан 30
Ареш 92, 96, 98, 99
Ариа *см.* Герат
Аркикелек 94
Арктический океан 156, 160
Арктическое море 161, 162
Армения 7, 8, 10, 54, 64, 66, 73, 75, 78, 79, 81, 90, 92, 93, 111, 133, 149
Арсакиа *см.* Казвин
Артаксата 79
Архангельск 12, 161, 162
Ассирийская монархия 43
Ассирия 29, 41, 43, 44
Астархань *см.* Астрахань
Астрабад 31, 137
Астрахань 12, 148, 149

Атропатена 90
Атропатена (Малая Мидия) 29
Аугсбург 13, 172
Аурих 164
Ауссиг 167
Афганистан 63
Африка 14, 46, 61, 90, 123
Ахалкалаки 112
Ахсу, река 99

Б

Бавария 163, 172
Багдад 33, 40, 60, 63, 64, 71, 84, 87, 136, 142
Багдадский халифат Аббасидов 17, 60
Бадахос 14, 182, 183
Бакинское море 146
Баку 31, 81
Балсаим 181
Балтийское море 160, 174
Балтика 190
Баль 169
Барем 161
Барем, река 160
Барселона 13, 145, 176, 177
Баст 134
Башачук 93
Белое море 12, 160
Белтси (Бельциг?) 167
Бене 28
Берлин 167
Бероун 171
Ближний Восток 17
Богемия 168
Большая Армения 64, 78, 79, 89
Большая Индия 183
Большая Мидия 90, 117

Большой Заб 62
Большой Каир 69
Борисфен (Буг) 152, 156,
160
Босфор 19
Брауншвейг 163
Брейденах 67
Брус 92, 97
Брус, гора 100
Брусенец (Вологодская
обл.) 161
Брусенск 161
Брусса (Бурса) 77
Буг *см.* Борисфен
Букавия 163
Бурса *см.* Брусса

В

Вавилон 32, 40–45, 48,
59, 61, 63
Вавилония 33, 43
Вавилонская монархия 41
Валдайская возвышен-
ность 152
Вальядолид 3, 13–17, 24,
26, 28, 177–179, 182,
183, 185, 187
Ван, город 89, 105, 110,
116
Ван, озеро 110
Варкана *см.* Гиркания
Ватикан 13
Везер 163, 168
Веймар 13, 165
Великая Татария 31
Великий Каир 83
Вена 11, 176
Венгрия 85, 90
Венецианская республика
13, 29
Венеция 12, 13, 17, 29,
66, 67, 142, 144, 172,
173, 186
Верона 13, 173
Верра 165
Верхняя Германия 168
Верхняя Месопотамия 33,
75
Верхняя Саксония 166
Вестфалия 169
Византия 56
Виксария 47

Вильно 154
Висла 168
Вистам 107
Виттенберг 166
Вифиния 64, 65, 77, 79,
90
Владимир 12, 154
Волаппо 152
Волга (Идел, Итил, Эдер)
12, 33, 93, 114, 147–150,
152–154, 156, 159, 160,
190
Восточная Грузия 10
Восточная Индия 41
Вронки 168
Высокая Порта *см.*
Османская Империя
Вюртемберг 163

Г

Газа 82
Галатия 64, 77, 79
Галис 50, 77
Галле 13, 165, 166
Гвадарамма 181
Гейсон 147
Гек-чай 76
Гекатампилос *см.*
Исфахан
Генуя 13, 145, 176
Герат (Ариа) 7, 21, 23, 31,
32, 85, 88, 107–109, 130,
138, 140, 141
Гербан (Ширван) 31
Геркинианский лес 168
Германия 12, 13, 144, 152,
160, 164, 165, 167–169,
171
Гессен 163
Гешер 134
Гёкча 33, 92
Гилян 8, 12, 23, 31, 73,
107, 134, 135, 146, 147
Гиркания 28, 29, 49
Гоа 145
Горган *см.* Гиркания
Гори 96
Гранвик 156
Греция 29, 43, 67, 111,
118, 145
Грузинская крепость *см.*
Гюрджи-кала

Грузия (Гюрджистан) 7, 9,
10, 21, 81, 86, 89–93, 97,
99–102, 106, 109–114,
120, 128, 133, 135
Гулзум *см.* Каспийское
море
Гурган *см.* Гиркания
Гурджистан (Малая
Грузия) 33
Гюрджи-кала (Грузинская
крепость) 93, 94
Гюрджистан *см.* Грузия
Гянджа 7, 22, 32, 90, 96,
101, 127, 128, 133

Д

Дабинское поле (Мердж-
Дабик) 81
Дагестан 133
Дамаск 59, 82, 83, 100,
101, 104
Дамасский халифат 60
Дамган 107
Дания 168
Дарас 53
Демир Капы *см.* Дербент
Дербент 96, 97, 99, 101,
114
Джават 90
Джурджан *см.* Гиркания
Диярбакыр 33, 72, 91,
111, 116–118
Дманиси 93, 102, 106,
111, 112
Доброй Надежды мыс 145
Довлети кызылбаш *см.*
Сефевидское государ-
ство
Дувр 145
Дуйсбург 168
Дунай 168
Дуэро 177
Дюрен *см.* Йюлих

Е

Евксинский понт *см.*
Черное море
Европа 3, 4, 8, 9, 11, 13, 14,
17, 23, 29, 46, 57, 66, 67,
72, 78, 83, 85, 117, 144,
145, 166, 168, 169, 173,
179

Евфрат 33, 53, 68, 71, 79,
80, 94
Египет 20, 29, 42, 45, 46,
48, 57, 58, 61–63, 69,
80–83, 87, 90, 100, 101,
114, 115, 179
Ереван 21, 31, 86, 90, 93,
96, 101, 109, 110, 133
Ереванская область 90

З

Закавказье 9, 10, 17, 21,
23, 63

Закрытое море *см.*
Каспийское море

Зале 164

Зальга 74

Зальцбург 171

Зандаруд 30

Западная Азия 129

Западная Двина 152, 160

Западная Европа 3, 11, 61

Зегем 93

Зезиан *см.* Лахиджан

Земля Великого Тамерлана
147

Зенджан 103

Зирма 54

Золотая Орда 31

Зурия *см.* Албания

И

Иберия *см.* Грузия

Идел *см.* Волга

Иерусалим 56, 58, 94, 115

Израиль 42, 179

Израильско-Иудейское
царство 42

Ильменау 167

Инд 41

Индия 27, 30, 32, 41, 145,
182, 186

Инн 168

Ирак 32, 33, 57, 58, 60,
62, 63, 75, 84, 87, 89,
103, 118, 140

Иран 3, 8, 17, 23, 29, 33,
43, 45, 51, 53, 54, 56,
60–63, 72, 145

Испания 3, 12–14, 16, 23,
25–28, 30, 34–40, 55, 61,
65, 70, 123, 127, 141,

142, 144, 145, 150, 151,
158, 164, 168, 171, 175,
176, 178–188, 190, 192

Истахр 47, 50, 73

Исфахан (Гектампилос,
Нисфи-Джахан) 8, 20,
23, 30, 79, 128, 130, 132,
133, 138, 140–142, 145–
147, 169

Италия 11, 28, 29, 38, 47,
54, 67, 151, 169, 171, 172

Итил *см.* Волга

Иудея 90, 115

Й

Йезд 30

Йездри, река 29

Йюлих (Дюрен) 169

К

Кавказ 93, 114

Кавказский хребет 93

Казанн *см.* Казвин

Казань 12, 151, 153

Казвин 7, 8, 12, 21, 22, 23,
30, 31, 86–89, 97–99,
103, 107, 108, 113, 124–
128, 130, 131, 133–146

Каир (Мемфис) 82, 83,
87, 101, 114, 115

Кайсери 76, 85

Калдеран 92, 110

Кандагар 32

Канык *см.* Кура

Каппадокия 50, 55, 64, 78,
79, 89

Кара-агач 90, 98

Кара-Амид *см.* Дияр-
бакыр

Кара-Коюнлу 73

Карабах 22, 99, 102, 127,
133

Карадаг 72

Караджадаг 133

Караман 64, 69, 78, 79,
102, 118

Кармания (Кармана,
Керман, Кирман) 28, 29

Кармона 61

Карс (Киерес) 21, 85, 90,
93, 101, 103, 104, 106,
109, 112

Каса дель Кампо 181

Каспийское море (Каспий,
Гулзум) 9, 12, 29–31,
33, 92, 107, 117, 134–
136, 146–149, 156

Кассель 12, 13, 165, 166,
167

Кастамония 77

Кастилия 65

Кафа (Феодосия) 113

Кажхаха 7, 86, 93, 113

Кашан 12, 30, 107, 124,
130, 132, 146

Кейдер-гёл 94

Кербела 60

Керман *см.* Кармания

Кесарея (Мазакки) 102

Кёльн 169

Киерес *см.* Карс

Киликия 50, 64, 67, 76, 79

Киренаика 57

Кирман *см.* Кармания

Кламорес 180

Клеве 168

Клиске 112

Книд 43

Коломна 154

Колонне 168

Колхида 114

Константинополь (Стам-
бул) 17, 19, 28, 47, 53,
55, 56, 59, 66, 69, 72, 78,
79, 81, 83, 89, 90, 97,
100, 103–106, 109, 112–
115, 119, 120, 133–135,
140, 143, 144

Констанц 168

Конья (Ликаония) 64, 76,
114

Коро 147

Коюнчай 84

Краков 145

Кремона 182

Крефельд 168

Крым 93, 99, 100, 113, 153

Крузекунан 115

Кум 12, 30, 146

Куман 113

Кура (Курус, Канык) 92–
95, 98, 105, 110

Курдистан 7, 31, 33, 54

Курус *см.* Кура

Куфа 57, 60, 71
Куфи 61
Кызыл Ахмедли 79
Кызыл-Ирмак, река 63
Кызылбашское государство 18, 74
Кыркчай 129
Кютахья 76, 77

Л

Лауф 171
Лахиджан (Зезиан) 31, 73, 135
Лейден 57
Лейпциг 13, 166, 167
Леман 168
Лепанто 85, 90
Лепрская гора 79
Ливия 57
Ливония 156
Ливорно 174
Ликаония *см.* Конья
Ликия 64
Ликония 79
Линдус 59
Лиссабон (Лисбон, Олиссипо) 14, 145, 176, 180, 182–187
Литва 152
Лондон 4
Лорайне 174
Лори 93
Лотарингия 160
Лур *см.* Луристан
Луристан 23, 30, 33, 133, 135, 136
Люнебург 163
Люцерн 168

М

Маас 152, 168
Магдебург 166–168
Мадрид 4, 14, 15, 145, 176, 178, 181, 182
Мазак *см.* Кесарея
Мазендеран 23, 31, 107, 118, 136, 137
Майн 168
Майнц 168
Макран (Мекран) 33
Маку 90
Малага *см.* Марага

Малая Азия 8, 17, 19, 20, 23, 29, 49, 50, 63, 65–67, 78, 79, 81, 83, 85
Малая Армения 64, 77–79
Малая Грузия *см.*
Гурджистан
Малая Мидия *см.*
Атропатена
Мангышлак 12, 147
Манна 29
Мансфельд 166
Мантуя 13, 60, 172, 173
Марага (Малага) 33
Марат 78
Мараш 105
Маркиана море *см.* Ван, озеро
Марокко 33, 147, 149, 150, 153, 176
Мартирополис 54
Мастаб 82
Матарий 82
Медина 20, 58
Мекка 20, 60
Мексика 70
Мелитена 53
Мемлекети кызылбаш 74
Мемфис *см.* Каир
Мервский оазис 62
Мердж-Дабик *см.*
Дабинское поле
Меренд 90, 109
Мерида 14, 182
Месопотамия 50, 61, 75, 84, 89, 100, 105, 111, 118
Мешхед 107, 130, 131, 138, 139
Мидийская Атропатена *см.* Ширван
Мидия 28, 29, 42, 45, 47, 48, 50, 57, 59, 65, 90, 114
Милан 37
Минден 163
Минчо 173
Мирина 49
Мисния 166
Мияне 103
Модар 61
Мозель 168, 169
Молдава, река 167, 168, 170

Моллахасан 99
Монпелье 13, 176
Москва, река 160
Москва 12, 89, 149, 154, 156, 158, 159, 174
Московия 32, 33, 37, 145, 148–151, 153–156, 158–161, 168
Мраморное море 76
Муром 12, 153, 154
Мюнстер 169
Мюнхен 13, 172

Н

Нарбон 13, 176
Нахичевань 90, 96, 101, 109, 114, 116, 133
Неаполь 176
Невшатель 168
Негропонт 85
Неккар 168
Нидерланды 70, 152
Нижний Новгород 12, 153
Нижняя Саксония 166
Ним 176
Нинбург 164
Ниневия 44, 45
Нисибин 51, 54
Ниссат 75
Нисфи-Джахан *см.*
Исфахан
Нихавенд 133
Нишапур 107
Новый Свет 70, 183
Нойс 169
Нохум 135
Нубия 41
Нюрнберг 13, 163, 171, 172

О

Одер 168
Окс *см.* Амударья
Олига, гора 77
Ольденбург 164
Опорто 15
Оран 123
Ормуз 14, 27, 33, 145, 180
Османская империя (Высокая Порта) 3, 7, 9–11, 17, 18, 20, 28, 37,

39, 64, 76, 77, 82, 92,
113, 115, 133, 136, 140,
145
Османский бейлик 65
Оснабрюк 169
Отранто 67, 173

П

Падерборн 169
Падуа 28
Палестина 20, 45, 55, 56,
90, 115
Пальмира 51
Памфилия 64, 66
Париж 18
Парфия 28, 29, 30, 140
Парфянское царство 47
Пафлагония 55, 64
Первана-гёл 94
Перекопская орда 153
Переяславль 160
Периард 92
Периардская гора 93
Перпиньян 13, 176
Персеполис 29, 50, 86
Персидская Армения 72
Персидский залив 33, 145
Персидский Ирак 30, 83,
118
Персия 16, 17, 25, 27–29,
32–40, 42, 43, 45, 47–50,
52–61, 63–68, 70, 72–
75, 78, 80, 81, 84, 85,
88–91, 96, 97, 100, 101,
103, 104, 106–110, 112,
113, 115, 117, 119, 120,
123, 125–128, 130, 131,
133–138, 140, 142–146,
148, 149, 158, 159, 163,
164, 166, 169, 170, 173,
175, 177, 178, 180, 184–
186, 189
Перу 70
Пиза 174
Пиреней 13, 177
Писуэрга 26
По 152
Польша 11, 12, 144
Понт 64, 90
Португалия 14, 179, 182,
183
Португальская Индия 144

Прага 12, 13, 145, 167,
169–171, 176
Пустынная Аравия 33
Пфальц 168
Пьемонт 28

Р

Равенна 47
Рейн 168, 169
Рим 12, 13, 16, 47, 94,
145, 162, 171–177, 182
Римакская гора 84
Римская империя 42, 46
Роберг 166
Ровиго 28
Родос 58, 66
Романский акведук 180
Россия 3, 13, 23, 147
Рум 72
Румелия 79
Рыбинск 12, 160

С

Саба 41
Саве 12, 30, 146
Савона 13, 176
Саймара 30
Саксония 13, 160, 166–168
Саксонская Швейцария 13
Саксонское княжество 167
Сале 176
Салмас 33
Самара 12, 151
Самосата 42
Сарагоса 13, 177
Сафед 104
Святая Земля 115
Священная Римская
империя 11, 170
Себзевар 107
Себу 28
Севан 33, 92
Северная Африка 83
Северная Двина, река 160
Северное море 168, 174
Сегед 85
Сеговия 14, 180, 181
Секус 83
Селевкия 54
Селевкия-на-Тигре 41
Сельджукская империя 64
Семнан 107

Сеута 61
Сефевидское государство
4, 7–11, 19, 22, 23, 74
Сивас 76, 85
Сиена 13, 174
Сирия 20, 28, 33, 42, 45,
50, 51, 55, 57, 61, 62,
67, 81, 82, 94, 100, 105,
117
Сирто 29
Сиран 32
Сицилия 70
Скандинавский полуост-
ров 12
Скутари 29
Средиземное море 47, 174
Стамбул *см.* Константи-
нополь
Старая Кастилия 26
Старый Свет 70
Страна кызылбашей 74
Страсбург 169
Суанир 48
Сугут (Тебасион) 65
Султанийе 103, 125
Сурат 145
Сусиана (Сузиан) 30, 43
Суфиян 90, 109, 116, 124
Сухона, река 160
Счастливая Аравия 33

Т

Тавр 92
Таврская гора 56, 57
Таврские горы 78
Тагус 36
Талыш 72, 133
Тана 29
Танаис 114
Тассия 77
Татария 30, 32, 33, 73,
145
Тахо 182, 183
Тебаид 83
Тебасион *см.* Сугут
Табриз 7, 8, 10, 20, 22, 23,
30, 32, 65, 74, 80, 83–
86, 90, 101–103, 109,
112–120, 123–125, 127–
129, 133
Терджан 68
Теусо 147

Тибр 175
Тигр 33, 54, 62
Тифлис 93, 94, 97, 101–
107, 109–111, 120
Тифлисская гора 94
Толедо 14, 61, 182
Тоскана 173
Тотьма 160
Трапезунд 18, 72, 73, 80,
90, 118
Тревио 168, 169
Триал 94, 104, 112
Тринк 167, 169
Триполи 90, 118
Троя 43
Трухильо 14, 182
Тудела 177, 178
Туманис *см.* Дманиси
Турбат-и Хайдери 107,
139
Туркмен-чай 90
Туркмения 63
Туровец 161
Турция 4, 7–9, 11, 72, 77,
83, 133, 134, 136, 142–
144, 149, 186
Туршиз 107
Тюрингия 164, 168

У

Урарту 29
Устюг 161

Ф

Фарс 29, 30, 73, 124
Фарсистан 29, 30
Феликс 47
Феодосия *см.* Кафа
Феррара 173
Филиппины 28
Финикия 55
Фландрия 38, 151, 152
Флоренция 13, 145, 173
Фракия 65
Франкония 163, 168
Франция 12, 13, 144, 176,
181
Фригия 79, 90

Фриденберг 164
Фульда 163

Х

Халдан 92
Халдея 33, 43
Халкедон 55
Хамадан 29, 31, 85, 90, 124
Хаметский брод 64
Хемниц (Саксония) 165
Херес де ла Фронтера 61
Херсбрук 171
Херсонские леса 152
Хессе-Кассель 164, 165,
166
Хиджаз 20
Хой 33, 79, 80, 111, 116,
129
Холмогоры 12, 161
Хорасан 17, 21, 23, 31, 32,
107, 108, 130, 131, 138–
142
Хорремабад 136
Хузестан 43, 60

Ц

Царицын 12, 151
Цирикси 70
Цюрих 168

Ч

Чагатай (Татария) 30
Чалдыран 20, 79
Чебоксары 12, 152
Черное море (Евксинский
понт) 93, 97, 114, 135
Черный Лес 168
Черный Яр 151
Чессел 147
Чисир 142
Чорлу 83
Чухурсаад *см.* Армения
Чылдыр 90, 93, 95
Чылдыр, озеро 21

Ш

Швабия 163
Швейцария 169

Шейтан-кале 111
Шека 95, 98
Шельда 152
Шемаха 31, 74, 96–99,
113
Шинар 41
Шираз 29, 73, 86, 88, 107
Ширван (Мидийская
Атропатена) 10, 21, 31,
74, 81, 92–99, 102, 118,
133
Шотландия 12, 142, 144
Штаде 163
Штирия 184
Шуштер 30

Э

Эдер *см.* Волга
Эйслебен 166
Экбатана 29, 85
Эль-Шапель 83
Эльба 12, 13, 163, 167,
168
Эльбрус 92
Эльзас 168, 169
Эмден 12, 163, 164
Эмс 168
Эпир 80
Эрджиш 84
Эресма 180, 181
Эрзинджан 76
Эрзурум 22, 89, 90, 97,
100, 102, 103, 105–107,
109, 110, 112, 115, 116,
118, 119
Эрлау 85
Эскориал 181, 187
Эссекия 92, 93
Эссен 163
Эстрамадура 182
Эфиопия 41

Ю

Южный Азербайджан 29,
54, 83

Я

Ярославль 12, 160

Источники и литература

Relaciones de Don Ivan de Persia. Dirigidas a la Magestas catolica de Don Philippe III. Ano 1604, Valladolid.

Don Juan of Persia a shi'ah catholic. 1560–1604/Trans. and edit. with an introduction by G. Le Strange. London, 1926.

Relaciones de Don Ivan de Persia/Prologo y notas de D. Narciso Alonso Cortes. Madrid, 1946.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9: Работы по истории востоковедения. М., 1977.

Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI–XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949.

Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в. // Там же.

Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1996.

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949.

Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий Л. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.

Фарзалиев А. М. Сочинения Али-эфенди как источник по османо-сефевидским отношениям конца XVI в. // В сокровищнице рукописей. Т. 7. Баку, 1986.

Фарзалиев А. М. Южный Кавказ в конце XVII в.: османо-сефевидское соперничество. СПб., 2002.

Фарзалиев А. М., Мамедова Р. М. Сефевизм и Великие Моголы в мусульманской дипломатии. СПб., 2004.

Эфендиев О. А. Дон Хуан Персидский или Орудж-бек Байат // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1966. № 2.

Эфендиев О. А. Образование азербайджанского государства Сефевидов в XVI в. Баку, 1961.

Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку, 1981.

Оглавление

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	5
Введение	6

КНИГА ОРУДЖ-БЕКА БАЯТА — ДОН ЖУАНА ПЕРСИДСКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

Сообщение Дон Жуана Персидского о персидских провинциях и великом суфи Персии. Здесь же приложен хронологический перечень персидских царей и правителей со дней Нимрода

Глава первая, <i>в которой автор, ставший христианином, составляет краткую историю Персии и далее рассказывает о событиях, случившихся во время его путешествия в Испанию — Об ошибках в трудах Джованни Ботеро и Томаса Минадои — Путешествия автора можно сравнить с путешествиями Марко Поло и Магеллана</i>	25
Глава вторая, <i>в которой дано описание Персии и подвластных ей стран</i>	28
Глава третья, <i>в которой описан способ правления в Персии</i>	34
Глава четвертая, <i>повествующая о нравах и обычаях в Персии</i>	36
Глава пятая, <i>в которой рассказано о древнем происхождении персидских правителей</i>	40
Глава шестая, <i>в которой продолжен рассказ о генеалогии персидских царей</i>	43
Глава седьмая, <i>в которой продолжается рассказ о династии царей Персии</i>	45

Глава восьмая, <i>в которой продолжается рассказ о персидских царях и о том, кто первым проповедовал Евангелие в Персии</i>	48
Глава девятая, <i>в которой продолжается рассказ о генеалогии персидских царей, с некоторыми интересными деталями</i>	53
Глава десятая, <i>где продолжается и завершается рассказ о генеалогии древних царей Персии</i>	55
Глава одиннадцатая, <i>в которой рассказывается о начале истории мусульманских арабов, которые были повелителями в Персидском царстве, а также затрагиваются другие важные вопросы</i>	58
Глава двенадцатая, <i>в которой продолжается и завершается рассказ о сарацинских халифах, правивших в Персии до времени появления османских турок</i>	63
Глава тринадцатая, <i>в которой продолжается рассказ о делах османов и персов</i>	66

КНИГА ВТОРАЯ

*Дон Жуан Персидский рассказывает о происхождении персидских царей
суфи и об их войнах с турками; в некоторых из них принимали участие
Дон Жуан Персидский и его отец Султанали-бек Баят*

Глава первая, <i>в которой описывается история первых персидских царей суфи, а также разные другие события</i>	69
Глава вторая <i>повествующая о многих войнах, которые пришлось вести шаху Исмаилу суфи</i>	75
Глава третья, <i>в которой продолжается рассказ о войнах между шахом Исмаилом и султаном Селимом</i>	80
Глава четвертая, <i>повествующая о важных событиях, происшедших в Персии, о сыновьях Тахмасиба, и о войнах персов против султана Мурада II</i>	85
Глава пятая, <i>в которой говорится о войне между султаном Мурадом III и шахом Мухаммедом Худабенде, с описанием Грузии и ее правителей</i>	90

Глава шестая, <i>в которой продолжен рассказ о войне армий султана Мурада против Мухаммеда Худабенде, царя Персии; изложены подробности смерти Адиль-Гирея, татарского принца, и говорится о том, что послужило причиной его гибели</i>	96
Глава седьмая, <i>повествующая о действиях ренегата Симона и Аликули-хана против турок и о том, что совершили войска Мурада III под командованием Менучихра</i>	101
Глава восьмая, <i>в которой выясняется причина, почему царь Персии пошел в Герат против своего сына, Аббаса-мирзы; как Мирза Салман был наказан; как Фархад-паша был назначен главнокомандующим в Эрзуруме</i>	107
Глава девятая, <i>повествующая о том, что предпринял царь Персии, чтобы вернуть под свою власть Тебриз; и как он осадил крепость, и что случилось с ее защитниками; и о смерти моего отца, Султанали-бека Баята</i>	119
Глава десятая, <i>в которой речь идет о прибытии туркманов в лагерь царя и о бедствиях, вызванных их появлением</i>	123
Глава одиннадцатая, <i>о несчастной смерти принца Хамзы и многих других последовавших событиях</i>	128
Глава двенадцатая, <i>повествующая о кампании, которую шах Аббас предпринял против мятежников. — Также о смерти султана Мурада III, о вступлении на престол Османской империи его сына, султана Мухаммеда III. — Как шах Аббас перенес правительство и двор из Казвина в Исфахан</i>	133

КНИГА ТРЕТЬЯ

Дон Жуан Персидский излагает здесь причину своей поездки в Испанию и другие достопримечательные события, свидетелем которых он стал во время своего путешествия, а также рассказывает о своем обращении в христианскую веру, а позже и об обращении двух других персидских вельмож

Глава первая, <i>в которой рассказывается о прибытии ко двору царя Персии двух португальских монахов и о двух братьях-англичанах, и о том, как царь решил отправить посольство к восьми христианским правителям</i>	143
Глава вторая, <i>в которой рассказывается о путешествии через Московию, описывается страна и все, что мы видели там примечательного</i>	149

Глава третья, <i>повествующая о приеме, оказанном нам при дворе князя Московии, о том, что мы увидели в Москве, и о том, что произошло между нами и князем, когда мы уезжали</i>	155
Глава четвертая, <i>повествующая о том, как проходило наше плавание по Арктическому морю и какие достопримечательности мы видели</i>	162
Глава пятая, <i>в которой рассказано о том, как мы прибыли ко двору императора Германии и что произошло там с нами</i>	167
Глава шестая, <i>повествующая о нашем путешествии через Германию и Италию, прибытии в Рим, о приеме, оказанном нам его святейшеством, и о том, как мы, наконец, достигли Испании</i>	171
Глава седьмая, <i>о том, как мы вступили в Вальядолид, как поцеловали руку его величества и как племянник посла принял христианство</i>	177
Глава восьмая, <i>о том, как мы, племянник посла и я, были крещены; как я возвратился в Лиссабон и что произошло между мной и послом; и как еще один перс, имя которого Буньяд-бек, решил принять христианство</i>	184
Сонет в похвалу Дону Хуану Персидскому	189
Сонет лиценциата Августина де Вирюега из Алкала де Хенареса	190
Сонет Донны Анны де Эспиноса Ледесма из Сеговии Дону Хуану Персидскому	191
Сочетание сонета с октавой в похвалу Дону Хуану Персидскому	192
Указатель имен	193
Указатель географических названий	200
Источники и литература	206

**РОССИЯ И ЕВРОПА
ГЛАЗАМИ ОРУДЖ-БЕКА БАЯТА —
ДОН ЖУАНА ПЕРСИДСКОГО**

Ответственный редактор *О. С. Капполь*
Редактор *В. С. Волкова*
Корректоры *В. О. Кондратьева, М. А. Макеева*
Верстка *С. В. Кузнецова*
Художник *С. В. Лебединский*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 02.10.2006.
Формат 60×90^{1/8}. Усл. печ. л. 13,25. Заказ № 559.

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 41.

Широкий выбор научной, образовательной, справочной литературы в объединенной книготорговой сети «Книги университетских издательств»

в Санкт - Петербурге:

Книготорговая сеть Издательства СПбГУ

Магазин № 1 «Vita Nova»:

Университетская наб., 7/9

Тел. 328-96-91;

E-mail: vitanova@it13850.spb.edu

Филиал № 2:

Петродворец, Университетский пр., 28

Тел. 428-45-91

Филиал № 3:

В. О., 1-я линия, 26

Тел. 328-80-40

Филиал № 5:

Петродворец, Ульяновская ул., 1

(физический факультет)

Филиал № 6 «АКМЭ»:

В.О., Менделеевская линия, дом. 5

(здание исторического и философского факультетов)

Филиал № 7:

В. О., наб. Макарова, 6

(факультет психологии)

Филиал № 8:

Университетская наб., 11

(в холле филологического факультета)

Книжный магазин «Александрійская библиотека»

Наб. р. Фонтанки, 15 (здание РХГА)

в М о с к в е :

Книжные ассортиментные кабинеты Издательств МГУ и СПбГУ

Воробьевы горы, ул. Хохлова, 11

(здание типографии МГУ)

Б. Никитская, 5/7

(здание Издательства МГУ)

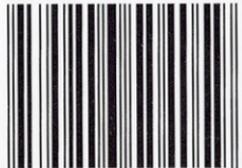

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
СЕФЕВИДОВ
В XVI В.

Россия и Европа
глазами
Орудж-Бека Баята –
Дон Жуана

Персидского

ISBN 5-8465-0405-1

9 785846 504059

